

Специальное электронное приложение к журналу «Epistemology and Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки» за 2014 год

Оглавление

Философско-языковые исследования

Alexei Chernyak. Belief Content and Belief State.....2

Е.В.Вострикова. Семантика индексных выражений.....26

Е.В.Вострикова. Проблема ограничения области действия квантора и теория номинального ограничения.....43

П.С.Куслий. Миллевская традиция в экспликации имен: историко-проблемный обзор.....66

Е.В.Вострикова. Критика теории прямой референции с точки зрения лингвистики.....77

П.С.Куслий. Грамматика Монтегю: три вводные лекции.....98

Переводы философских трудов

Дж. Лэки. Коллективное верование: какие уроки мы можем извлечь из лжи и болтовни?.....138

Ф. Шлейермахер. Идея немецкого университета (перев. А.Ю.Антоновского).....149

Belief content and belief state

A. Cherniak

1. *The twofold conception of belief*

John Perry describes a situation in which he sees in the market the trail of sugar on the floor and comes to believe that some shopper has the sack of sugar torn; he begins to follow the trail to warn the shopper, but cannot catch her and in the end understands that the shopper is he himself. Then he changes his way of action.¹ We may say that this change is due to the J. Perrie's change of the belief; but his initial belief – that some shopper has a torn sugar sack – was about John Perry (for he was this shopper) as well as his final belief ("I have a torn sugar sack"). So, what exactly had changed in J. Perries's mind?

He, as many others, considers beliefs as relations between subjects and propositions – abstractions of independent on particular languages logical contents of sentences saying the same² which are genuine bearers of truth and falsity. Due to this understanding beliefs and many other psychological attitudes (such as hopes, desires, promises etc.) are ordinarily called *propositional attitudes*.

The indexical term "I" does not specify the subject of the belief expressed as

(1) I have a torn sugar sack.

Uttered by another person it would refer to him, not to J. Perry. So, the belief content correlating with the proposition expressed by (1) looks to be equal to: *the speaker of this*

¹ Perry, J. "The problem of Essential Indexical", *Noûs* V.13, № 1, 1979, pp. 3-21.

² The definition of this component involve a theoretical disagreement: one part of the account is that sentences are saying the same if they have the same truth-conditions, but this is obviously not enough; so, some (following G. Frege) address in the explanation the same senses or concepts expressed by the components of the sentences, while others refer to the same sets of possible worlds, etc. See: Perry, *Ibid.*, 6.

sentence has a torn sugar sack. But we understand that the belief refers to J. Perry and no one else: so, it may include the proposition that J. Perry has a torn sugar sack. If J. Perry believes that he has a torn sugar sack this belief may be assigned to him in:

(2) I believe that I have a torn sugar sack.

Now if we substitute "I" within the scope of the verb "believe" for the name of the subject we will get the sentence which does not express the belief in question without the additional supposition, ascribed as a belief to the same subject, saying: "I am J. Perry".

There is a well-known and widely criticized solution of the problem suggested by G. Frege which claims that in contexts of propositional attitudes denoting expressions change their denotations, beginning to denote what were in normal contexts their senses.³ Thus there must be some concept, individuating J. Perry, associated with the use of "I" in (2) such that second appearance of "I" in (2) denotes this concept, hence making that-clause of (2) to be about J. Perry, though not directly.

Many philosophers see this solution highly problematic by the variety of reasons. They include doubts that denoting terms are actually changing their references in contexts of propositional attitudes (why should they, after all?), and suspecting the very notion of sense, in particular of there being senses associated with indexicals (and if they are they should not be the same for each use of the indexical by the same subject) beside many other.⁴

Another proposal rejects denotation shifts in contexts of propositional attitudes and claims that singular propositions, like that expressed by (1), consist of the very objects of correlating thoughts and ordinary propositional elements, i.e. predicate functions or open propositions (expressed as "that x is p").⁵ These are usually called *de re* beliefs (i.e. about the thing – subject – itself).⁶ But this does not yet solve the problem. Perry gives an example: he is making shopping and the mess described in the previous example, and sees his own reflection in the mirror but thinks that this is the reflection of the messy shopper. Then he can believe that: "He is making a mess". We can then ascribe J. Perry the belief that he believes of J. Perry that he is making a mess. That will be a *de re* belief but not the one held by the subject in the scenario.⁷

³ The key source of the account is: Frege, G. "Sense and Reference" (1892). *The Philosophical Review*, Vol. 57, No. 3, 1948, pp. 209-230.

⁴ See: McKay T., Nelson M. "Propositional Attitude Reports" in *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (www.plato.stanford.edu), 2010.

⁵ This idea can be traced back to Russell's idea of proposition: Russell, B. "Knowledge by acquaintance and knowledge by description", *Proceedings of the Aristotelian Society* 11: 108-28, 1910, Russell, B. *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1912, ch. 5.

⁶ Perry, *Ibid.*, 10.

⁷ *Ibid.*, 11.

Yet another solution is that according to which propositions are entities which truth-values are relative to certain parameters, like times and agents. They are now treated as functions from times (and some other parameters) to truth-values.⁸ More precisely the proposition expressed in that-clause of (2) assigns the truth-value relative to the agent and the time of the utterance of (2). But the proposition *that I have a torn sugar sack* may be believed by an agent at certain time and be true of another (or the same) person at another time. Perry distinguishes between two types of contexts in this respect: the one of belief and another of evaluation, which need not be the same.⁹ If I believe now that I have a torn sugar sack, and *now* is not the time when the sack is torn this believe would be false of the context of *now*, though may be true of the context of *then* (when the sack was torn). That Perry believed at some moment that he was making a mess at some other time does not explain his actions (that he began to seek the torn sack in his own cart).

The Perry's solution then goes as follows. There may be different shoppers in the supermarket who believe each about herself that *I am making a mess* is true of her, and begin looking for the torn sack in their carts. Perry says that the common element explaining that behavior of all these people is not what they thus believe, and there is no person (or times) which all these people would believe the proposition to be true of. They are all in one belief *state* – the one which leads them to examine their carts etc. (given other belief states they are expected to be in).¹⁰

What are belief states? Perry suggests that they have something in common with personal dispositions to act in a certain way, i.e. to utter the sentence expressing the proposition believed. So the agent may shift from being disposed to utter "The meeting will begin at noon" to "The meeting is about to begin" and "The meeting has just begun" (i.e. making different actions appropriate), but be still believing the same proposition that the meeting begins at noon in different ways.¹¹ Hence the state of believe in *that I am making a mess* is roughly speaking that of saying sincerely and consciously "I am making a mess". Anyone can believe that, and anyone can believe of J. Perry that he is making a mess; but, as Perry claims, only J. Perry may have that belief by being in that state.¹²

Perry calls beliefs of the illustrated sort beliefs with essential indexical; for a behavior explained by such belief cannot be explained by the belief with the same propositional content (where the indexical term is substituted by a term with more context-independent meaning, hence non indexical).¹³ Many beliefs with no explicit indexical may be considered

⁸ See: Ibid., 13; Kaplan, D. "Demonstratives" (1977) in J. Almog, J. Perry, H. and Wettstein (eds.). Themes from Kaplan, Oxford: Oxford University Press, 1989, 481-563.

⁹ Perry, Ibid. The same distinction was made by D. Kaplan: Kaplan, D., Ibid.

¹⁰ Perry, Ibid., 18.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., 19.

¹³ Ibid., 5. Perry uses the notion of singular proposition which is supposed to be constituted by denotations of the terms used to express it, where some of the terms refer directly to objects in the world which thus are their denotations and constituents of a proposition.

as essentially indexical because they implicitly relate the main propositional content with some time or place, or alike introduced by the context. Thus believing that Moscow is the capital of Russia" I may be well understood as believing that Moscow is the capital of Russia for now, where what time is now is determined by the context.¹⁴

In the following literature on propositional attitudes and belief attribution this epistemic constituent has got different names, such as doxastic state, credence or degree of belief.¹⁵ Some philosophers equate it with the probability ascribed to the proposition believed by an agent. Then the change in beliefs leading to the change in actions to be explained is described as certain update of the belief state in the light of new evidence: evidence-dependant changes of beliefs are considered rational, otherwise irrational.¹⁶

There are common objections to this account of states of beliefs. Deciding how to act according to the reasons based on current beliefs an agent does not ordinarily apply exact probabilistic or analogous values to propositions. Our ordinary rational beliefs should not, further, satisfy the rule of the null-sum. Besides the evidence may be not the only motive for the belief update. Nevertheless, these arguments do not affect the very idea according to which there are cases where a change of the belief is a change of its state, and not its propositional context.

Of course there are good reasons to see beliefs as consisting of at least two elements – an epistemic attitude or state and a propositional content. In fact we can distinguish yet more such elements; since, say, the credence, and the degree of acceptance must not be the same state, and they both may differ from that of the amount of disposition to act according to the belief. And perhaps there are such changes in beliefs which may be characterized as changes in states remaining contents untouched. But I doubt that changes of beliefs in propositions with essential indexicals are such. To me they seem more like cases when propositional contents change.

2. Exploring some cases

¹⁴ Of course we may alternatively consider such propositions as more context independent by treating corresponding beliefs as being not about definite time, place or etc. Thus I may be thought believing that Moscow is the capital of Russia whatever the time.

¹⁵ Cr. for example: Foley, R. "Beliefs, Degrees of Belief, and the Lockean Thesis", F. Huber and C. Schmidt-Petri (Eds.), *Degrees of Belief*, Synthese Library: 2009, 37–47. He attaches to the belief state an additional feature: justification which consists of certain amount of evidence supporting the proposition believed. So, his definition of belief is as follows: i) S believes that p just in case S has a sufficiently high credence that p; (ii) It is rational for S's credence that p to be proportionate to the strength of S's evidence supporting that p; therefore, it is rational for S to believe that p just in case it is rational for S to have a credence that p above the threshold for belief.

¹⁶ Cf.: Ramsey, F.P. "Truth and Probability", in *Foundations of Mathematics and Other Essays*, London: Routledge & Kegan Paul, 1931; Jeffrey, R. *The Logic of Decision*, New York: McGraw-Hill, 1983; Lewis, D. "A Subjectivist's Guide to Objective Chance", in R. Jeffrey (ed.) *Studies in Inductive Logic and Probability*, vol. 2, Berkeley, CA: University of California Press, 1980.

Suppose, first of all, the case of a change in the degree of probability assigned to the proposition. Let's take the proposition be that all swans are white; and an ornithologist gets a new evidence (sees a black swan) which undermines his belief that all swans are white. If he accepts the evidence and perceives it as relevant to the justification of the proposition in question, we are justified to say that he should change his degree of the considered belief. But, we suppose, the proposition believed would remain the same. The change then may be described as

(3) X believes_b that all swans are white, and believes_a that all swans are white,

where "b" and "a" stand for the degrees of beliefs corresponding to the state before and the state just after the acceptance of the new evidence.

Nevertheless we may also note that if the new evidence actually affects the belief like in the example considered the change in degree ordinarily exceeds some threshold of belief-state. Compare some minor influence like this: the ornithologist simply imagines the possibility of there being black swans. This may affect his belief that all swans are white by making the degree of belief a bit lesser; but he would be disposed to say of himself as before that he believes that all swans are white. The change, in other words, would be irrelevant to the way of self ascription of the belief by an agent (at least). But if some real evidence which was accepted (as relevant and true) affects the belief an agent would most likely to change his way of self-ascription of the belief. In the considered case he could say of himself, for example, that he is not quite sure any more that all swans are white. The proposition in question is thus represented as something which is rather not than less believed by an agent; in other words, it is represented now as related to an agent by an attitude below the threshold of belief.

What the ornithologist still would believe then after acceptance of the evidence is rather another proposition: e.g. that all but some swans are white, or that if this observed one thing is not in fact a swan all swans are white. Of course this does not pretend to abolish the possibility of true changes in beliefs' degrees, for instance those of becoming yet more sure that the proposition is true than before the evidence. The example is suggested to show just that we may consider every case when the counterevidence is properly accommodated by an agent as that of shifting from the state of belief to some quite other attitude relative to the proposition or, alternatively, as preserving the belief state by changing the very proposition believed.¹⁷ Surely we need not see things in this way generally. So, let's turn to essentially indexical beliefs.

¹⁷ In the same way we may consider the case when the evidence supports the belief and is supposed to increase its degree as that of either shifting from some state epistemically weaker than that of belief (misunderstood as a state of belief) to the belief state, or as a change preserving the state (perhaps it is the one of the belief, though not so well supported yet to be changed for the state of knowledge) but affecting the content.

As Perry's argument shows he identifies a belief state with the disposition to utter the believed proposition by an agent of the belief and to accept it (as true) explicitly, sincerely and reflexively. But, perhaps, I may explicitly, sincerely and reflexively accept and be disposed to utter only that Moscow is the capital of Russia while believing that it is so for now. I may just not see the time-relativity of what I believe. Although I may act in other respects as if what I believe is time-relative¹⁸.

May be this is wrong, and I must be able to accept after reflection the time-relative version of the belief, if that is the true content of my belief? Perhaps; but I may be unable to apply the necessary amount of reflection to the belief due to some external causes (e.g. not have enough time for that). Then it will be at least ambiguously looking situation in respect of whether the proposition thus believed is actually accepted in the required way.

Anyway, when J. Perry's alter ego in his example shifts from the belief that one shopper has a torn sugar sack to the belief that he himself has a torn sugar sack he may be said to alter either the state or the proposition. What is ascribed in

(4) I believe that one shopper has a torn sugar sack

may be understood in one of the two following modes called de dicto and de re. Under de dicto reading the content of (4) would be represented in a formalized form as

(5) I believe that $\exists x(\text{shopper}(x) \text{ and } \text{has_a_torn_sugar_sack}(x))$;

and under de re reading it would take the form of

(6) $\exists x(\text{shopper}(x) \text{ and } \text{I believe that } \text{has_a_torn_sugar_sack}(x))$.

What (2) expresses on the other hand is de se belief, i.e. the one of the form:

(7) $\exists x(\text{I am } x \text{ and } \text{I believe of myself that } \text{has_a_torn_sugar_sack}(x))$,

which shares with (6) a common element: the variable for the one of whom the belief is beyond the scope of the belief-operator. And this (at least) differentiates it from (5). But (7) contains also an element which (6) does not contain: a self-identifying "I am x"¹⁹. And unlike (5) and (6) (7) does not contain a "shopper..." predicative element. Now depending on the reading of (4) the shift of the belief may be that from the de re or the de dicto belief to the de se one which content is different from both readings of (4). The Perry's argument is that since the shopper in question is the speaker of the utterance of (4) and (4) and (2) express singular propositions these propositions must be the same. But even in this case (2), unlike (4), says nothing about the property of being the shopper, does not ascribe it. Besides, let's

¹⁸ For example I may be sincerely saying sometimes that Sanct-Petersburg used to be a capital of Russia or is a former capital of Russia. And I may be even ground some actions showing the time-relativity of the belief in question on that very belief. Thus I may suggest go to the Russian capital but not to the former one.

¹⁹ What concerns "of myself" that may be considered as part of de se belief-operator or an implicit element, thus not to be included in the proposition ascribed as believed itself.

take the content provided by the individual about whom the belief is as I. Then (4) will say that the speaker believes that I who is a shopper has a torn sugar sack, and (2) will say that the speaker believes that I is he himself and has a torn sugar sack. The self-identifying part of the content is surely there though was not explicated in (2) of the example.

Consider the guy who fell asleep in lethargy and woke up in 10 years (let's call him G). Unbeknownst of the passed years he woke up with the belief that he is 20 years old (the age when he fell asleep); so he may be and is disposed to say of himself "I am 20". According to Perry's analysis since the state of the belief did not change, i.e. he continues to believe the same proposition (that G is 20) in the same way, the belief just becomes false.²⁰ But it is arguably so only if we are in position to assert that the proposition thus believed did not differ from the same proposition believed in by the same agent at the moment of falling asleep 10 years ago. But there are good reasons to suppose that the very proposition has changed.

Suppose that G is explained the situation and asked: what exactly his age-ascribing belief was when he woke up? This would be the motive (for a normal reflexive agent) to think about the unity of his own personality among other things: given that his belief after wakeup was that he was 20, he would have to specify the content of his belief either as referring to the person G was 10 years ago or the one he was at the moment of wakeup. Why? Because though the way of G's thinking about himself and even perhaps his corresponding feelings did not change since what they were 10 years ago, his body has changed, and so did the world around him. A lot of his beliefs about particular things may become false because these things have changed or disappeared. In fact we can treat each of these beliefs as ambiguous after the wakeup as well, for it may refer either to the thing as it has been or to that thing (if only existing, otherwise to its modal counterpart) as it is. This whole situation may be called *the shift of the world relative to an agent*.

Is the presence of such shift is enough to make the belief in question ambiguous? I think, yes. Compare the G's story with the following one. Due to some scientific experiment the person X was destroyed and reassembled 10 years after from the same elements with the same personality, behavioral dispositions, attitudes, memory etc. The one appeared in 10 years is exactly the same as his destroyed precursor; even the body is qualitatively the same, let alone the links with the external world. But we would not hesitate in qualifying such person as rather an incarnation or replica than an extension of the one destroyed 10 years ago. An absence in the world for a considerable period of time looks sufficient reason to count the situation as consisting of two individuals rather than one. Lethargy does not look exactly like absence, but it reminds it in certain respects: first of all it presupposes the absence of a subjective will, consciousness, reflexivity, rational activity etc. And there is also a similarity between these situations in that they both produce shifts of the world relative to

²⁰ See: Perry, J. "Rip Van Winkle and other characters". *The European Review of Analytical Philosophy* 2, 1997: 13-39.

an agent – a massive turning of beliefs into false ones (given the propositions believed are the same as before the gap in the existence of the individual).

I think that the analogy is quite illustrative: we have good reasons to suppose that G's belief that he is 20 is ambiguous after wakeup in that it may be the same state related to two different contents – propositions one of which is constituted by G before and another by him after the incident (or a unity of two). The same will be true (if I am right) for the implicit indexical of time: the *now* of the belief would be ambiguous in the same way after the incident referring either to the *now* of the time just before G's falling asleep or to the *now* of the utterance (or right after the wakeup).

Therefore we have the case looking like the change of the belief's propositional content – from some certain (*ceteris paribus*) to an ambiguous one (at least unless the content is specified according to some new evidence). I suppose that the same treatment will be applicable to any similar case.

Let's consider some further examples presented by cases where there is a sequence of at least two conflicting decisions concerning the same thing made under different sets of evidences which reflect different amounts of risk. The higher risk (much higher in fact) may change personal readiness to act in an ordinary way, all other things being equal. What is changing in relevant beliefs in such situations?

B. Reed suggests the following example: Hannah and Marie have a check that needs to be deposited at their bank, though there is no particular urgency in doing this. It is late on a Friday afternoon, and the bank is likely to be crowded. Hannah thinks the bank is open on Saturdays, having made a recent stop at the bank when she remembers having read the bank's hours. Hannah tells Marie, "I know the bank is open Saturday — let's go then." In the second scenario Hannah and Marie have a check that must be deposited at their bank before Monday — if it isn't deposited before then, they will be late paying their mortgage. It is late on a Friday afternoon, and the bank is likely to be crowded. Hannah recently made a stop at the bank and remembers having read the bank's hours. She seems to recall that it is open on Saturdays. Nevertheless, Hannah tells Marie, "We should go today, just in case the bank isn't open Saturday."²¹

There is no change in Hannah's justification for thinking the bank is open on Saturday in the second scenario in comparison with the first; however, she behaves differently in it due to the difference in her practical stakes. Such situations are supposed to show that beliefs are interest-relative.²² But what is changing in the beliefs? The explanation which

²¹ B. Reed, "Against the Interest-Relative Account of Belief", Northwestern University, b-reed@northwestern.edu., 12.

²² See: Fantl, J. McGrath, M. *Knowledge in an Uncertain World*. Oxford: Oxford University Press, 2009; Stanley, J. *Knowledge and Practical Interests*. Oxford: Oxford University Press, 2005; Weatherson, B. "Defending Interest-Relative Invariantism," *Logos & Episteme* 2, 2011: 591-609. The preferred interpretation of the case is

looks obvious consists in a statement that practical stakes increase (when stakes are high) or decrease (when stakes are low) the credence or degree of a given belief, therefore, its state, given the proposition believed is the same. But the degree of a rational belief seems to be sensitive to the justification an agent has for that belief. And current stakes themselves do not look like part of a justification. Then one may say that Hannah in fact ceased to have the belief that the bank is open on Saturday when considerations of a high risk were taken into account. But that seems odd if we don't suppose that beliefs are such attitudes which may cease to be held without any change in the totality of evidence. Of course we may suppose the case when a person changes her relation to the same evidence so that it ceases to suffice for her justification for the belief (she may become less susceptible to that particular sort of evidence for example); but the very fact of this change will be an additional evidence contributing the justification in such case. Beside some exotic cases of hyperemotionality (when, supposedly, a person can be so much excited that this may end with the actual change in the degree of certain belief) normal rational agents do not look disposed to change their belief states relative to the change in stakes alone.

And consider a Double Reward/Punishment case: Maria is taking part in a psychological study that measures how people assess risk. She will be asked a question and then will have the opportunity to play two games simultaneously. In the first game, she is given a jellybean for a correct answer and a severe electrical shock for an incorrect answer. In the second game, she is given \$1000 for a correct answer and a gentle slap on the wrist for an incorrect answer. In both games, there is neither penalty nor reward for abstaining from answering. Maria is asked, "What was the name of Hannibal's brother?" She takes herself to remember, from a course she took several years earlier, that his name is Hasdrubal. She gives this answer in the second game, but she abstains from answering in the first game.²³ In this example it is yet harder to prescribe to the agent the behavior based on instantly increased and decreased degrees of the belief backed by no new evidence. It is much more likely that the degree of the belief does not change in such case.

Alternatively we may suppose that both Hannah in the first example and Maria in the second just quit using their certain beliefs as reasons to act under the pressure of high stakes. Then the beliefs did not change at all. Under this interpretation both agents behave as if they don't believe what they believe; but they don't have enough time to forget their certain beliefs, so they cannot be described as just not taking these beliefs into account in their decisions how to act. These beliefs must be somehow consciously deactivated in such cases. Therefore the most likely interpretation of the cases is that according to which the agents still use their certain beliefs but as not parts of their current motives. If then we accept an idea that to believe is to be disposed to act in a certain way in certain

that in the first case unlike the second Hannah knows that the bank is open at Saturday. But it may be construed as well as the case of the change in her belief.

²³ Reed, B. "A Defense of Stable Invariantism", *Noûs* 44, 2010: 224–44.

circumstances than such changes in the ways of action would mean some changes in certain beliefs. Otherwise the cases will be just irrelevant to the question under consideration.

If there are in fact changes in beliefs in the cases described above, though, they do not look changes in degrees of the beliefs. Note that although the justification in the cases remains the same the personal use of it changes between scenarios. Hannah and Maria are not very attentive to the evidential support their beliefs have in the less risky cases, while they are more attentive to that in more risky cases. This influences the way of action but seems to not influence how the belief is represented in the ascription. We presume ascribing a belief that an agent is acting relative to that belief *under the same representation* of it linking it with a unique propositional content. But this may be just a stipulation. Thus Hannah's belief in both scenarios is ascribed as having the same propositional content: that the bank is open on Saturday; meanwhile in both cases it is related to some evidence (the same in fact) in different ways. In the one case Hannah behaves as if she has no doubts that the bank is open on Saturday, hence the justification may be said to stay unexplicated; but in another case she behaves as if she doubts very much that the bank is open on Saturday. This is the case of an explicit taking into account of the evidence and recognition that it is weak to act as in the first case. What Hannah is actually considering when she decides to make a deposit right now is the combination of the proposition *the bank is open on Saturday* with the evidence to accept it: *I remember having read the bank's hours*. Now the content Hannah uses in making a decision when stakes are high looks rather the result of the fusion of the proposition with the evidence: something close to *I remember having read that the bank is open on Saturday*. Recognizing that just her personal recollection is not enough to avoid a costly mistake Hannah then rejects base her action on that belief.²⁴ But this rejected belief looks like different from the original one rather in content than in state.

But J. Perry's example is the one when the new evidence is contributing the way of the belief change. The belief content changing the agent's behavior – *that I am making a mess* – may be naturally described as a result of a fusion of the original propositional content – *the shopper is making a mess* – with the new evidence – *I am the shopper*. Though "the shopper" and "I" in both beliefs refer to the same individual which may be thought to indicate that they contribute the same propositional element to the contents of these beliefs, since "the shopper" may be correctly interpreted as "the one who is a shopper" its contribution to the proposition may consist from two parts – the individual and the denotation of the predicate "is a shopper". This later element is absent from the resulting proposition *that I am making a mess*. So this is one reason to consider this proposition as different from that of the original belief, and the change as that in the beliefs' content. Another one is that the second belief has a presupposition different from that of the original

²⁴ This recognition may be thought as giving new evidence, hence changing the justification the belief has; but if so then all such cases should be rather considered inappropriately construed as not involving the change in justification. Anyway, this conceptual move will not affect the interpretation of certain cases as those of changing belief contents.

belief. It presupposes that the agent is the shopper which could not be originally presupposed by the agent; the new presupposed content thus links two beliefs on the basis of new information, explicating the nature of the new belief as a result of the fusion of the old one with new evidence.

3. Propositions and characters

A state of belief may be considered as contributing to its semantic content in a way different from that of a belief's propositional content²⁵. The most famous two-dimensional account of semantic meanings is a Kaplanian distinction between contents and characters²⁶. Kaplan defined contents as functions from possible worlds to extensions of expressions, and characters corresponding to linguistic rules as functions from contexts of expressions' use to their contents²⁷. There are arguments based on the Kaplanian notion of meaning, aimed to show that beliefs beside their objects (commonly, though not unanimously, considered to be propositions) depend on information contributing to them in some non propositional way.

M. Richard²⁸ gives the example: There is supposed to be a man A (stipulated to be intelligent, rational, and competent speaker of English) who both sees a woman B, across the street, in a phone booth, and is speaking to that very woman through a phone. He does not realize that the woman he is speaking to is the woman he sees. He perceives her to be in some danger. A waves at the woman through the window but says nothing into the phone. If A quizzed himself concerning what he believes, he might well say

(8) I believe that I can inform you of her danger via the telephone.

An indexical "you" would refer here to the woman being spoken to by phone, while "her" to the woman seen through the window. At the same time A would deny the truth of

(9) I believe that I can inform her of her danger via the telephone,

as uttered by himself. The embedded sentences in (8) and (9) differ only with respect to indexicals which are co-referential in the context. Therefore if indexicals are directly referential, as it is often supposed, the embedded sentences should express, relative to the context, the same proposition: *that A can inform B of her danger via telephone*. But (8) and (9) definitely diverge in truth value in that context.²⁹

²⁵ Let's preserve the supposition that propositions are genuine objects of beliefs.

²⁶ Kaplan, *Ibid.*, 506.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ Richard, M. "Direct Reference and Ascriptions of Belief", *Journal of Philosophical Logic*, Vol. 12, No. 4, 1983.

²⁹ *Ibid.*, 439 - 440.

There may be objected that in the framework of direct reference for indexicals it should be accepted that if anyone is ascribed (8) as true she should be ascribed (9) as true as well, whatever her own perception of the difference between these two attitudes. Then there just would not be the difference in truth value supposed to be observed so commonly. Richard claims that (8) is true in A's context because A knows what proposition is expressed by the embedded sentence when he utters it, for "he knows the meaning of the sentence, he is perceiving the referents of the demonstratives therein, and may be said to know of each demonstrative that it denotes the thing perceived"; and since A would, sincerely and reflexively attest to the truth of (8), it seems that (8) is true. But (9) would be true only if A believed that there was someone in danger with whom he could converse via the phone, and "as the case is set up, there's every reason to think that A does not have this belief. Hence, there's every reason to think that (9) isn't true"³⁰.

But it may still be said that if A actually knows what proposition is expressed in an ascription described in (8) then he, as a rational reflexive agent, may be surely said to know the same about the embedded sentence of (9) in the same context; and since the two propositions thus expressed are the same, he may be said to be in the relation of knowledge to that fact, though not knowing that he knows that.

From Richard's point of view though A understands both sentences embedded in (8) and (9) and knows of each which proposition it expresses, since A doesn't know that his uses of "she" and "you" are co-referential, he can hardly be expected to know that the embedded sentences in (8) and (9) express the same proposition. So for him the distinction between two beliefs consists in the ways the propositions are believed: "A believes the proposition that B can be informed of her danger via the phone under the meaning of the embedded sentence of (8), but not under the meaning of the embedded sentence of (9)."³¹

Thus Richard construes the belief operator as operating on sentential meanings and not simply as an operator on propositions which meanings, relative to contexts, have as values.³² In his presentation belief is a triadic relation between a person, a sentential meaning (understood as a function from context to proposition), and a proposition; "to believe a proposition is to do so under a sentential meaning"³³.

But the argument for the truth of (9) in case of the truth of (8) may be further developed: we can expect that if A actually knows propositions expressed in (8) and (9), he, as a rational and competent speaker of English, would know that they are the same. We can then attend to A as not seeing or being ignorant of what he actually knows. And A's denial of (9) in the situation considered would count following in this representation not from his ignorance of the fact that (8) and (9) express the same proposition, but from his ignorance

³⁰ Ibid., 440.

³¹ Ibid., 442.

³² Ibid., 448.

³³ Ibid., 429.

of the limits of his own knowledge, in other words – from his being unable to put something he already knows under the reflection in his actual context. If this is true (as it seems) a critic may be still right claiming that (9) should be true of A in the context where (8) is true of him.

We may accept that an expression used as an ascription of a belief bears information not only about the proposition believed but also about the manner it is believed, in particular that it is believed by way of accepting certain sentence and understanding its meaning. But whether this information is relevant to the ascription of the belief as such is not so clear. Suppose someone articulates the belief that Barack Obama is the president of USA by saying that he (supported with the pointing to the picture of George Bush) is the president of USA. From the character of the sentence it is clear that the proposition believed must include as the referent for "he" the one whom the speaker is referring to. But what is this element in the situation considered? In one sense it is Barack Obama, for him the speaker meant uttering the sentence. But in another sense it is George Bush, for him the speaker actually pointed at through pointing at his picture.³⁴ The speaker's meaning is most likely *that Barack Obama is the president of USA*; that is a specification of the belief expressed by an original utterance which its speaker would most likely give if asked "Whom are you talking about?". But this does not yet mean that the original utterance ascribes to an agent the belief *that Barack Obama is the president of USA*. What it ascribes looks rather ambiguous in the situation described: either the belief about Obama or the similar belief about Bush³⁵. What is the personal disposition to say about her belief may still be not determining what is thus believed.

Therefore, it may be accepted that truth values of (8) and (9) are different, but rejected that propositions expressed in their embedded sentences are the same; for if they were, we could not be stopped from ascribing to A the kind of knowledge that two propositions are the same, which would leave the difference in truth-values unexplained. I suppose that the core of the problem is the supposed knowledge of indexicals' referents ascribed to the agent. It is true that A as perceiving the referents of the indexicals may be said to know of each of them that it denotes the thing perceived. But that thing in each case should not be the same – an individual B. What A can perceive, and know from perception, are not full-fledged individuals, but rather certain location-sensitive entities or sense-data-sensitive slices of individual objects – something close to Russellian objects of knowledge by acquaintance. It may be proposed, then, that at least in the scope of attitude operators (belief operator, in particular) objects of direct references of indexicals are not individuals as such, but sort of situated individuals, i.e. objects got from the coupling of an individual with certain spatio-temporal location related to a believer.

³⁴ We skip here reflections upon the hypothesis that true referent of the indexical in such case is the representation itself, for the sake of brevity.

³⁵ Or even perhaps a belief with an ambiguous content.

Thus "you" in (8) would then refer to the result of a coupling of B with the location of being on the other side of the phone cable relative to the agent (which is on the context-centered side of it), and "her" would refer in both sentences to the result of a coupling of B with the location of being in the phone booth on the street seen from the window (located in the center of the context).³⁶ Now, we have an explicit difference between propositions expressed in (8) and (9). But this may mean, inter alia, that at least some aspects of the way of holding the proposition by an agent, those which are relevant to the belief ascription, are rather to be reflected in the propositional content of the belief, than taken from some external source of information.

A in the example would know what propositions he was believing in both cases reflected in (8) and (9) correspondingly, but could not know that these were the same proposition if the propositions in question included only those parts of the individual B which A could certainly know from perception (acquaintance) in the situation described. In this situation the same proposition should not be truly ascribed to A, and (8) and (9) should not be seen as providing us only with the difference concerning the manner in which the same proposition is held in each case.

In fact we have several ways of fixing the idea that a talk about differences in manners of beliefs is just another way of talking about implicit differences in propositions thus believed. Consider, for example, another case by Richard: in it someone who expresses his belief by saying "You [person X is addressed, say, through the telephone] are happy, but she [X, who is standing across the street, is demonstrated] is not happy" is supposed to express the belief in the same proposition as does one who addresses X and says "You are happy, but you are not happy". Richard says that without invoking a triadic view, it is difficult to explain the intuition that irrationality is present in the latter belief which is not present in the former. Invoking this view, however, allow to say that it is irrational to believe the proposition in question in the way the second person does; for a rational person who understands English must know that the second meaning cannot yield a truth.³⁷

But the second meaning of course can yield a truth in different ways. Supposing that the addressee for both appearances of "you" is strictly the same – X as it is or the same slice of X – and that "happy" means strictly the same in both appearances, we can notice that the first ascription of the happiness unlike the second one may be time sensitive (i.e. express *now happiness*); or it may be vice a versa. But even if these appearances of indexicals are time sensitive in the same sense, since the utterance of the sentence is the process, the second part of it may express the thought which explicitly denies the thought expressed in

³⁶ These locations are not reducible to the conventional coordinates which could eliminate the difference in locations, because localization by conventional coordinates is part of information about the situation which an agent may not have; so he cannot use it. This proposal should not lead to the denial of the direct references of indexicals as such, though it may look like this; for the reference of the term may be still supposed to be provided without any aid from descriptive means.

³⁷ Ibid., 429.

the first part (perhaps, as not actual any more). An agent may have a capacity to change his mind during the utterance, and reflect it right in this utterance, if he has a capacity to change his mind between utterances, which we suppose we, as agents of beliefs, have. What an agent thought as true then he would deny as not true now, at the moment of (the end of) the utterance.

Since we can treat almost any utterance of the sentence which seems to express a contradiction in this way, we don't need a third dimension of the semantic relation to explain why the second belief is irrational when the first is rational while they both express the same proposition. They just don't express the same proposition under this treatment.³⁸ So we don't need references to different characters of these beliefs and their interpretations as different ways of believing the same proposition.³⁹

4. Beliefs and modes of presentations of what is believed

Another way to distinguish the propositional content of a belief from its state is through the description of beliefs as triadic relations between believers, believed contents (propositions) and modes of presentation of propositions by believers.⁴⁰ Therefore to ascribe a belief one need to explicate not only an agent and a propositional content but also

³⁸ They still may differ in rationality under this treatment: for we may say that this is irrational to change the mind during the single utterance.

³⁹ We can doubt also whether characters are in general relevant to the belief ascription. Richard (Ibid., 442 - 443) suggests comparing the position of A with that of a person X, who is in the same situation as A, but who knows that the woman he sees is the woman to whom he is speaking. He will also differ from A in that there will be a woman whom X believes to have the property of being such that she can be informed of her danger via the phone. Richard supposes that we cannot explain the difference between positions of A and X in terms of propositions believed, since both of them believe the proposition that B can be informed of her danger via the phone. But X believes the proposition that he can inform B of her danger via the phone under the meaning of "I can inform her of her danger via the phone", and will attribute to B the property *Being a thing that can be informed of its danger via the phone*; A, who doesn't believe the proposition under that meaning will not attribute this property to B. But A's self-ascription of (8) is true and his self-ascription of (9) is false in the same context c. X's self-ascription of (9) is true in the context c' which may differ from c only by X being its agent instead of A. So (9) is true relative to X and false relative to A. The difference in truth value may be easily explained by the difference in the denotation of "I" while the proposition expressed by the embedded sentence may be the same. They may differ in other contexts for A and X, but the contexts c and c' are the only contexts relevant to ascriptions of the corresponding beliefs. And in these contexts A and B believe the same thing under the meanings of the utterances of the sentences which express the same proposition in these contexts. To insist that other possible contexts are relevant too is a stipulation; we should not obey to it. In another context A may be said to have another belief, which would reflect the very fact that his corresponding utterance of (8) would express another proposition, the one different from that expressed by (9) as uttered by A in the same context. And the same would hold for X. Relative to other possible contexts as X so A could be said to be expressing different propositions when uttering (8) and (9) correspondingly, and by that reason having beliefs different from the current ones.

⁴⁰ See, in particular: Schiffer, S. "Naming and Knowing". P. French, T. Uehling, and H. Wettstein (eds.), *Midwest Studies in Philosophy*, Vol. 2, 28-41. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977, and Crimmins, M., and J. Perry. "The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs". *Journal of Philosophy* 86, 1989: 685-711.

a mode of presentation; and in talking about belief change one may then talk about some change of the mode of presentation which preserves the propositional content of the belief.

It is said within the account that, e.g., two beliefs:

(10) Cicero is an excellent writer

and

(11) Tully is an excellent writer,

while about Cicero, involve different modes of presentation or different 'notions' of him. It is suggested then that beliefs can be classified in two ways: either by their truth-conditional content (Cicero, when he thinks that he is an excellent writer, thinks the same thing which we believe when we believe that Cicero is an excellent writer or that Tully is an excellent writer), or by the modes of presentation or notions involved (Cicero and John both think the same thing when they think "I am an excellent writer").⁴¹

But why modes of presentation should be considered different from propositional contents of beliefs? Indeed, we may say that Cicero and John both are presenting some object in the same way by using an indexical "I" in their utterances "I am an excellent writer"; all the rest contents they express seem to be the same. Their corresponding beliefs present different objects though, hence express different singular propositions (supposing that the propositional component introduced by a proper name is the object which it denotes): one is about Cicero, another about John. Here we have then an obvious difference between beliefs due to their differences in believed propositions. But in case of (10) compared to (11) it is not enough to accept the directness of references of names "Cicero" and "Tully" to infer that the two sentences describing beliefs have the same truth conditions; we must already think of the different notions of Cicero involved in the references to him by way of using words "Cicero", "Tully" and "I" by certain persons as involved on the level of belief content different from that of the proposition itself. If someone believes (11) about Cicero (i.e. using "Tully" with its common meaning) but does not know that Tully is Cicero, his personal notion of Cicero may well be represented as part of what she believes. The propositional content of the belief then may be described roughly as *that Cicero as the bearer of Tully-features is an excellent writer*. "*as the bearer of Tully-features*" is part of the content which may be accommodated in different ways: as what is presupposed, though not believed, or as what is believed without being articulated. If this component is presupposed this may (and I suppose do affect) the argument of the predicate function expressed by "*is an excellent writer*"; for the argument in this case is restricted by the class of bearers of Tully-features, hence by the believer's notion of Cicero⁴². Both

⁴¹ Récanati, F., Crimmins, M. "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports". Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes, Vol. 69, 1995, 179.

⁴² In a more formal way this may be described as: [ι *as the bearer of Tully-features* (x is an excellent writer)](Cicero), where ι stands for a relevant type of quantifier.

interpretations cannot be just ruled out by acceptance the directness of reference of "Tully" in the use thus considered: the name may refer directly to an object composed from an individual and some feature or set of features determining that individual for an agent.

After all the utterance of (10) is true relative to the agent only if Cicero as perceived or known by the agent of the belief is in fact an excellent writer; meanwhile the same sentence with "Tully" in place of "Cicero" will be true only if Cicero as known to the agent of that belief (Cicero as Tully) is an excellent writer. If all that the second person knows about Cicero are facts about his youth for example, and his use of "Tully" is such that makes him to refer only to young Cicero, the sentence above would not be true of Cicero as known by that person. (10) and (11) will have different truth conditions then, hence will have different propositional contents, for these are the bearers of truth conditions.

F. Recanati interprets the contribution of personal notions to contents of beliefs in other way. According to him embedded clauses in beliefs' ascriptions express quasi-singular propositions which "are like singular propositions, except that to the normal constituents of a singular proposition are associated modes of presentation". Thus the constituents of such propositions are ordered pairs consisting of the normal constituent of the corresponding singular proposition and a mode of presentation of that constituent.⁴³

Therefore an embedded sentence in a belief report may be construed as expressing a quasi-singular proposition, to which the 'that'-clause refers. Substituting "Tully" for "Cicero", for example, would preserve the truth-conditions of the embedded sentence of "John believes that Cicero is an excellent writer" which content can be represented as a singular proposition (*that Cicero is an excellent writer*), but affect the quasi-singular proposition by changing the mode of presentation which, together with Cicero, constitutes its first constituent. The latter change may be represented as: "John believes that Cicero is an excellent writer" = B(John, <<Cicero, 'Cicero'>, the property of being an excellent writer>), and "John believes that Tully is an excellent writer" = B(John, <<Cicero, 'Tully'>, the property of being an excellent writer>).⁴⁴

At first glance such analysis does not permit to preserve direct reference and semantic innocence, the thesis according to which if the sentence expresses certain proposition in one context (e.g. as an embedded clause of the belief report) it should express the same proposition in the other (e.g. when occurs as unembedded). From the latter it follows that if the embedded sentence in a belief report expresses a quasi-singular proposition, the same sentence should also express a quasi-singular proposition when it occurs in isolation. And this seems to conflict with direct reference, according to which a

⁴³ "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" I, 179.

⁴⁴ Ibid., 180.

sentence with a proper name must refer to the denotation of that name and express a singular proposition when occurs in isolation.⁴⁵

But Recanati insists that "sentences like "Cicero is an excellent writer", involving a directly referential expression in a predicative frame, do indeed express quasi-singular propositions when uttered in isolation". The quasi-singular analysis of belief reports is therefore consistent with semantic innocence and with direct reference after all.⁴⁶ He introduces a distinction between the proposition expressed by an utterance and the utterance's complete semantic content – what it expresses in some broader sense, and claims that modes of presentation should be added to broad semantic contents of the utterances expressing beliefs.⁴⁷

Whatever the details of this account an important part is the claim that since modes of presentation do not influence the truth-conditions of beliefs corresponding components of quasi-singular propositions are truth-conditionally irrelevant. Their truth-conditions are genuinely singular. Broad semantic content thus "goes beyond mere truth-conditional content and includes cognitively relevant but truth-conditionally irrelevant modes of presentation".⁴⁸

To me this looks like just another way to say that the mode of presentation is something quite different from genuine propositional content of a belief. I think instead that it is not. If (10) may be seen as expressing quasi-singular proposition, hence implying certain notion of Cicero, it may be plausibly construed as saying that Cicero *as a bearer of Cicero-features* is an excellent writer; it seems to be true in that context only if Cicero in the role specified by the implicit component is an excellent writer, and false otherwise. Thus an embedded sentence may have the same propositional content as an unembedded one if the contexts of two occurrences of this sentence – an embedded and unembedded correspondingly – belong to the same discourse: are about the same quasi-singular object (individual object distinguished by certain properties prescribed by the notion).

Modes of presentation look quite irrelevant to the propositional content when schematically depicted as in Crimmins's exposition⁴⁹. In this representation they don't appear as elements of any string of symbols composing the proposition ascribed as believed. He follows Perry and Crimmins⁵⁰ counting the ascribed modes of presentation no part of the content of that-clause of a belief ascription; instead he considers the content of a that-clause to be a singular rather than quasi-singular proposition. But modes of presentation are thought in this account as unarticulated constituents of truth-conditional

⁴⁵ Ibid., 181.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid., 182.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Crimmins, M. "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" II, 195, 199.

⁵⁰ Crimmins, M., and Perry, J. "The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs". *Journal of Philosophy* 86, 1989.

contents of belief ascriptions. Nevertheless thus depicted they look rather not contributing at all to semantic contents of corresponding beliefs; they may be thought as mere causes of the occurrences of certain terms in the utterance instead.⁵¹ To consider them as semantically relevant we need to stipulate it.

How much in fact do we need modes of presentation in calculating the truth conditions? There are of course cases where we do; but are those where we need not allow these modes to be parts of propositional contents such that we cannot ascribe truth-values without references to some mode of presentation? Let's consider an example proposed by B. Loar: "Suppose that Smith and Jones are unaware that the man being interviewed on television is someone they see on the train every morning and about whom, in that latter role, they have just been talking. Smith says "He is a stockbroker", intending to refer to the man on television; Jones takes Smith to be referring to the man on the train. Now Jones, as it happens, has correctly identified Smith's referent, since the man on television is the man on the train; but he has failed to understand Smith's utterance. It would seem that, as Frege held, some 'manner of presentation' of the referent is, even on referential uses, essential to what is being communicated"⁵².

But we can interpret the case so as to not ascribe a failure of understanding: if the utterance, unlike the act it constituted, says only that the one referred to by the speaker is so and so, Jones could well understand Smith's utterance. Their modes of presentation of the person they are talking about do not seem relevant pieces of information here. Therefore, the fact that described misunderstanding is always possible does not entail that "there always is a mode of presentation as part of semantic content"⁵³. If we need such mode to be part of a semantic content we rather have to add it to the propositional content of an utterance, e.g., by incorporating presuppositional and implicated pieces of relevant information right into the logical content of what an utterance says.

Let's call the person about whom Smith and Jones talk in the example, taken independently of its modes of presentation in Smith's and Jones's (and anyone's) thoughts, **a**. Then what Smith's utterance says may be described as an extended proposition like *that a is* _{pres}*[the one located by the speaker on his current position* _{imp}*[which is the man on TV] and] a stockbroker*, where the part in the brackets prefixed by "pres" belongs to the Smith's presupposition associated with his making the utterance in question, and the part prefixed by "imp" describes the implication of that presupposition for the utterance's actual context. Now, we can truly say that Jones did not understand the utterance just because he did not identify at least the implicated content (even if his understanding of the presupposed one is the same as the Smith's). No doubt in this representation implicated part looks quite truth

⁵¹ Otherwise we will be free to add them to a relevant propositional content with the effect of contradiction to the semantic innocence which requires that the proposition should be the same both in embedded and in unembedded occurrences of the same sentence.

⁵² Loar, B. "The Semantics of Singular Terms". *Philosophical Studies* 30, 1976, 357.

⁵³ "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" I, *Ibid.*

conditionally relevant. But so far as we assign to the utterance only its most directly expressed content (the one stripped of any presuppositional or implicated part) we cannot blame Jones of the example for misunderstanding the utterance by Smith, for he truly identified its narrow propositional content.

Normally utterances are interpreted as involving some unarticulated components, and these are ordinarily treated as influencing truth conditions of those utterances which contain them: thus the utterance of "It's raining" is usually understood as presupposing some location (and often time); truth conditions of this utterance are sensitive to the place (and often time) of the described event, so that the utterance should be true only of some certain place (and often time) the reference to which then must be taken as part of the content of what is thus said. Otherwise the utterance will be true relative to there being rain somewhere (which is quite rarely meant to be said)⁵⁴. Since participation of such element in the utterance's content seems indeed truth conditionally relevant, why should we think otherwise about such elements as modes of presentation? I think we should not.

5. De re beliefs

Another problem for Recanati's account is that different agent's notions of the object may be involved in belief ascriptions. Consider, for example, the utterance "Peter believes that Cicero is an excellent writer"; in it the speaker may mean what she supposes to be the belief which may not fully correspond to Peter's own understanding of what he believes. Peter may not know that the one he refers to in the corresponding belief about Cicero is Cicero, but it is enough to formulate the report in question that the speaker knows that the one whom Peter refers to is Cicero. So the belief report then looks rather expressing a relation between an agent, a proposition and a speaker's mode of its presentation, or, perhaps, a tetradic relation between an agent, a proposition and two modes of its presentation: the speaker's and the believer's.

Recanati introduces the distinction between two types of modes of presentation: the ascribed to the believer and the exercised by the speaker. The later also is ordinarily supposed to be the mode which a hearer of the utterance must employ to understand it.⁵⁵ But I suppose that things are subtler in this respect: the speaker may mean some mode of presentation of an object which is neither her own nor the believer's⁵⁶, but rather something like a common sense idea of that object. This later one is usually what is supposed to be employed by a hearer to understand the utterance. If we then identify the exercised mode of presentation with the speaker's in cases when this one does not coincide

⁵⁴ But even in this case the lack of an unarticulated location specifying component is equivalent to the presence of an unarticulated component like "somewhere".

⁵⁵ "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" II, 199.

⁵⁶ The one she supposes to be the believer.

with the common one the speaker may be expected to provide in the utterance one of the two types of a mode of presentation different from the one ascribed to the believer. But we may identify as an exercised mode of presentation the common one if this is what the speaker is disposed to mean in relevant utterances. Sometimes, of course, the hearer is supposed to employ the speaker's mode of presentation strictly, and sometimes – the believer's one. So, we better distinguish for the sake of subtlety at least four types of modes of presentation: the speaker's, the believer's, the common, and the hearer's, for there may be cases where the speaker knowing whom she is addressing means the hearer's mode of presentation, however distinct from her own, the believer's or the common, to be employed for an understanding the utterance.

Yet there exist simple de re beliefs and ascriptions which seem to involve no modes of presentation at all. Answering this objection Recanati points that a belief ascription somehow changes the context of the sentence. For that argument he uses Quine's account of de re belief reports as ascriptions of triadic relations between the believer, the referent, and the property believed of the referent⁵⁷. The content of "John believes that Cicero is an excellent writer" may be then represented as "B (John, Cicero, <x, the property of being an excellent writer>". And according to Recanati the later may be then converted in "B (John, Cicero, <<x, m>, the property of being an excellent writer>)", when the believer's mode of presentation is involved, and then to "B (John, <Cicero, m_j>, <<x, m_k>, the property of being an excellent writer>)", where both the speaker's (m_j) and the believer's (m_k) modes of presentation of Cicero are represented. In de re cases then m_k may be vacuous.⁵⁸

To save semantic innocence he accepts that prefixing the sentence with "John believes that" changes the context: it becomes that of a belief ascription, and this affects the reference of 'that'-clause. For he supposes that there is a general thesis and a special theses of semantic innocence where the first one says that words behave in the normal way when they occur in contexts of attitude ascription, and the latter one – 'Sentential Innocence' – says that the content of the sentence once embedded is necessarily the same as that of the sentence unembedded. Since that does not make room for context-sensitivity it needs some modification according to which the sentence expresses the same content, whether it is embedded or unembedded, provided the context remains constant⁵⁹.

But choosing this model does not make a stipulation that modes of presentation thus involved into contents are truth conditionally irrelevant sound more justified. Neither explains it away the cases when the use of a singular term is strictly de re within 'that'-clause. For we should not think of the cases of belief ascription as necessarily changing the context. Let's consider the case when the sentence occurs in an utterance both as

⁵⁷ Quine, W.v.O. "Quantifiers and Propositional Attitudes". *Journal of Philosophy* 53, 1956: 177-87.

⁵⁸ "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" I, 191. Note that m_j may also stand for common sense rather than speaker's mode of presentation.

⁵⁹ "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" I, 189.

unembedded and as embedded in the belief report. If I say about Cicero that he is an excellent writer and then say that John believes that, there is a good reason to think that both an occurrence of the sentence and the reference to its content by "that" are parts of the same context.⁶⁰ We may substitute "that" with the sentence "Cicero is an excellent writer", since the meaning of this term is anaphorically dependant on it. This way the sentence may occur twice in one utterance, one occurrence being an unembedded while another embedded. Now, it looks like we cannot explain the difference in the contents of these occurrences by reference to the difference between their contexts. The more plausible explanation of such cases seems to be the one in terms of the shift of references of some singular terms in 'that'-clauses, hence of the change in propositional contents. So far as I may ascribe in the utterance the belief in what is uttered (in its first part) to myself, it may be simply de re: I may have no specific notion of Cicero except that he is an excellent writer, but I am not obliged in this case to say something tautologically, i.e. that the one who is an excellent writer is an excellent writer; what I would try to say in such case seems rather that certain individual (of whom I have no notion) is an excellent writer. Then in an embedded occurrence of the same sentence in this context no mode of presentation might be associated with "Cicero" as well. For I say in that part of the utterance that John believes exactly what I've just said.

Crimmins thinks that what we literally say uttering sentences has some tight connection to what we standardly and systematically mean by these sentences, and that there is a possibility that what we really say, at least in belief ascribing utterances, differs systematically from the picture given by the grammar of the practice (which reflects rather what we pretend to say).⁶¹ He explains his thought by the following example:

(12) Saddam believes that Clinton is timid,

said in a discussion of international affairs, looks being in no need to refer to multiple modes of presentation; nevertheless Crimmins thinks that not just any mode of presentation of Clinton that Saddam might have would be relevant to the truth of the ascription: Saddam might recall having seen some timid person (which is Clinton) once; but the ascription is made true only under modes of presentation of Clinton as a politician. He calls such modes of presentation "normal-Clinton-concepts". So, he supposes that the pretence that is shared in the conversation part of which (12) is may be expressed as:

(13) Let's pretend, for the purposes of characterizing thoughts about Clinton, that there is but one way to think of him, namely, with a normal-Clinton-concept.

With this "pretence in force" the talk, he claims, may be neatly of thoughts "about Clinton". But its more perspicuous characterization is by speaking of thoughts "about

⁶⁰ If the time of the process of the utterance made so much difference then we might not even say that the context remains the same for any real utterance, since it took some time to be pronounced.

⁶¹ "Quasi-Singular Propositions: The Semantics of Belief Reports" II, 206.

Clinton under a normal-Clinton-concept". In this case (12) is made as if to ascribe to Saddam belief simply in the singular proposition attributing the property of timidity to the person Clinton. For it to be true on the pretence is for Saddam to have a belief with that singular proposition as its truth-conditional content and involving a normal-Clinton-concept in the proper way.⁶²

But what this involving a concept in a proper way should mean? If this concept just somehow caused the belief, but is not part of what is thus believed in any way then why should we treat this concept as relevant to the meaning of (12)? Whatever other modes of presentation of Clinton Saddam might have the only relevant thing would be in this case that the belief is about Clinton. If a normal-Clinton-concept is how Saddam actually was thinking about Clinton when produced (12) why should not it count part of what Saddam really believed (to be expressed in (12))? The talk including (12), if the conversational pretence or presupposition is as Crimmins describes, is after all not the talk about thoughts about Clinton but rather about thoughts about Clinton under a normal-Clinton-concept. So why should we read (12) as ascribing the proposition about Clinton and not about Clinton under a normal-Clinton-concept?

If there is a conversational pretence it is but part of information conveyed by act of the utterance. There is a well-known way of speaking about such information in terms of conversational presuppositions and implicatures. Relative to the example the presupposition would be "There is the person which is so and so (normal-Clinton-concept) and about this person..." followed by "Saddam believes that..." We should not treat presuppositional content as part of what is said, though on the other hand there is no decisive argument against this move.⁶³ But there are always at least two interpretative strategies available. The one is to stay as literal as possible: i.e. to choose as what is said just what may be read from explicitly used linguistic components. Under the presumption of direct reference of names in the case considered this would seem to be just the singular proposition *that Saddam believes that certain person (Clinton) is timid*. This ascription may be false if Saddam's belief is more Clinton-concept specific than the ascription (when the later is absolutely insensitive to modes of presentation): if Saddam, for example, believes that the person, who is both Clinton and the president of USA, and no one else, is timid. It will be false relative to the current presupposition of the belief by its agent.

But if we need to make belief ascriptions more sensitive to modes of presentation we need them to ascribe those modes along with singular propositions. But if we choose this we would rather do it in explicitly truth-conditionally relevant way, i.e. by adding a concept which specifies Clinton right in the ascribed content of the belief. The proposition

⁶² Ibid., 206 - 207.

⁶³ More generally there may be no facts about literal meanings of utterances even if there are facts about what is meant or pretended to be said by an agent. And whatever "what is really said" means we can hardly find facts about what is really said, different from facts about what was supposed to be said relative to some model accommodating these or those data (like speakers' or hearers' presuppositions, or logical forms).

claimed to be believed will remain singular (if it is at all), i.e. including Clinton itself, but it will attribute to him some additional property as believed by the agent. This changing proposition interpretative option is always available and I suppose often fulfilled in belief ascribing practices, perhaps on a par with modes insensitive one.

Crimmins thinks that in cases like "Hesperus was more highly regarded than Phosphorus" we might portray speakers and hearers of attitude ascriptions as "conspiratorially pretending that there are two individuals where really there is just one: that Cicero and Tully, or London and Londres, or Hesperus and Phosphorus, or Superman and Clark Kent, are distinct".⁶⁴

In other words we may say that ascribing beliefs this way (unlike the most literal strategy) we ascribe them from the point of view of an agent (or a hearer if this one is supposed to think of some one thing as two or more different things). But in doing this we again rather not pretending to say but expressing the thought that there are certain distinct individuals in place of one, the thought which the speaker just does not share. In more complicated cases this strategy will make him ascribe the belief as about two distinct individuals relative to the presupposition (his own) that it is but the one individual, added as a prefix to "believe that" ("There is x such that... of which X believes that..."). I just don't see why should we be conspiratorially pretending in communication in cases where we can be overtly either maximally literal and talking from our own point of view or maximally sensitive to modes of presentation and talking from an agent's (sometimes hearer's and sometimes mixed agent's or hearer's and speaker's) point of view, in both cases linking just agents and propositions.

So, even if we take Kaplanian two-dimensional semantics as basic for an analysis of beliefs, and distinguish strictly, as it prescribes, believed propositions from characters of beliefs, this will not prove that there are changes of beliefs with indexical elements which do not change their propositional contents somehow. A character should determine truth conditions of a belief, if they are changing then either the context or the world is changing. Any of these may be represented as a new implicit propositional content to be associated with the belief in question after the change. Of course, it may be not; but in this case it will be as well doubtful whether the belief character is something relevant to its change at all. It seems plausible that to be relevant in this way is to be at least available to a competent reflexive agent of the belief, hence to provide information accessible as a normal content of a belief (resulting from the reflection).

Consider the following case: Basil says that

(14) Peter believes that Cicero is better writer than Tully.

⁶⁴ Ibid., 207.

Treating (14) as having a two-dimensional semantic content, part of which is the proposition expressed, while another part informs about modes of presentation of the objects, referred to directly by certain terms, assigned to the agent, we should agree that it expresses the proposition that Peter believes that Cicero is better writer than himself. To retain the rationality for Peter's belief we should also think of (14) as informing the hearer about Peter's modes of presentation of Cicero and Tully which would generally correspond to saying something like "Peter believes that Cicero and Tully are different persons".

Now suppose that Peter himself articulates his belief and says:

(15) I believe that Cicero is better writer than Tully.

(15) will express the same proposition as (14) given the presumption of direct references of proper names and indexicals and a two-dimensional treatment. But suppose further that Basil and Peter both share the same notion of singular proposition and can apply it to the case illustrated by (14) and (15). Then we might rephrase (14) as

(14') Peter believes the proposition that Cicero is better writer than himself.

And if (15) expresses the proposition that Peter believes that Cicero is better writer than himself (14') should also be an adequate paraphrase for (15). But this is of course wrong description of what Peter currently believes and would articulate; for to say this truly he must be informed of and accept that Cicero and Tully are the same person, which is currently not the case for him. Since (14') may be inferred from what is supposed to be Peter's current belief articulated in (15) and (14) it is tempting to prescribe the content of (14') as the propositional content of (15). But it seems to me that the failure of explicit articulation of this content by the agent of (15) shows that we better not confuse the inferred content of the belief with its direct propositional content.

Taking what was just said into account I think that it is in general more reasonable to treat *that Cicero and Tully are different persons* as part of what (15) says, though grammatically implicit, not just what it informs the hearer about in a non propositional way. Without this, I think, we cannot explain why, saying truly what (15) says, Peter cannot say truly what (14') says. If, on the other hand, (15) says that Peter believes that Cicero and Tully are different persons and Cicero is better writer than Tully, (14') would have to say that Peter believes the proposition that Cicero and Tully are different persons and Cicero is better writer than Tully, hence something that Peter can truly say of himself if he says (15) (truly of himself).

Вострикова Е.В.

Семантика индексных выражений

В статье рассматривается семантика индексикальных выражений, сформулированная в работах Д. Каплана. Анализируются основные свойства индексикальных выражений. Рассматриваются возможность смещенного прочтения индексикальных выражений в русском языке. Демонстрируется, что частица «мол» в русском языке должна анализироваться как оператор смешанного цитирования. Демонстрируется, что индексикал «сейчас» в русском языке может получать смещенное прочтение, когда оказывается в области действия интенционального оператора.

Ключевые слова: индексикалы, контекст, двухмерная семантика, операторы -монстры, содержание, характер, цитирование

Какие выражения являются индексикальными?

Индексикальными выражениями называются выражения, значение которых зависит от контекста, в котором они произнесены. Можно привести следующие примеры индексикальных выражений: «я», «он», «этот», «сегодня», «сейчас», «завтра». Если слово «я» произносится мной, то оно указывает на меня. Если же его произносит Вася, то оно указывает

на Васю. Сходным образом, слово «сегодня» всегда указывает на текущий день, а слово «сейчас» на текущий момент.

Этот список не является полным: некоторые исследователи полагают, что собственные имена, такие как «Катя», являются индексикальными выражениями⁶⁵. Возможно, к индексикальным выражениям или выражениям, содержащим индексикальный элемент, можно отнести такие слова как «мама», «брат».

Можно также заметить, что значение многих выражений языка зависит от контекста. В частности, значение так называемых обобщенных кванторов, т.е. таких выражений, как «каждый», «все» является зависимым от контекста. Например, при произнесении предложения «Каждый студент сдал экзамен» говорящий вряд ли имеет в виду, что каждый студент в мире сдал экзамен. Скорее речь идет о некоторой ограниченной группе людей – конкретном классе или школе. Один из подходов к семантике таких выражений состоит в том, что они содержат скрытые элементы, наподобие индексикальных, значение которых определяется контекстом. Однако, в данной статье я не буду рассматривать все выражения, значение которых может зависеть от контекста, в качестве индексикальных.

Такие индексикальные выражения, как “я”, “сегодня”, “мы”, обладают рядом интересных семантических свойств, что позволяет нам выделить их в отдельную категорию, именно о них пойдет речь в этой статье.

Задачей данной статьи является описать эти семантические свойства. Наиболее значимый вклад в исследование семантики индексных выражений внес Д. Каплан. В основном здесь будут обсуждаться его идеи.

- (1) Их значение не зависит от интенций говорящего или его жестов, оно является «автоматическим».
- (2) Их значение нельзя свести к дескрипции, их индексикальная природа является уникальной.
- (3) Они позволяют нам формулировать предложения, которые являются априорными, но не необходимыми.
- (4) Их значение не может быть изменено модальным оператором, они обладают прямой референцией и являются жесткими десигнаторами.

Рассмотрим эти свойства более подробно.

- (1) Их значение является «автоматичным».

Каплан⁶⁶ предлагал провести различие между демонстративами и индексикальными выражениями. В частности, значение таких выражений, как «он», «она», «этот человек» зависит от интенций говорящего, а также от того, на кого говорящий указывает. Эти выражения он называет демонстративами. Однако, значение слова «я» в этом смысле не зависит от интенций говорящего, оно всегда указывает на самого говорящего. Значение как

⁶⁵ Pelczar M. and Rainsbury J. The Indexical Character of Names // Synthese Vol. 114. No. 2. 1998. Pp. 293-317.

⁶⁶ Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan. Oxford: Oxford University Press, 1989. Pp. 481–563.

демонстративов, так и индексикалов зависит от контекста, однако, только значение индексикалов является «автоматическим».

Здесь можно возразить, что значение таких слов, как «сейчас» и «здесь» в действительности отчасти зависит от интенций говорящего, а следовательно они не являются индексикалами в этом смысле. Например, значение слова «сейчас» может зависеть от того, имеет ли говорящий интенцию указать на город, страну, конкретный офис или конкретный стул в офисе. Значение слова «сейчас» также может изменяться в зависимости от того, какой промежуток времени имеет в виду говорящий. Однако я буду рассматривать эти выражения как индексикальные, поскольку некоторый автоматизм значения здесь все же присутствует. Например, «сейчас» всегда указывает на текущий момент времени, каким бы большим или маленьким этот момент ни был.

(2) Их значение нельзя свести к дескрипции, их индексикальная природа является уникальной. Благодаря этому свойству индексикальные выражения в философии получили название «сущностные индексикалы» (Дж. Перри). Воспользуемся знаменитым примером из работы Дж. Перри⁶⁷. Представим себе, что некоторый гражданин по имени Рудольф Лингенс потерял память и заблудился в библиотеке Стенфордского университета. Он не помнит, где находится и как его зовут. Он прочитал множество книг, пока находился в этой библиотеке. Среди этих книг также была его собственная биография и подробный план-проспект самой библиотеки. Таким образом, Рудольфу известно множество истин о Рудольфе Лингенсе. Однако, пока он не может сказать «Я – Рудольф Лингенс, и это место – пятый этаж главного здания библиотеки университета Стенфорда», мы можем утверждать, что ему не известна некоторая сущностная информация о нем самом. Таким образом, выражение «я» является сущностным индексикалом, его нельзя свести к множеству дескрипций, которые известны Рудольфу Лингенсу. Человеку могут быть известны все дескриптивные предложения о мире, однако из этого не будет следовать, что он знает значения предложений, содержащих индексикальные выражения.

Рассмотрим также другой известный пример. Представим себе, что я смотрю на отражение в окне и вижу человека, на котором горят брюки. Я могу подумать «Его штаны горят», а могу подумать «Мои штаны горят», и мои дальнейшие действия будут зависеть от того, что конкретно я подумаю. Здесь нужно обратить внимание на тот факт, что в данном случае выражения «его штаны» и «мои штаны» указывают на один и тот же объект. Значит, семантика выражений «его» и «мои» должна быть различной. Семантическая теория индексикальных выражений должна принять во внимание данное различие.

(3) Они позволяют нам формулировать предложения, которые являются априорными, но не необходимыми. Каплан предлагает рассмотреть предложение «Я существую». Вне зависимости от того, кем произносится это предложение, оно всегда является истинным. Истинность этого предложения может быть установлена априори, без обращения к опыту. Еще один широко обсуждаемый пример: «Я здесь». Это предложение также будет истинным при любом его произнесении. Является ли какое-то из этих предложений необходимым? По всей видимости, нет.

⁶⁷ Perry J. The problem of the essential indexical // The problem of the essential indexical and other essays. Oxford University Press, 1993.

Мы можем провести тест для того, чтобы установить, являются ли они необходимыми. Для этого, нужно поместить эти предложения в модальный контекст с отрицанием. В результате мы получим (5) и (6).

(5) Я мог бы не существовать.

(6) Я мог бы находиться не здесь.

Если (5) и (6) являются ложными, то «Я существую» и «Я здесь» являются необходимыми. Однако, в действительности, я могла бы не существовать или могла бы находиться в другом месте. Из этого следует, что предложения (5) и (6) не выражают необходимой истины.

Однако тезис о том, что предложение «Я здесь» всегда является истинным, на мой взгляд, является не вполне точным. Представим себе такую ситуацию: я стою возле карты в метро, указываю пальцем на местоположение на карте и произношу «Я здесь». В данном случае, это предложение вполне может оказаться ложным, и конечно, мне не может быть известна его истинность априори. Возможным ответом на это возражение будет проведение различия между непосредственным и опосредованным употреблением выражения «здесь». Можно указать на тот факт, что в данном случае данное слово используется в опосредованном образом. Оно не используется здесь в своем обычном прямом значении, а используется для указания на место через карту.

Также, сомнения могут возникнуть относительно «Я существую». Предположим, я слышу это предложение от известного артиста по телевизору. Нужна ли мне еще какая-то информация для того, чтобы заключить, что этот человек, действительно существует? Да, мне нужно знать, что он произнес эти слова сам, что он произнес их недавно и т.д. Таким образом, «я существую» является априорно истинным не само по себе, а при условии, что я знаю, что я слышу это от самого человека в определенный момент времени.

Тем не менее, «Я существую» и «Я здесь» имеют особый статус, что является интересным их свойством, и семантика данных выражений должна принимать это во внимание.

4) Тезис о прямой референции индексикальных выражений. Значение индексикальных выражений нельзя свести к дескрипции или набору дескрипций. Например, мы могли бы рассмотреть дескрипцию «тот, кто говорит» или «говорящий» в качестве кандидата на значение слова «я». Однако, несложно показать, что данная дескрипция не является значением слова «я».

Сравним такие предложения:

(7) Вася сказал, что я устал.

(8) Вася сказал, что тот, кто говорит, устал.

В случае (8) дескрипция «тот, кто говорит» может указывать на самого Васю. Однако, в предложении (7) слово «я» все равно будет указывать на того, кто произносит предложение (7). Слово «я» не может изменить своего значения в косвенном контексте, его значение предполагает, что оно указывает на автора прямой речи, а не на автора косвенной речи.

Можно также сопоставить употребление слова «я» и определенной дескрипции «говорящий» в другом модальном контексте.

(9) Если бы выступал Петя, то говорящий был бы мужчиной.

(10) *Если бы выступал Петя, то я была бы мужчиной.

Предложение (9) является истинным, определенная дескрипция «говорящий» вполне может указывать на Петю. Однако в (10) слово «я» не может указывать на Петю. Оно будет указывать на того, кто произносит данное предложение. И конечно, пол произносящего (10) не может зависеть от пола выступающего человека -- Петра, о котором идет речь в (10).

Итак, модальные контексты позволяют продемонстрировать, что выражение «я» не тождественно дескрипции «говорящий». Дескрипции не являются жесткими десигнаторами, они могут указывать на разные объекты в разных возможных мирах. Индексикальное выражение «я» указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах.

Следует ли из этого, что выражение «я» должно обладать прямой референцией? Кажется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Выражение обладает прямой референцией, если оно обозначает свой объект напрямую без опосредования каким-либо дескриптивным содержанием.

Наш контраст между предложениями (7) - (8) и (9) - (10) показывает только, что дескрипция, которая не является жестким десигнатором, не может быть значением выражения «я». Однако, не вполне ясно, каким образом, этот аргумент мог бы использоваться для того, чтобы показать, что дескрипция, которая является жестким десигнатором (например, «актуальный говорящий»), не может быть значением слова «я».

Наиболее влиятельная теория значения для индексикальных выражений была сформулирована в работах философа Дэвида Каплана. Он предложил семантику для индексикальных выражений, которая принимала во внимание все эти четыре свойства.

Каплановская семантика для индексикальных выражений.

Философский интерес Каплана к семантике индексикальных выражений, по его собственному признанию, состоял в том, чтобы продемонстрировать, что существуют выражения, обладающие прямой референцией.

«Я все больше интересовался проблемами, связанными с тем, что я хотел бы назвать семантикой прямой референции. Под этим имеется в виду теории значения, согласно которым определенные единичные термины имеют прямую референцию без опосредования фрегевскими смыслами. Если существуют такие термины, то пропозиции выражаемые предложениями, содержащими такие термины, включали бы индивиды, а не «индивидуальные понятия (концепты)» или «способ представления», как меня учили думать».

⁶⁸

В формальной семантике значение произвольного выражения *a* обозначается следующим образом: $[[a]]$. Квадратными скобками обозначается интерпретирующая функция, она приписывает значение (денотат) выражениям естественного языка. Интерпретирующая

⁶⁸ Kaplan D. Themes from Kaplan. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 438.

функция может быть релятивизирована, т.е. может зависеть от некоторых параметров. Например, в качестве такого параметра может выступать приписывающая функция g , функция, которая приписывает значение переменным. Стандартными параметрами также являются время и возможный мир: $[[\alpha]]^{g,w,t}$. Существуют операторы, которые могут менять параметры интерпретирующей функции. Например, прошлое время может интерпретироваться как такой оператор:

(11) $[[\text{Прошлое } p]]^{w,t} = 1$ если и только если существует такой момент времени $t' < t$, для которого $[[p]]^{w,t'} = 1$,

где p – некоторое предложение.

Ключевым понятием в семантике Каплана для индексикальных выражений было понятие *контекста*. Контекст рассматривается как дополнительный параметр, относительно которого должна оцениваться интерпретирующая функция. Контекст – ситуация в которой осуществляется высказывание. Эту ситуацию можно описать, определив следующие параметры: кто является автором высказывания, в какое время и в каком возможном мире совершается данное высказывание.

Контекст можно понимать как упорядоченную тройку элементов $\langle a_c, t_c, w_c \rangle$, где a_c это говорящий или автор (агент произнесения), t_c - время и w_c - мир контекста (иногда также можно дополнить это координатой говорящего или места). Эти элементы иногда также называются координатами контекста. Для анализа некоторых индексных выражений (таких, как «ты», «твой») требуется также введение координаты слушателя, адресата высказывания.

Почему нам не достаточно просто параметра возможного мира? Возможные миры – используются для того, чтобы представить разные возможности того, каким бы мог быть мир. Возможные миры отличаются друг от друга, и когда мы определяем положение нашего мира среди возможных миров, мы исключаем другие способы, каким мог бы быть мир. Но естественный язык требует проведения более тонких различий, чем это допускается в семантике возможных миров. В рамках одного возможного мира индивид может занимать разные положения. В соответствии с этим может меняться субъективная перспектива индивида. Вспомним пример с Лингенсом, который потерял память и заблудился в библиотеке. Знаний о том, в каком мире находится Лингенс не достаточно для того, чтобы Лингенс нашел выход из данной библиотеки. Для этого требуется также знать, какую именно позицию в рамках одного возможного мира занимает Лингенс. Контексты используются для того, чтобы представить разные субъективные перспективы, которые возможные для индивида в рамках одного мира.

Дэвид Льюис предложил такую метафору⁶⁹: возможный мир это карта, а централизованный возможный мир – это карта со стрелкой, которая указывает на точку «вы находитесь здесь».

Параметр контекста применяется в семантике индексных выражений следующим образом:

(12) $[[я]]^{g,c,w,t}$ = говорящий в контексте c

(13) $[[ты]]^{g,c,w,t}$ = адресат в контексте c

⁶⁹ Lewis D. Attitudes de dicto and de se // Philosophical Review. 1979. #88 (4). P. 520.

(14) $[[\text{сейчас } p]]^{g, c, w, t} = [[p]]^{g, c, w, tc}$

В рамках данной семантики такое выражение, как «сейчас» рассматривается как оператор, который изменяет параметр времени на время контекста, в результате чего предложение p рассматривается относительно времени контекста.

Различие между характером и содержанием.

Как мы видим, интерпретирующая функция релятивизирована относительно параметра контекста и параметра возможного мира. Суть идеи различия между характером и содержанием состоит в том, что эти параметры не расположены в произвольном порядке. Интерпретирующая функция сначала берет контекст в качестве аргумента, и лишь затем возможный мир.

Содержанием в семантике Каплана называется модальный профиль выражения, это обычный интенционал выражения в стандартной семантике возможных миров, функция, которая в качестве аргумента берет возможный мир, а в качестве результата возвращает экстенционал. К примеру, интенционалом предложения является пропозиция, а экстенционалом – истинностное значение. Интенционалом определенной дескрипции является индивидуальный концепт, а экстенционалом объект, на который указывает дескрипция. Интенционалом прилагательного или существительного является понятие, а экстенционалом класс (множество) объектов.

Второй аспект значения в семантике Каплана называется характером. Характер отражает то, как интенционал выражения зависит от контекста его произнесения.

Имя собственное, например, «Лингенс» имеет неизменяющийся характер, во всех возможных контекстах это выражение имеет одно и то же содержание. Однако, дело обстоит иначе с «я».

Характер, это функция, которая берет в качестве аргумента контекст употребления и в качестве результата дает содержание, интенционал этого выражения. Содержание это функция, которая берет возможный мир в качестве аргумента и возвращает экстенционал.

В современной философии эта система получила название двухмерной семантики, как как речь идет о двух параметрах, которые принимаются во внимание контекст употребления и обстоятельства оценки.

Мы можем использовать двухмерные матрицы Столнера⁷⁰ для репрезентации различия между характером и содержанием.

Горизонтальный ряд представляет возможные миры – обстоятельства оценки, содержание, а контексты представлены по вертикальной оси.

⁷⁰ Stalnaker R. Assertion // Syntax and Semantics. 1978. # 9. Pp. 315–332.

Таблица 1

«я»	w ₁	w ₂	w ₃
c ₁ произносится Лингенсом	Лингенс	Лингенс	Лингенс
c ₂ произносится Перри	Перри	Перри	Перри
c ₃ произносится Катей	Катя	Катя	Катя

Как мы видим из таблицы 1, значение выражения «я» меняется в зависимости от контекста, но не меняется в зависимости от мира. Характер этого выражения, это функция, которая может выдавать различные значения. Но значение «я» не меняется в зависимости от возможного мира. Содержание этого выражения – это функция, которая принимает одно и то же значение для всех аргументов – возможных миров. Это означает, что «я» является жестким десигнатором, когда контекст произнесения «я» установлен, мы можем оценивать это выражение в разных возможных мирах, и оно будет обозначать один и тот же объект во всех возможных мирах.

В таблице 2 представлены характер и содержание высказывания «Я существую».

Таблица 2

«Я существую»	мир, где только Лингенс существует	мир, где только Перри существует	мир, где только Катя существует
произносится Лингенсом	истинно	ложно	ложно
произносится Перри	ложно	истинно	ложно
произносится Катей	ложно	ложно	истинно

Горизонтальные ряды содержат как значения «истинно», так и значения «ложно». Это показывает, что предложение «Я существую» не является необходимой истиной, вне зависимости от того, кем оно произносится Лингенсом, Перри или Катей.

Каплан выдвигает следующий тезис: когнитивное значение мысли определяется характером⁷¹, а не содержанием.

Два предложения (15) и (16) обладают разным характером.

(15) Штаны Джона Перри горят.

(16) Мои штаны горят.

Характер выражения «Джон Перри» это функция, которая для каждого контекста выдает один и тот же результат. Иными словами, значение имени собственного «Джон Перри» не зависит от контекста произнесения, неважно, кто является автором данного высказывания, это выражение все равно будет указывать на Джона Перри.

Выше мы указывали на то, что адекватная семантика индексных выражений должна предсказывать, что (17) и (18) являются априорными предложениями:

(17) Я нахожусь здесь сейчас.

(18) Я существую.

Мы не можем рассматривать такие выражения, как «я» как константы или имена собственные. Собственное имя указывает на одного и того же человека, но «я» указывает на разных людей, в зависимости от того, кто говорит. Если мы рассматриваем индексные выражения как имена собственные, мы не можем объяснить ту когнитивную роль, которую играют индексные выражения. Если мы заменим индексные выражения на имена собственные и другие референциальные термины в (17') и (18'), то получившиеся предложения потеряют свой особый статус:

(17') Ваня находится в Москве в среду.

(18') Ваня существует.

Истинность этих предложений нельзя определить, не зная местоположения Вани, и не зная, жив он или нет.

Из таблицы 2 мы видим, что диагональ высказывания «Я существую» (выделено цветом) получает всегда только значение «истинно». Именно это и определяет априорный статус высказывания «Я существую». Предложения (17) и (18) является априорным, поскольку они истинны в любом контексте.

(19) В любом контексте с $[[Я существую]]^{c,t,wc} = [[существую]]^{c,t,wc} ([[Я]]^{c,t,w}) = [[существую]]^{c,t,wc}(a_c) = 1$, если и только если говорящий контекста с существует в мире контекста с.

(где a_c – это агент (говорящий) в контексте.)

⁷¹ Kaplan D. Themes from Kaplan. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 530.

Мы должны прописать в качестве отдельного условия, что говорящий существует в мире контекста и времени контекста. То, что “существую” оценивается в мире контекста определяется тем, что параметр возможного мира – это обычно мир произнесения предложения, если конечно, этот параметр не был изменен каким-либо модальным оператором.

Возникает следующий важный вопрос: может быть, в таком случае, нам не нужны оба параметра: параметр возможного мира и параметр контекста? Мы видели, что параметр контекста нам необходим для адекватного анализа предложений (18) и (19). Однако, несложно показать, что мы не можем также отказаться от параметра возможного мира. Параметр возможного мира требуется для анализа таких операторов, как «необходимо», «возможно». Эти операторы изменяют параметр возможного мира (20).

(20) $[[\text{необходимо } p]]^{g,w,t}=1$ если и только если для всех миров, достижимых из w $[[p]]^{g,w,t}=1$

Если же мы будем рассматривать эти операторы, как изменяющие параметр контекста, мы получим нежелательные результаты. В частности, как это видно из (21), мы предсказываем, что предложение «я существую» является необходимо истинным. Однако, очевидно, что данное предложение вовсе не является необходимо истинным. Если бы это было так, то предложение «Я мог бы не существовать» являлось бы ложным.

(21) $[[\text{необходимо, что я существую}]]^{g,c}=1$ если и только если для всех контекстов $[[\text{я существую}]]^{g,c,t}=1$

В действительности, «необходимо» изменяет параметр возможного мира относительно которого оценивается «я существую», просто «я» не является чувствительным к параметру возможного мира.

(22) $[[\text{необходимо, что я существую}]]^{g,w,c}=1$ если и только если для всех миров w' , достижимых из мира w , $[[\text{существую}]]^{g,c,w',t}([[я]]^{g,c,w',t})=1$, если и только если говорящий контекста s является одним из существующих объектов мира w' .

Операторы-монстры.

Мы видели, что два предложения (15) и (16) обладают разной когнитивной значимостью.

(15) Штаны Джона Перри горят.

(16) Мои штаны горят.

Однако, на первый взгляд, в косвенной речи, это различие утрачивается. Вне зависимости от того, какое предложение было произнесено Джоном Перри, мы будем передавать его речь при помощи (23):

(23) Джон сказал, что его штаны горят.

Выше мы рассматривали предложения (7) и (8).

(7) Вася сказал, что я устал.

(8) Вася сказал, что тот, кто говорит, устал.

(8) имеет такое прочтение, согласно которому говорящий сказал, что он сам устал. Однако, слово «я» в «я устал» может указывать только на того, кто произносит (7), но не может указывать на Васю, чью речь передает данное предложение. Для того, чтобы «я» в (7) указывало на Васю, параметр контекста должен быть изменен, «я» должно оцениваться в контексте речевого акта Васи, а не в контексте речевого акта произнесения всего предложения (7). Дэвид Каплан полагал, что ни одно выражение в естественных языках не может изменять параметр контекста и называл их «монстрами». Такие операторы, как «необходимо», «думаю, что» могут изменять только параметр возможного мира.

Оператор-монстр может быть формально определен следующим образом⁷²:

$$(24) \text{ [[Оператор } p]]^{c, t, w} = \lambda c' \text{ [[} p \text{]]}^{c', t, c'w}$$

Этот оператор будет давать нам множество контекстов или диагональ предложения. Мы видели, что именно диагональ определяет когнитивную значимость предложения.

Каплан считал, что в естественном языке такой оператор не существует и существовать не может.

Однако, существуют такие языки, в которых такие выражения, как «я», могут изменять свое значение в косвенных контекстах (примеры из литературы: язык зазак и амфарский язык). Если дословно перевести (7) на такие языки, то это предложение может значить, как то, что говорящий сказал про себя, что он не прав, так и то, что говорящий сказал про меня, что он не прав.

Возможно, что русский язык является одним из таких языков.

(25) Вася₁ сказал, что я₁, мол, устал.

В последнем разделе мы более подробно рассмотрим (25).

Существуют ли операторы-монстры в русском языке?

В предложении (25) «я» может указывать на Ваню. Такое поведение не является типичным для индексикалов. Можно ли заключить, что «мол» является оператором-монстром в русском языке? Я полагаю, что «мол» следует анализировать как оператор цитирования. Соответственно, этот оператор не является монстром в каплановском смысле. Мы можем провести ряд тестов для того, чтобы определить природу «мол».

«Мол» не требует, чтобы все индексикалы в его области действия получали смещенное прочтение.

(26) Лиля в Питере мне сказала, что, мол, надоело мне здесь работать.

⁷² Schlenker P. Indexicals // Handbook of Formal Philosophy. Dordrecht: Springer, 2013.

«Мне» может указывать на «Лилю», и при этом «здесь» может указывать не на Санкт-Петербург, а на текущее местоположение того, кто произносит данное предложение (26).

Однако, этот тест не позволяет однозначно установить, является ли «мол» оператором-монстром. В амхарском языке принцип одновременного смещения всех индексикалов также не соблюдается, при этом интенциональные операторы в этом языке являются монстрами.

Другой тест, предлагаемый в литературе, состоит в том, чтобы проверить допускает ли оператор выдвигание элементов из его области действия. Примером выдвигания может служить вопросительное слово:

(27) Кого Саша сказал, Маша любит?

«Маша любит» не является полным предложением, в нем не хватает объекта. Этот объект замещается вопросительным словом «кого» и выдвигается в начало предложения.

Цитируемый материал не может быть разбит и выдвигание элементов должно быть невозможно.

(28) Кого Саша сказал: «Маша любит»?

Однако, «мол» допускает выдвигание элементов.

(29) Кого Саша сказал, мол, Маша любит?

Значит ли это, что «мол» не является оператором цитирования? Я думаю, что нет.

Существует такой феномен, как смешанное цитирование. Смешанное цитирование не запрещает выдвигание элементов:

(30) Кого Саша сказал, Маша «любит»?

Феномен смешанного цитирования состоит в том, что часть предложения выражена словами в обычном значении, а часть слов цитируется. При этом та часть, которая цитируется, представляет собой органичную часть предложения. Цитируемое предложение не только упоминается, но и используется, т.е. не только указывает на слова, которые были произнесены, но сохраняет свое обычное значение.

(31) Лиля отказалась участвовать в «этом дурацком мероприятии».

В (31) объект глагола «участвовать» выражен при помощи материала, который заключен в кавычки. Без этого материала предложение является неполным. При этом кавычки указывают на то, что Лиля использовала эти слова, когда отказывалась от участия.

Можно ли провести какие-либо дополнительные тесты, чтобы установить, является ли в действительности «мол» показателем частичного цитирования? Оператор цитирования должен быть способен изменить значение любых выражений с их обычного значения на цитируемое. На мой взгляд, «мол» ведет себя именно так. В (32) «мол» используется с обращением, что не допускается в обычной косвенной речи, как это показано в (33). В (34) «интересантненько» не является словом русского языка, однако, «мол» указывает на то, что Саша произнес это слово.

(32) А Саша и говорит мне, что, мол, Марфанька, не стоит ходить туда

(33) # Саша сказал мне, что, Марфанька, не надо ходить туда

(34) Саша, как обычно, завелся: мол, интересантненько, получилось

Именно возможность такого использования может показать, что «мол» вводит цитирование.

На первый взгляд, проблемой для анализа «мол» как оператора смешанного цитирования, является тот факт, что «мол» не требует точной передачи слов. «Мол» может передавать мысли или даже предполагаемые мысли.

(35) Лиля подумала, что мол, попала я.

(36) Лиля резко встала, мол, разговор окончен.

С другой стороны, обычное цитирование также возможно в сходных ситуациях:

(37) Лиля подумала: «А не поехать ли мне в Сочи?»

(38) Лиля резко встала, как бы говоря: «Разговор окончен».

Эти примеры показывают, цитирование может использоваться, даже когда не было произнесения слов или четко выраженной предложением мысли. Таким образом, в действительности, эти примеры показывают, что цитирование нельзя определить просто как оператор, который меняет значение выражений и делает объектом указания сами выражения. Ведь в случае с использованием цитирования для передачи мысли, мы не указываем на слова, поскольку эта мысль не была выражена в словах. В случае с (38) речь даже не идет о каких-то конкретных мыслях или словах. Теория цитирования должна предложить объяснение для этого феномена. Однако, никакой отдельной проблемы, связанной с использованием «мол» здесь нет. «Мол» в этом смысле ведет себя как обычный оператор цитирования, а именно кавычки. Данный факт может быть затруднением для теорий цитирования, где цитирование понимается как упоминание знаков.

Существует также такой феномен, как свободная непрямая речь.

(39) Лиля была расстроена. Неужели она пропала? Неужели не ключ не найдется?

В (39) второе и третье предложение передают мысли Лили, однако, они не вводятся словами «она подумала, что». Этот феномен называется «свободная непрямая речь». Эта речь не является прямой, потому что во втором предложении используется местоимение третьего лица, а не местоимение первого лица.

(40) # Лиля была расстроена. Неужели, я пропала.

Если же используется местоимение первого лица, то оно не может быть понято как указывающее на Лилю, «я» во втором предложении в (40) указывает на того, кто произносит (40). «Мол» также может использоваться в свободной не прямой речи.

(41) Лиля сияла счастьем. Мол, вот оно долгожданное повышение.

Можно ли говорить о том, что «мол» является оператором, который вводит свободную непрямую речь?

Шарвит⁷³ выдвигает следующий тезис: если в некотором языке такие индексные выражения, как «я», указывают на говорящего, когда используются в косвенных контекстах (то есть индексикалы не могут быть смещены в косвенных контекстах), то в этом языке индексикалы

⁷³ Sharvit Y. The Puzzle of free indirect discourse // Linguistics and philosophy. V. 31. #3. 2008. Pp 353-395.

будут указывать на говорящего и в свободной не прямой речи. Именно это мы и наблюдаем в (40). Таким образом, будет недостаточно просто сказать, что «мол» является показателем свободной не прямой речи. Само по себе это не может служить объяснением для смещенного прочтения индексикалов, поскольку в свободной не прямой речи индексикалы получают свое обычное несмещенное прочтение. При цитировании, однако, индексикалы получают смещенное прочтение:

(42) Лиля подумала: «Я хотела бы выиграть этот конкурс».

В (42) «я» указывает на Лилю, а не на говорящего.

Другая причина, по которой «мол» не является оператором, который вводит свободную не прямую речь, состоит в том, что «мол» свободно может оказываться в области действия интенциональных глаголов-операторов таких, как «подумал, что», «сказал, что». Свободная не прямая речь именно и определяется, как косвенная речь, которая не вводится никаким оператором.

(43) Катя подумала, что мол пора и честь знать.

Другая проблема, связанная с анализом «мол» как оператора смешанного цитирования состоит в том, что «мол», в отличие от кавычек, не требует обязательного смещения значения индексикалов, а также допускает использование местоимений третьего лица для указания на автора косвенной речи.

(44) #Катя₁ сказала: «Она₁ должна идти».

(45) Катя₁ сказала, что мол она₁ должна идти.

(46) Катя₁ сказала, что мол я₁ должна идти.

Прочтение (44), при котором «Катя» и «она» указывают на одно и то же лицо, невозможно. Однако, оба предложения (45) и (46) возможны в таком прочтении. Это означает, что между «мол» и кавычками есть различие. Можно ли в рамках теории о том, что «мол» является оператором цитирования объяснить (45)?

Можно сказать, к примеру, что в (45) «она» не находится в сфере действия оператора «мол». В таком случае, «мол» является необычным оператором, его положение в предложении не определяет то, какие выражения находятся в области его действия, не определяет то, где начинается и где заканчивается область его действия. Данная проблема, на мой взгляд, является самой серьезной для данного подхода.

Область действия других операторов, например, «считать, что» обычно начинается с выражений, стоящих справа от него в предложении. Из этого правила возможны исключения. Известно, что некоторые именные группы могут получать прочтение *de re*. Так, например, (47) может использоваться для описания верования Лили, в ситуации, когда она видела некоторого человека, который выходит из ее подъезда и считает, что он живет в ее доме. При этом она не знает, что он мой брат. «Мой брат» не входит в область действия оператора «считает, что», это выражение не оценивается с точки зрения возможных миров, совместимых с верованием Лили.

(47) Лиля считает, что мой брат живет в ее доме.

Один из подходов к объяснению возможности прочтения *de re* состоит в том, что «мой брат» на уровне логической формы совершает передвижение и оказывается вне сферы действия «считает, что». Согласно данному подходу, поверхностное положение выражения «мой брат» не совпадает с его положением в логической форме предложения.

Мы могли бы использовать сходную стратегию для объяснения (45). «Она» оказывается вне сферы действия «мол», потому что одно из этих выражений совершает передвижение на уровне логической формы.

Другой подход к решению данной проблемы состоит в том, чтобы не рассматривать «мол» как оператор цитирования. Оператор цитирования является непроизносимым элементом в предложении, а «мол» просто сигнализирует, что некоторые выражения в предложении претерпели изменения значения (с обычного значения на цитируемое).

Другой интересный случай с индексными выражениями в русском языке представлен словом «сейчас». Данное выражение, согласно теории Каплана, является индексикалом и должно указывать на время контекста произнесения предложения. Однако несложно продемонстрировать, что в русском языке слово «сейчас» имеет гораздо более свободное употребление. «Сейчас» может иметь связанное прочтение, а также может указывать на контекстно релевантное время, не связанное с временем произнесения выражения.

(48) Я весь день в окно глядела, думала, сейчас она прикатит.

В (48) «сейчас» получает связанное прочтение. (48) сообщает, что для каждого момента в течение дня автор думала, что в этот момент она прикатит.

(49) Она звонила сегодня рано утром. Сказала, что прямо сейчас уезжает и прийти не сможет.

В (49) «сейчас» указывает не на время произнесения (49). «Сейчас» указывает на время рано утром, когда состоялся телефонный разговор.

В (50) представлен другой пример того же феномена:

(50) Катя рассказывала тетке, что смотрела на него, смотрела и все думала, что сейчас заплачет и что плакать ни в коем случае нельзя.

Такие прочтения не согласуются с теорией Каплана. В (48), (49) и (50) отсутствует «мол» или какой-либо другой оператор цитирования. Возможно, что в русском языке, в отличие от английского, «сейчас» не является индексным выражением. Мы могли бы интерпретировать «сейчас» как переменную, которая получает значение от приписывающей функции или может получать связанное прочтение. В таком случае, «сейчас» будет указывать на контекстно релевантное время. «Сейчас» будет анализироваться также, как обычное местоимение: «он» или «она». Однако, этот подход имеет свои сложности. В частности, «сейчас» получает такие смещенные прочтения только при наличии интенционального оператора, такого как «думать», «считать». Если бы «сейчас» было бы обычным местоимением, тогда (51) могло бы иметь такое же значение, как и (52). Однако, такое прочтение отсутствует.

(51) Каждый раз, когда мы идем в школу, тебе нужно зайти в магазин именно в тот момент.

(52) Каждый раз, когда мы идем в школу, тебе нужно зайти в магазин именно сейчас.

Возможно, в русском языке интенциональные операторы (пропозициональные установки) являются точно такими же операторами, способными манипулировать контекстом, как пропозициональные установки в амхарском языке. Используя терминологию Каплана, выражения «считать, что», «думать, что» являются монстрами в русском языке.

Проблема с этой гипотезой состоит в том, что пропозициональные установки в русском языке не способны смещать значение других индексикалов, кроме «сейчас», что мы наблюдали на примере с «я». Для того, чтобы получить смещенное прочтение для «я» нам нужно использовать оператор смешанного цитирования «мол», самого пропозиционального глагола не достаточно. Возможно, что в некоторых естественных языках есть операторы-монстры, которые являются кванторами, которые связывают контекстуальные переменные. В таком случае, возможно, что некоторые выражения могут быть связанными операторами, манипулирующими контекстами (например, «сейчас» в русском языке), а другие оставаться свободными (например, «я» в русском языке). В рамках такого подхода, пропозициональные глаголы в русском языке вводят квантификацию по контекстам, однако, «я» всегда оказывается вне области действия данного квантора.

Таким образом, русский язык может быть свидетельством того, что доступность смещенного прочтения индексикалов зависит не только от оператора, но и от самого индексикала. Требуется дополнительное межязыковое исследование на данную тему.

Заключение.

Мы рассмотрели семантику индексикальных выражений, сформулированную в работах Д. Каплана. Были проанализированы основные свойства индексикальных выражений.

Была рассмотрена возможность смещенного прочтения индексикальных выражений в русском языке. При таком прочтении индексикал указывает на не того, кто произносит предложение, а на того, кому приписывается косвенная речь. Было показано, что частица «мол» в русском языке должна анализироваться как оператор смешанного цитирования, а не как оператор-монстр в каплановском смысле. Было также продемонстрировано, что индексикал «сейчас» в русском языке может получать смещенное прочтение, когда оказывается в области действия интенционального оператора.

Екатерина Вострикова

Проблема ограничения области действия квантора

Проблема ограничения области действия квантора и теория номинального ограничения.

В данной статье я буду обсуждать проблему ограничения области действия естественно-языковых кванторов. Примером естественно-языкового квантора может быть слово «каждый». Рассмотрим пример (1). Когда мы переводим предложение (1) на язык логики, мы используем квантор всеобщности (2).

(1) Каждый студент сдал экзамен на «отлично».

(2) $\forall x$ (студент $(x) \rightarrow$ сдал экзамен на «отлично» (x))

В теории обобщенных кванторов, сформулированной в работах Барвайза и Купера, обобщенным естественно-языковым квантором называется скорее выражение «каждый студент», а не «каждый». Значение кванторов представлено в рамках данной теории как отношение между классами. Существительное, с которым сочетается выражение «каждый» обозначает класс, который называется ограничителем области действия квантора, а сказуемое обозначает класс, который называется областью действия квантора.

Несложно заметить, что в естественном языке, ограничить область действия квантора «каждый» только классом студентов, как в (1), недостаточно. Если бы область действия

квантора всеобщности была бы ограничена только студентами, то предложение (1) могло бы утверждать только, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично». Однако я вполне могу использовать (1) для того, чтобы сообщить лишь о некоторой группе студентов моего класса или моего университета. Каким образом можно объяснить этот факт в рамках проекта формальной семантики?

Один из предложенных в литературе ответов на данный вопрос состоит в том, что нам нужно обратиться к прагматике для того, чтобы дать адекватное объяснение для этого феномена. Такой ответ предлагается сторонниками минимализма в семантике. Кент Бах, например, полагает, что (1) действительно означает, что все студенты всего мира сдали экзамен на «отлично». Согласно минимализму, семантически предложение сообщает только то, что в буквальном смысле сообщают произносимые слова, из которых оно состоит. Таким образом, когда мы произносим (1), то мы произносим предложение, которое в буквальном смысле является ложным. Слушатель пытается понять, что говорящий имел в виду, произнося очевидно ложное предложение, он пытается интерпретировать (1) руководствуясь тем, что кооперативный собеседник руководствовался максимой информативности и хотел сообщить что-то интересное и содержательное.

Однако, это объяснение не является, на мой взгляд, достаточно хорошим. Слишком большое количество предложений, которые мы произносим, является ложным с этой точки зрения. Одно из преимуществ формальной семантики состоит в том, что она позволяет объяснить, как мы можем понимать значение новых предложений, зная значение составляющих их выражений и способ их сочетания друг с другом. Однако в данном случае роль семантики остается минимальной. Мы должны задействовать более общие принципы рациональности, каждый раз, когда произносим предложение, содержащие квантор.

Согласно другой концепции, когда мы произносим предложение (1) мы имплицитно интерпретируем его как относящееся к определенной группе людей или конкретной ситуации. Мы как бы сужаем наш универсум сущностей до определенного класса. Однако, иногда в одном и том же предложении мы хотим говорить о более широком универсуме и менее широком. Рассмотрим (3). Если мы сузим наш универсум до шведских теннисистов в (3), то каким образом нам интерпретировать остаток предложения, где речь идет об иностранных теннисистах?

(3) Швеция забавное место. Каждый теннисист хочет быть как Моника Шелес, но все ненавидят иностранных теннисистов.

Теория, которую я буду рассматривать в данной статье, лишена недостатков как первого, так и второго подхода. Согласно этой теории, в логической форме предложения содержатся элементы, которые отсутствуют в произносимой (фонологической) форме предложения. То есть в предложении содержится больше элементов, чем произносится. Эти произносимые элементы – переменные, которые приобретают свое значение из контекста предложения. Однако мы не должны постулировать невидимые переменные, только потому что того требует

наша теория. Если эта теория является истинной, то должен существовать способ выявить эти переменные. Мы знаем, что переменные могут получать свое значение из контекста предложения. Но мы также знаем, что переменные могут быть связанными соответствующими кванторами. Действительно, естественно-языковые кванторы могут быть зависимыми от других кванторов, получать связанное прочтение, как показывает пример (4).

(4) В большинстве стран, которые я посетил, каждый теннисист старается быть как Моника Шелес.⁷⁴

(4) не просто означает, что «каждый теннисист пытается быть как Моника Шелес». «Каждый теннисист» выбирает различные классы людей, в зависимости от страны («каждый теннисист в этой стране»). Здесь мы обнаруживаем пример так называемого связанного прочтения квантифицированной DP⁷⁵.

Кай фон Финтель⁷⁶ предложил, что мы можем объяснить это прочтение, если мы предположим, что каждый определитель сопровождается индексом семантического типа $\langle e, t \rangle$ ($f_n(v_m)$) – такого же типа, как и тип сущностей, обозначаемых существительными, т.е. одноместный предикат. У этой переменной (я, следуя за фон Финтелем буду называть ее «ресурсной переменной») есть позиция аргумента, занятая переменной типа e (v_m).

(5) $[[\text{Каждый}_{f(v)}]]^g (A)(B) = 1 \text{ iff } A \cap g(f(v)) \subseteq B.$

Переменная, занимающая позицию аргумента v в $f(v)$ может быть связана вышестоящим оператором. В случае с нашим предложением (4), значение « $f(v)$ » приблизительно «в v », а его аргумент (v) связан квантором «в большинстве стран». В целом это дает нам прочтение близкое к «в большинстве стран, которые я посещаю, каждый теннисист в этой стране...».

⁷⁴ von Fintel, Kai, 1998. The semantics and pragmatics of quantifier domains. Vilem Mathesius Lectures. Prague. March 1998.

⁷⁵ «Determiner phrase» -- фраза определителя.

⁷⁶ von Fintel, Kai, 1994. Restriction of quantifier domains: Ph.D. dissertation, University of Massachusetts, Amherst.

1.2.1 Данные английского языка

Один из аргументов против концепции номинального ограничения был предложен в работах П. Элбурна⁷⁸

Давайте рассмотрим следующие предложения:

(6) John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed it₁.

Джон не покормил ни одной машиной кошки, пока он не искупал ее

(7) John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed [the/that cat of Mary's]₁.

Джон не покормил ни одной машиной кошки, пока он не искупал машину кошку

(8) # John fed [no cat of Mary's]₁ before he bathed [Mary's cat]₁.

Джон не покормил ни одной машиной кошки, пока он не искупал машину кошку

Элбурн показывает, что связанное прочтение определенной дескрипции возможно в (7), но невозможно в (8). Несложно объяснить, каким образом связывание возможно в (6). Мы интерпретируем «ее» как переменную, таким образом, она может быть связана (6). В случае с определенной дескрипцией, мы предполагаем, что определитель «the» сопровождается индексом типа одноместного предиката $\langle e, t \rangle$, и мы интерпретируем его аргумент как $x_1(7')$.

(6') [no cat of Mary's] [λx_1 [John fed x1 before he bathed x1]]

(7') [no cat of Mary's] [λx_1 [John fed x1 before he bathed [[the_{Fx1}] cat of Mary's]

Контраст между предложениями (6) и (7) сложно объяснить, опираясь только на семантику притяжательной конструкции, поскольку кажется, что семантика «Mary's cat» (преноминальная конструкция, т.е. притяжательная фраза стоит до имени существительного) и «the cat of Mary's» (постноминальная конструкция, т.е. притяжательная фраза стоит после имени существительного) в точности одинаковы. Эта конструкция представляет собой

⁷⁸ Elbourne, Paul, 2008. Implicit content and the argument from binding. In Proceedings of

Semantics and Linguistic Theory XVIII , ed. Tova Friedman and Satoshi Ito. 284–301.

Ithaca: Cornell University.

определенную дескрипцию, обладающую следующей структурой “The x [Cat(x)&R(y,x)]”⁷⁹, где переменная для отношений «R» получает значение в контексте. Например, в нашем случае, значением R могло бы быть что-то вроде «принадлежащая ...», но в случае с «книгой Пушкина» ее значением могло бы быть «написанная ...». Индивидуальная переменная «у» может быть связанной («Каждая мать₁ любит своего₁ сына») или приписывающая функция может приписать ей значение в контексте произнесения предложения.

П.Элбурн⁸⁰ предложил теорию, согласно которой контраст между (5) и (6) можно объяснить тем, что определитель «the» присутствует в одном случае и отсутствует в другом, и именно определитель отвечает за связывание определенных дескрипций. В случае с “Mary’s cat,” “Mary’s” занимает позицию определителя, и поскольку определитель отсутствует, связывание невозможно. В структуре “Mary’s cat” отсутствуют переменные доступные для связывания и поэтому данная дескрипция может указывать только на одну конкретную кошку.

1.2.2 Данные русского языка

В русском языке отсутствуют артикли. Исследователи расходятся в мнении о том, каков статус таких слов, как «каждый», «этот», «все». Согласно теории Бошковича эти выражения имеют статус прилагательных в некоторых языках, в том числе русском. Рассмотрим русские варианты предложений (6) и (7).

(9) * Ваня не покормил [ни одной машиной кошки]₁, [машину кошку]₁ не помыл.

(10) *Ваня не написал рецензии [ни на одну книгу Ладова]₁, [книгу Ладова]₁ не прочитав.

Оба предложения (9) и (10) являются грамматически некорректными в русском языке. Можно также отметить, что тип притяжательной конструкции не влияет на прочтения, которые эти предложения имеют: (9) является приноминальной конструкцией, (10) постноминальной.

Существует ли какой-нибудь способ улучшить эти предложения? Да! Мы можем добавить определитель «этот» к фразе с притяжательной конструкцией. В отличие от английского, русские приноминальные притяжательные конструкции могут сочетаться с определителями (в английском невозможна конструкция *«this Mary's cat».

(11) Ваня не покормил [ни одной машиной кошки]₁, [эту машину кошку]₁ не помыл.

(12) Ваня не написал рецензии [ни на одну книгу Ладова]₁, [эту книгу Ладова]₁ не прочитав.

⁷⁹ Partee, Barbara, 1978. Bound variables and other anaphors. In *Theoretical Issues In Natural Language Processing. 2 (TINLAP-2)*, ed. David L. Waltz. 79-85. Urbana, IL: University of Illinois. Reprinted in Partee, Barbara H. 2004. *Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee*. Oxford: Blackwell. 110-121.

⁸⁰ Elbourne, 2008

Оба предложения (11) и (12), хотя и являются хотя и несколько странными, но не являются грамматически некорректными. В обоих случаях такое прочтение, согласно которому определенная дескрипция с определителем «этот» не указывает на одну конкретную вещь, а имеет связанное прочтение. В случае с (11) Ваня имел дело с несколькими машинными кошками, каждую из которых он сначала мыл, а потом кормил. (12) сообщает о том, что Ваня всегда читает книгу Ладова (т.е. речь не идет о какой-то одной книге), прежде чем написать на нее рецензию.

Тот факт, что связывание приходит и уходит с определителем является очень интересным и потенциально имеет важные последствия для нашей теории. Однако, прежде чем мы можем решить, является ли это новым интересным аргументом в пользу теории К. фон Финтеля, нам предстоит ответить на два отдельных вопроса: почему присутствие выражения «этот» позволяет получить связанное прочтение и почему связывание не возможно без него.

Тот факт, что семантика выражений «этот» и «тот» должна включать некоторого рода индексный элемент, хорошо известен. Мы также знаем, что сложные демонстративы (демонстративы типа «этот мальчик», «эта красивая занавеска») в английском, содержащие слово «that» могут с легкостью получать связанное прочтение. Если в действительности, семантика индексных выражений включает такой индексный элемент, который может быть связан, то мы не можем сказать, в действительности ли присутствие «этот» позволяет получить связанное прочтение потому что это определитель и таким образом, содержит переменную для ограничения области действия квантора или потому что семантика индексных выражений включает элемент, который может быть связан. В литературе нет согласия по вопросу о том, какова семантика выражений «этот» и «тот», но по всей видимости, если допущение о том, что их семантика включает переменную типа $\langle e, t \rangle$, позволяет вывести большинство доступных прочтений для сложных демонстративов в английском и русском языках (указательное, анафорическое, связанное).

$$(13) \text{[[that } C(x)\text{]]}^{\mathcal{G}}(\text{[[cat]])} = \lambda P. \lambda x. \lambda y. [g(C)(x) \& P(x)](\lambda y. \text{cat}(y)) = \lambda x [g(C)(x) \& [\lambda y. \text{cat}(y)](x)] = \lambda x [g(C)(x) \& \text{cat}(x)]$$

В зависимости от контекста переменная C может получать следующие прочтения:

1) для указательного прочтения: $\text{[[C(x)]]}^{\lambda x. x=a/c} = \lambda x. x=a$, где a- это та вещь, на которую мы указываем.

2) для анафорического, но не связанного прочтения (как в предложении «Ваня выберет число. Это число может быть нечетным»⁸¹). $\text{[[C(x)]]}^{\text{выбранное Ваней } (x)/c} = \lambda x. \text{выбранное Ваней } (x)$.

3) для случаев связанного прочтения как в примерах (11) и (12): $\text{[[C(x)]]}^{\lambda x. R(x,y)/c} = \lambda x. R(x,y)$ (любое релевантное отношение R of type $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$).

Таким образом, если индексный элемент типа $\langle e, t \rangle$ является частью семантики «этот», то этот

⁸¹ пример построен на основе примера из King, Jeffrey, 2001. Complex Demonstratives. Cambridge, MA: MIT Press.

факт может объяснять, почему связанное прочтение доступно в примерах (11) и (12). Однако, контраст между (9)-(11) и (10)-12) все равно может быть аргументом против теории номинального ограничения. Если бы ресурсная переменная прикреплялась к существительному, возможность связанного прочтения в (9) и (10) не зависела бы от присутствия определителя «этот».

Наш второй вопрос состоит в том, почему определенные выражения в притяжательной конструкции не получают связанного прочтения в (9) и (10). Это интересный вопрос, однако очень сложно дать на него определенный ответ, потому что мы не знаем, существуют ли какие-нибудь определители в русском. Хотя мы не можем сказать, в действительности ли «этот» делает связанное прочтение допустимым, потому что это определитель, мы можем видеть, что без этого выражения связывание невозможно в принципе.

Перед нами несколько путей. Один из них состоит в том, чтобы взять решение, предложенное Элбурном для английского и применить его здесь: связывание невозможно, потому что притяжательные конструкции (и преноминальные и постноминальные) исключают присутствие определителя, позиция определителя может быть занята выражениями «Ладова» или «машина». Эту позицию несколько сложнее обосновать для русского языка, потому что мы видели, что в русском существует позиция для определителя даже в преноминальной притяжательной конструкции (см. 11). Однако, можно сказать, что эти выражения занимают эту позицию, когда она свободна.

Есть и другой путь. Можно обратить внимание на тот факт, что связывание определенных фраз в русском даже без присутствия притяжательной конструкции в значительной мере более ограничено, чем в английском. Мы можем увидеть это на примерах (14) и (15).

(14) Редактор уже отослала [каждую статью]₁ [автору статьи]₁.

(15) Маша не поговорила [ни с одним политиком]₁, пока [политик]₁ не вступил в Единую Россию.

В (14) и (15) кажется, что определенная дескрипция в русском просто указывает на конкретный объект, но связанное прочтение возможно, если мы добавим «этот» к дескрипции.

(14') Редактор уже отослала [каждую статью]₁ [автору этой статьи]₁.

(15') Маша не поговорила [ни с одним политиком]₁, пока [этот политик]₁ не вступил в Единую Россию.

Предполагает ли этот контраст между русским и английским, что в русском языке отсутствуют артикли (отсутствуют даже в логической форме предложения) и поэтому отсутствует ресурсная переменная, поскольку ей некуда прикрепиться?

Большинство аргументов в пользу существования определителей в русском основываются на особом статусе определенных выражений, таких, как, например, «этот». Но даже если мы можем доказать, что некоторые выражения в русском языке являются определителями, из этого не следует, что в нем есть непроизносимые определенные артикли. Язык может иметь

некоторые определители, но другие типы определителей могут отсутствовать в этом языке.

Однако, есть по крайней мере один класс примеров, в которых связывание определенных дескрипций кажется возможным в русском:

(16) [Ни один декан] не отчислит [студента], если [студент] пропустил занятия по болезни.

В (16) «студент» во второй части предложения не может быть связано неопределенным выражением «студент» в первой части предложения, поскольку они не находятся в советующих структурных отношениях: «студента» не си-командует «студент». Условное предложение «если» является адьюнктом к глагольной группе «отчислит студента». Это означает, что потенциально [ни один декан] может быть тем квантором, который связывает определенную дескрипцию [студент].

Однако, возможно также, что связывание в этом случае возможно из-за особой семантики условных предложений. Хотя я не могу предложить объяснения того, почему связывание определенной дескрипции в (16) является возможным, условные предложения этого типа – единственный известный мне случай, когда связывание определенных дескрипций возможно в русском языке.

Также стоит отметить, что связывание не возможно, если определенная дескрипция содержит притяжательную конструкцию.

(17) *[Ни один музей] не выбросит [картину Пикассо], если [картина Пикассо] запачкалась.

Ора Матушански (ч.б.) обратила мое внимание на то, что «этот» -- это не единственное выражение в русском, которое может улучшить (9) и (10). Таким же образом работают некоторые прилагательные, такие как «данный», «вышеупомянутый», «вышеуказанный», «вышеприведенный».

(12') Ваня не написал рецензии [ни на одну книгу Ладова]₁, [данную книгу Ладова]₁ не прочитав.

Можно также заметить, что в русском в большинстве случаев, можно заменить «этот» на «данный» и наоборот. Таким образом, либо «данный» также является определителем в русском (в пользу этого говорит тот факт, что «данный» имеет ограниченное употребление с другими определителями, такими как «каждый», «все»), либо индексное выражение типа <e,t>, которое может принимать любое из трех значений, которые я перечислила для индексного элемента «этот», включая значение ресурсной переменной.

Все прилагательные, принадлежащие к классу «вышеупомянутый» являются очевидно отношениями, возможно, что они предполагают отношение между выражением и некоторой сущностью. В любом случае, в русском языке для связывания дескрипций эксплицитно используются выражения со значением отношения.

В данном разделе я отстаивала точку зрения согласно которой, русские определенные фразы могут получать связанное прочтение, только если в их структуре присутствует произносимый

определитель или специальное прилагательное. Если реальное положение ограничителя, который отвечает за связывание, -- на определителе, этот факт русского языка получает прямое объяснение.

2. Критика аргументов в пользу теории номинального ограничения.

В этом разделе я рассмотрю наиболее важные аргументы в пользу теории номинального ограничения, которые были предложены в литературе. Я подвергну критике эти аргументы.

Один из этих аргументов состоял в том, что теория номинального ограничения может предложить лучшее объяснение для контекстно зависимости прилагательных, особенно таких, как «умелый». Согласно другому аргументу, теория номинального ограничения способна предложить лучшее объяснение ограничению прилагательных в превосходной степени. Я покажу, что оба эти аргумента несостоятельны. В русском языке существует различие между атрибутивными и предикативными прилагательными. Атрибутивное прилагательное модифицирует существительное, которое следует за ним («умный студент»). Предикативное прилагательное является просто предикатом, за ним не следует существительного («умен»).

От предикативных прилагательных, может быть образована превосходная степень, что означает, что существительное в некоторых случаях просто отсутствует, и соответственно не может отвечать за контекстную зависимость.

2.1. Прилагательные и их класс сравнения

2.1.1 Аргумент в пользу номинального ограничения

Один из принципиальных аргументов в пользу теории номинального ограничения основывается на зависимости значения прилагательных от контекста⁸². Я воспроизведу здесь эти аргументы и продемонстрирую, что вопрос о зависимости значения прилагательных от контекста должен решаться отдельно от проблемы ограничения области действия квантора.

Аргумент в пользу теории номинального ограничения, который я буду обсуждать, связан с контекстной зависимостью таких предикатов, как «умелый», «знаменитый».

В (18) существительное «скрипач» не определяет класс сравнения прилагательного «умелый».

(18) Он умелый скрипач.

Человек может быть умелым скрипачом для студенческого концерта и при этом не быть умелым скрипачом для профессионального концерта в консерватории. Дж. Стенли⁸³ утверждает, что этот факт может получить естественное объяснение, если ресурсная переменная прикрепляется к существительному: умелый NP $f(x) \square D\langle e,t \rangle$.

⁸² Stanley, 2007.

⁸³ Ibid.

Ресурсная переменная принимает значение «х, который играет здесь». Теория Стенли состоит в том, что прежде, чем мы соединяем значение выражений «умелый» и «скрипач», мы должны найти пересечение класса скрипачей с классом людей, которые играют на соответствующем мероприятии.

(19) умелый (скрипач (x) & играет здесь (x))

Я отвечу на данный аргумент следующим образом. Во-первых, я покажу, что прилагательные должны быть способны вводить собственный класс сравнения вне зависимости от того, модифицируют они существительное или нет. Во-вторых, я покажу, что анализ Стенли не совместим с идеей о том, что «умелый» является интенциональным предикатом.

2.1.2 Существительные не могут фиксировать класс сравнения наречий и предикативных прилагательных.

Согласно предложению Стенли, существительное отвечает за то, чтобы снабдить прилагательное соответствующим классом сравнения, даже в тех случаях, когда прилагательное кажется предикативным. Значение прилагательного «маленький» зависит от контекста.

(20) Этот слон маленький.

(20) не означает, что слон является маленьким объектом, поскольку слоны являются достаточно крупными животными. Это предложение означает, что этот слон является маленьким по сравнению с другими представителями того же вида животных.

В (20) после прилагательного «маленький» не следует существительного, прилагательное выглядит предикативным в поверхностной форме предложения. Можно предположить, что логическая форма (20) содержит удаленное существительное после прилагательного «маленький». Стенли предлагает рассматривать (20) как сокращение (21):

(21) Этот слон маленький [слон].

Удаленное существительное, согласно этой теории, фиксирует релевантный класс сравнения для прилагательного в (20).

Важно заметить, что теория номинального ограничения (в этой ее версии) предсказывает, что если существительное отсутствует в синтаксической структуре предложения, то нет никакого способа зафиксировать класс сравнения прилагательных. Таким образом, один из возможных способов критики этой теории (в ее применении к значению прилагательных) состоит в том, чтобы найти такие случаи, когда существительное отсутствует в логической форме предложения, но мы знаем, что значение фразы зависит от класса сравнения. Я рассмотрю два таких случая.

Первый из них имеет не прямое отношение к прилагательным. Мы знаем, что существует тесная связь между значением прилагательных и значением наречий.

(22) Джон меткий стрелок.

(23) Джон стреляет метко.

Если семантика прилагательного «меткий» предполагает класс, в отношении которого оценивается «меткий», то же самое должно касаться наречия «метко». Точно также, как (22) может означать, что Джон меткий стрелок в рамках школьной секции по стрельбе, (23) может означать, что Джон стреляет метко для школьника. Вряд ли мы хотим допускать, что в (23) после «метко» следует произносимое существительное, «метко» модифицирует глагол «стреляет», обычно после наречия не может следовать существительное. Сходство значения (22) и (23) заставляет предположить, что механизм введения класса сравнения существительных должен быть одним и тем же.

Другой случай, уже непосредственно относящийся к прилагательным, обнаруживается при исследовании русских прилагательных. В русском языке, как было показано в литературе⁸⁴ проводится различие между атрибутивным и предикативным использованием прилагательных. Различие проявляется через два вида инфлексии: морфологию полной и краткой формы прилагательных. Аргумент основывается на согласовании прилагательных с местоимением второго лица множественного числа (вежливое «Вы»). «Вы» формально имеет множественное число, но может указывать как на одного человека, так и на группу людей. Рассмотрим примеры, когда «Вы» указывает на одного индивида. В (24) «Вы» сочетается с глаголом и глагол согласовывается с формальными характеристиками местоимения (глагол без всяких сомнений является предикатом). Прилагательные в краткой форме ведут себя точно также как глаголы (24). Но прилагательные в полной форме демонстрируют другое согласование: они появляются в единственном числе, несмотря на формальную характеристику местоимения (26). Этот факт может быть объяснен, если мы предположим, что в (26) после прилагательного следует существительное, которое не произносится, но прилагательное, которое его модифицирует, должно согласовываться с ним.

(24) Вы пришли.

(25) Вы молоды.

(26) Вы молодая.

Однако, краткие прилагательные также являются контекстно зависимыми, их значение также предполагает класс сравнения. Это означает, что прилагательные должны быть способны сами вводить свой класс сравнения без опосредования существительным.

Еще один важный момент состоит в том, что существует специальная фраза, которая употребляется для введения класса сравнения прилагательных, она вводится с помощью предлога «для»⁸⁵: «умелый для студента», «высокий для ребенка». Эта же фраза может использоваться для введения класса сравнения наречий. Существительные без прилагательных не могут быть использованы с этой фразой в этом смысле «скрипач для ребенка», «студент для

⁸⁴ Siegel, Muffy, 1976. Capturing the Russian adjective. In Montague Grammar, ed. Barbara H. Partee. New York: Academic Press. 293-309., Babby, Leonard H., 1975. A Transformational Grammar of Russian Adjectives, The Hague: Mouton, Bailyn, John, 2012. The Syntax of Russian. Cambridge University press.

⁸⁵ Siegel, 1976.

первокурсника». Однако, русские прилагательные в кратной форме (а значит предикативные) могут использоваться с этой фразой:

(27) Он высок для своего возраста.

2.1.3. «Умелый» не является интерсективным предикатом.

Давайте еще раз рассмотрим теорию номинального ограничения Дж. Стенли в применении к таким предикатам, как «умелый»⁸⁶.

(28) Ваня – умелый < скрипач, $f(i)$ >

(29) $([< \text{скрипач}, f(i) >]_c = [\text{скрипач}] \cap \{x: x \sqsubseteq c(f)(c(i))\})$ ⁸⁷

Идея состоит в том, чтобы разместить ресурсную переменную на существительном. Контекст (с) определит значение этой переменной. Это может быть, например, функция от местоположения к людям, которые играют на скрипке в этом месте. Предложение Стенли состоит в следующем: мы пересекаем множество, обозначаемое предикатом «скрипач» и класса сравнения, который задается функцией « f » и потом применяем «умелый» к этому множеству.

Проблема с этим предложением состоит в том, что «умелый» -- не является интерсективным прилагательным. Пример (30) демонстрирует нам некорректное заключение, которое следует из предположения, что «умелый» является интерсективным предикатом.

(30) *Ваня умелый скрипач, а также Ваня доктор, следовательно Ваня – умелый доктор.

Один из способов объяснения ошибочности рассуждения в (30), предложенный в работах Парсонса и Монтегю⁸⁸, состоит в том, чтобы рассматривать «умелый» как функцию от свойств к свойствам, а не как функцию от классов к классам. Согласно этому подходу, «умелый» является интенциональным предикатом, тип его аргумента $\langle s, \langle e, t \rangle \rangle$. Экстенционал предиката – это множество, а интенционал – свойство. Интенционал понимается как функция от возможного мира к экстенционалу в этом мире. Согласно этому подходу, [[“умелый”]] берет интенционал, обозначаемый словом “скрипач” в качестве своего аргумента.

⁸⁶ Stanley, 2007.

⁸⁷ Stanley, 2007, P. 116, я цитирую его форму записи, где интерпретирующая функция обозначается одной квадратной скобкой (обычно она, как и в этом тексте, обозначается двумя)

⁸⁸ Parsons, Terence D., 1972. Some problems concerning the logic of grammatical modifiers. In *Semantics of Natural Language*, eds. D. Davidson and G. Harman. Dordrecht; Montague, Richard, 1970. *English as a Formal Language*. In *Linguaggi nella Società e nella Tecnica*, ed. Bruno Visentini et al. 189–224. Milan: Edizioni di Comunità. Reprinted in Montague, Richard, 1974. *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. Edited and with an introduction by Richmond H. Thomason. New Haven/London: Yale University Press. 188–221.

Если «умелый» на самом деле является интенциональным предикатом, то совершенно не очевидно, каким образом, пересечение денотата, обозначаемого словом «скрипач» и множества, задаваемого функцией «f(i)» в той форме, в какой это было предложено Стенли и представлено здесь в (29) может помочь нам объяснить контекстную зависимость прилагательного «умелый».

Сигель⁸⁹ обратила внимание не то, что такие прилагательные, как «умелый» являются контекстно-зависимыми в двух смыслах. Нам нужно знать, в качестве кого индивид является умелым (в качестве доктора или скрипача) и также нам нужно знать класс сравнения (умелый скрипач для ребенка или для профессионала). Существительное, которое следует за прилагательным «умелый» говорит нам, в качестве кого мы рассматриваем индивида, но класс сравнения не является частью этой информации. Таким образом, не имеет смысла пересекать обозначение существительного и обозначение класса сравнения, а потом применять «умелый» к общему классу.

Также кажется, что мы вынуждены полагать, что по крайней мере некоторые прилагательные являются интенциональными: «бывший», к примеру, очевидно принадлежит к этому классу⁹⁰. Это означает, что теория, сформулированная в работе Стенли⁹¹, не будет работать в случае с этими предикатами.

В этом разделе я рассмотрела один аргумент в пользу теории номинального ограничения, согласно которому эта теория может предложить лучшее объяснение контекстной зависимости прилагательных. Я показала, что существование предикативных (но зависимых от контекста) прилагательных в русском языке может быть проблемой для этого подхода. Я также рассмотрела идею о том, что «умелый» является интенциональным прилагательным, и проблему, которую эта идея создает для подхода Стенли.

2.2. Прилагательные в превосходной степени

Два важных аргумента в пользу теории номинального ограничения связаны с превосходной степенью прилагательных (я буду далее называть превосходную степень сравнения прилагательного «суперлативом»). Я проанализирую здесь эти аргументы и покажу, что в русском языке существуют предикативные суперлативы, что означает, что дополнительный ограничивающий материал для суперлативов не может находиться на существительном.

2.2.1 Два аргумента о суперлативах в пользу теории номинального ограничения

Проблема семантики и синтаксиса суперлативов, особенно их отношения к определителям, является очень сложной и заслуживает отдельного рассмотрения. В рамках данной статьи я не

⁸⁹ Siegel, 1976.

⁹⁰ Parsons, 1972; Kamp, Hans, 1975. Two theories about adjectives. In Formal Semantics of Natural Language, ed. Edward L. Keenan. Cambridge University Press. 123-155.

⁹¹ Stanley, 2007.

ставлю перед собой этой задачи. Я постараюсь обосновать только следующий тезис: принимая во внимание все, что нам известно о суперлативах, нет никакого основания считать, что ограничитель для суперлативов должен быть на существительном.

2.2.1.1. Первый аргумент в пользу номинального ограничения суперлативов и ответ на его.

Первый аргумент⁹² в пользу номинальной теории ограничения выглядит следующим образом. Представьте, что мы говорим о студентах Корнельского университета и кто-то произносит:

(31) The tallest student is smart.

Самый высокий студент умен.

Очевидно, что это предложение не сообщает о самом высоком студенте в мире. Но если ресурсная переменная (которая получает значение «в Корнельском университете» в этом контексте) прикрепляется к определителю (31') «the», тогда мы должны пересечь множество самых высоких студентов (которое содержит только одного члена – самого высокого студента в мире) и множество индивидов, которые имеют отношение к Корнельскому университету, и найти уникального индивида в Корнельском университете, который также является самым высоким студентом (в мире). Очевидно, в этом случае, если самый высокий студент в мире не учится в Корнельском университете, (31) не будет иметь истинностного значения.

(31') The of Cornell tallest student is smart.

Определитель в Корнельском университете самый высокий студент умен.

Стенли предполагает, что сначала нам нужно пересечь значение выражений «студент» и «в Корнельском университете», а потому найти самого высокого студента из этого множества. Стенли утверждает, что если мы поместим ресурсную переменную на существительное, мы можем решить эту проблему.

На этот аргумент можно предложить следующий ответ. Согласно большинству современных подходов к семантике суперлативов, «est» (или «самый») является квантором. Если суперлатив является квантором, то как мы видели в секции 1, область действия этого квантора может быть ограничена. Таким образом, вопрос должен быть сформулирован иначе: прикрепляется ли ресурсная переменная к суперлативу или к существительному? Уже на этом этапе очевидно, что мы можем легко ответить на аргумент Стенли. Если мы поместим ресурсную переменную на “most” в (32), то мы должны пересекать денотат «умная девушка» и денотат ресурсной переменной до того, как мы применяем «most» (самая) к «умная девушка»

(31) She is the most of Cornell intelligent girl.

⁹² (Stanley, 2007, attributed to Delia Fara)

Она самая в Корнельском университете Умная девушка.

2.2.1.2. Второй аргумент в пользу номинального ограничения суперлативов.

Существует важная связь между прилагательными в превосходной степени и существительными, которые эти прилагательные модифицируют. В частности, выражение «самый высокий студент» не имеет интерсективного прочтения, это выражение не может означать «самый высокий и студент». Мы можем легко в этом убедиться, если рассмотрим, что это прочтение отсутствует на примере (33).

(33) *Нет, он не самый высокий студент, на самом деле, профессор Стивенсон намного выше его.

Предложение (33) содержит непоследовательный дискурс, потому что присутствие существительного «студент» ограничивает класс сравнения «самый» только студентами.

Нам нужно предложить объяснение той особой роли, которую существительные играют в атрибутивных суперлативах. Одно возможное объяснение было предложено Матушански⁹³. Оно состоит в том, что существительное играет только ресурсной переменной в случае с суперлативами. Согласно данному предложению, суперлативы могут быть только атрибутивными, потому что семантика выражения «самый» требует, чтобы существительное занимало позицию ограничителя.

Очевидно, что существительное само по себе не ограничивает значение суперлатива достаточным образом. Если бы существительного было достаточно, то «самый высокий студент» в (31) могло бы указывать только на самого высокого студента в мире. Теперь теория номинального ограничения становится полезной для значения суперлативов. Если существительное на самом деле играет роль ресурсной переменной в случае с суперлативами и весь дополнительный ограничивающий материал находится на существительном, то мы можем объяснить и контекстную зависимость суперлативов и отсутствие интерсективного прочтения. Это второй аргумент в пользу теории номинального ограничения.

В рамках данной статьи я предложу несколько аргументов, основанных на поведении разных типов суперлативов в русском, которые показывают, что объясните, предлагаемое теорией номинального ограничения не может быть исчерпывающим. Я постараюсь показать, что существует предложение формы «Она наиболее высока», где «наиболее» является суперлативом, однако после прилагательного не следует никакого существительного. Это продемонстрирует, что утверждение о том, что все суперлативы являются обязательно атрибутивными является неверным. Конечно, значение суперлативов этого типа также должно быть ограничено. Если в логической форме предложения отсутствует существительное, которое следует за «высок», то это означает, что ограничитель не может находиться на существительном. Таким образом, теория номинального ограничения является ложной.

⁹³ Matushansky, Ora, 2008. On the Attributive Nature of Superlatives. Syntax 11:1, April 2008. 26–90.

Я также рассмотрю идею о том, что особая роль существительного в семантике атрибутивных прилагательных проявляется не только в конкретном случае с суперлативами, но и в других формах прилагательного. Я рассмотрю другое возможное объяснение для отсутствия интерсективного прочтения в (33).

2.2.2. Значение суперлативов.

Я буду опираться на теорию значения суперлативов, сформулированную в работе И. Хайм⁹⁴. Она предполагает, что такие прилагательные, как «высокий» (которые могут иметь сравнительную и превосходную степень) являются отношениями между степенями и индивидами и что их базовый семантический тип $\langle d, \langle e, t \rangle \rangle$. В (34) C является ограничителем типа $\langle e, t \rangle$. Согласно этой семантике, суперлативы сопровождаются презумпцией о том, что индивид, обладающий свойством D, а также каждый индивид в классе сравнения должны принадлежать к множеству, обозначаемому C. C является ресурсной переменной и она получает свое значение в контексте.

(34) [[самый]] = $\lambda C \langle e, t \rangle \lambda D \langle d, \langle e, t \rangle \rangle \lambda x e \square d [D(d)(x) \wedge \square y [y \square C \wedge y \neq x \rightarrow \neg D(d)(y)]]$

-самый (C)(D)(x) определено если и только если (i) $x \square C$, и (ii) $\square y [y \square C \rightarrow \square d [D(d)(y)]]$

Согласно этой теории, «самый» является квантором, и как любой квантор должно совершить передвижение наверх, чтобы его можно было интерпретировать. Когда квантор движется, он оставляет след типа d. Синтаксис выражения «самый высокий студент» представлен в (35).

(35) [DP [NP [-самый C] [NP d-высокий студент]]]

2.2.3 Суперлативы в русском языке.

Ключевым моментом в аргументации Матушански⁹⁵ в пользу теории номинального ограничения для суперлативов является обоснование тезиса о том, что суперлативы всегда должны быть атрибутивными. Она использует данные из широкого ряда языков, однако я буду рассматривать только факты русского языка. Я полагаю, что существуют интересные аргументы в пользу того, что не все русские суперлативы являются атрибутивными.

В русском есть 4 формы суперлатива:

1) Аналитическая форма, сформированная через сочетание прилагательного с суперлативным прилагательным «самый». Эта форма используется только с полной формой прилагательных («самый высокий», но не «самый высок»).

2) Аналитическая суперлативная конструкция, сформированная через добавление «наиболее/наименее». Эта форма используется как с полной, так и с краткой формой

⁹⁴ Heim, Irene, 1999. Notes on superlatives. Ms., MIT, Cambridge, MA.

⁹⁵ Matushansky, 2008.

прилагательных, а также с наречиями («наиболее близко»)

3) Синтетическая форма суперлатива сформированная с помощью суффикса –ейш. Эта форма преимущественно используется с прилагательными в полной форме («умнейший»).

4) Суперлативы, сформированные через компаратив и квантор всеобщности «ше+всех». Это стандартная форма для кратких прилагательных и наречий («выше всех»), она не используется с полными прилагательными («*Ваня более высокий, чем все»). Эта форма выглядит как компаратив, однако я постараюсь показать, что эта форма имеет больше сходства с суперлативами, чем с компаративами.

Несложно увидеть из этого распределения, как на основе этих фактов русского языка, можно отстаивать концепцию о том, что суперлативы всегда должны быть атрибутивными. Самая стандартная форма суперлатива для кратких (а следовательно, предикативных) прилагательных и наречий выглядит как компаратив. Если все суперлативы в действительности должны быть атрибутивными, то понятно, почему прилагательные в краткой форме и наречия не имеют реальной формы суперлатива. Единственным очевидным контрпримером для этой теории является форма 2, а именно «наиболее», потому что как краткие, так и полные прилагательные могут иметь эту форму. Итак, сторонник теории номинального ограничения мог бы рассказать следующую историю. В случае с реальными суперлативами, существительное играет роль ограничителя. Когда существительное отсутствует, должна использоваться форма компаратива и квантор всеобщности вместо суперлатива.

В рамках данной статьи я постараюсь показать, что эта история не достаточно адекватно описывает факты русского языка. Во-первых, я рассмотрю другого кандидата, который мог бы выполнять роль открытого ограничения области действия суперлатива – фразу «из» или «среди». В русском языке данная фраза может использоваться для ограничения области действия суперлативов всех 4-х типов, но не используется с компаративами или прилагательными в позитивной форме. Я остановлюсь более подробно на форме «ше всех» и покажу, что существует разница в значении в случае, когда мы просто ограничиваем значение квантора всеобщности, обозначаемого фразой «всех», и случаем, когда мы используем особую форму ограничителя для суперлатива – фразу «из». Это показывает, что форма «ше всех» скорее относится с суперлативам, а не к компаративам. Это первый пример предикативного суперлатива.

Далее я покажу, что для теории номинального ограничения не просто объяснить, почему суперлатив «наиболее» может быть образован как от краткой, так и от полной формы прилагательного. Суперлатив формы «наиболее+ прилагательное в краткой форме» будет вторым примером предикативного суперлатива.

2.2.4 Особая роль «из»-фразы в ограничении суперлативов.

В русском языке «из»-фраза может использоваться для ограничения значения всех типов суперлативов:

(36) Эта республика – самая молодая из всех в составе Советского союза.

(37) Сильнейший и хитрейших их всех воевод Поднебесной.

(38) Она наиболее из всех балерин подходит для этих гастролей.

(39) Он больше всех из русских царей прирастил земель к Российской Империи.

Эта фраза с «из» не используется в этом значении с компаративами или существительными в позитивной форме.

Мы видим в (39), что «из» может ограничивать значение суперлативов, сформированных через «ше всех», также как и любых других форм суперлатива.

2.2.5 Различие между суперлативами формы «-ше всех» и компаративами формы «-ше всех».

Выше было отмечено, что наиболее стандартной формой суперлатива для предикативных прилагательных является форма компаратива с квантором всеобщности. Однако можно показать, что «-ше всех» как суперлатив отличается от компаратива, хотя они и выглядят похоже.

Мы можем видеть, что существует контраст между (40) и (41).

(40) Белоснежка умнее всех семи гномов.

(41) *Белоснежка умнее всех из семи гномов.

(42) Профессор умнее всех из семи гномов.

Предложение (40) осмысленно, однако, (41) может быть произнесено только если Белоснежка является одним из семи гномов. Предложение (42) я привожу только для того, чтобы показать, что за исключением проблемы с презумпцией, предложение (40) грамматически корректно составлено.

Различие между (40) и (41) может быть представлено следующим образом:

(40') $\forall x (=er) [\lambda d. \text{все } 7 \text{ гномов } d\text{-умны}] [\lambda d. \text{Белоснежка } d\text{-умна}]$

$\square d [\text{Белоснежка } d\text{-умна}] \& \square y [y \square 7 \text{ гномов} \rightarrow \neg d\text{-умен}]$

(41') Белоснежка $[\forall x \text{ всех } (=est) C=\text{из } 7 \text{ гномов}] [\lambda d. d\text{-умен}]$

$\square d [\text{Белоснежка } d\text{-умна}] \& \square y [y \square \text{из } 7 \text{ гномов} \wedge y \neq x \rightarrow \neg y \text{ is } d\text{-умен}]$

(i) Белоснежка \square из 7 гномов, и (ii) $\square y [y \square \text{из } 7 \text{ гномов} \rightarrow \square d [y \text{ is } d\text{-умен}]]$, где (i) и (ii) презумпции.

Я приведу еще один пример, чтобы продемонстрировать тот же тезис:

(43) Маша пришла раньше всех десяти сотрудников, на которых вчера наорал директор.

(44) Маша пришла раньше всех из десяти сотрудников, на которых вчера наорал директор.

В (43) ограничитель присоединен напрямую к «всех»; Маша сравнивается с 10 сотрудниками, на которых директор наорал и не считается среди них. В (44) используется специальная форма

ограничителя для суперлатива, и значение ограничителя (все, что следует после «из») должно равным образом применяться к Маше, в противном случае предложение неуместно. Если мы рассматриваем «-ше всех» как обычный суперлатив, а «из»-фразу как то, что фиксирует значение С-переменной, то именно это мы и предсказываем. Частью семантик суперлатива является то, что С-переменная задает класс сравнения и индивидуальный аргумент суперлатива должен быть членом множества, задаваемого С.

Этот контраст между (40) и (41) и (43) и (44) предполагает, что компаративы «-ше всех» и суперлативы «-ше всех» семантически различаются в русском языке, хотя и выглядят сходным образом.

Во-первых, суперлативы в любой форме могут сравнивать только вещи, принадлежащие одной и той же категории, и находить среди них единственную, которая обладает указанным свойством в максимальной степени. Семантика компаративов не предполагает сходного ограничения. Эти два факта сложно объяснить в рамках теории обязательной атрибутивной природы суперлативов.

Таким образом, мы нашли один пример, когда форма суперлатива образуется от краткого, а значит, предикативного прилагательного. Это означает, что ничего в семантике суперлатива не требует, чтобы прилагательное было атрибутивным. Это также означает, что существительное не может всегда играть роль ограничителя области действия суперлатива.

2.2.6 Можно ли свести суперлативы формы «наиболее» к компаративам?

Рассмотрим другую форму суперлатива, которая является проблематичной для теории обязательной атрибутивной природы суперлативов, а именно аналитическую форму суперлатива, сформированную через «наиболее». Как я упоминала выше, с помощью этой формы мы можем образовывать суперлативы как от краткой, так и от полной формы прилагательных, а также от наречий. Согласно концепции Матушански⁹⁶, «наиболее» не является настоящим суперлативом, а является скрытым компаративом с квантором всеобщности. «Наиболее» состоит из префикса «наи» добавленного к «более». Она предлагает разбить «наи» на следующие части:

(45) на и Ø(существительное) более

где «и»= всех

Существуют два пути, которыми сторонник обязательной атрибутивной природы суперлативов может пойти.

Один из них состоит в том, чтобы сказать, что «наиболее» -- является суперлативной морфемой, но она позволяет формировать суперлативы от кратких прилагательных, потому что непроектируемое существительное следует за «и», именно это существительное вводит класс сравнения и заполняет NP («noun phrase» -- группа существительного) аргумент суперлатива.

Если сторонник теории номинального ограничения выбирает этот путь, то она все равно может считать, что суперлатив всегда должен брать группу существительного в качестве одного из

⁹⁶ Matushansky, 2008.

своих аргументов. Непроизносимая NP заполняет аргументное место существительного в суперлативе этого типа. Однако, как мне кажется, в таком случае, русское «наиболее» будет действительно серьезной проблемой для этой теории.

(46) Наиболее высок.

(47) Наиболее высокий мужчина.

В (46) содержится прилагательное в краткой форме, а значит, предикативное прилагательное. Мы предполагаем, что это не является проблемой для суперлатива, потому что аргументное место, предназначенное для существительного, уже заполнено произносимым существительным. В (47) прилагательное имеет полную форму. Мы знаем, что аргументное место, предназначенное для существительного, уже заполнено произносимым существительным и что существительное «мужчина» не является необходимым для суперлатива. Однако, интерсективное прочтение совершенно невозможно, что подтверждается примером (48).

(48) * Неправда, что Маша наиболее высокая девушка в нашей группе, Андрей намного выше ее.

Таким образом, проблема с этой гипотезой состоит в том, что если мы ее принимаем, то теория теряет важную часть своей объяснительной силы.

Второй путь состоял бы в том, чтобы утверждать, что «наиболее» является реальным компаративом и не является суперлативом. В этом случае, аргумент, сформулированный выше, относящийся к «-ше всех» форме, также применим в данном случае: только суперлативы могут использоваться с «из»-фразой, которая фиксирует их класс сравнения.

Если «наиболее» является скрытым компаративом, существует и другая проблема для одного из аргументов, предложенных Матушански. Хорошо известен тот факт, что суперлативы, также как и атрибутивные компаративы не могут использоваться с фразами типа «на 3 см», «на 5 книг». Матушански полагает, что присутствие существительного блокирует возможность использования этих фраз. Таким образом, она утверждает, что неспособность суперлативов использоваться с этими фразами подтверждает идею о том, что суперлативы являются атрибутивными по своей природе, даже когда они кажутся предикативными.

Однако, если «наиболее высок» является компаративом, это может быть только предикативный компаратив. В этом случае было бы сложно объяснить, почему использование вышеуказанных фраз невозможно с «наиболее», но возможно с предикативным компаративом.

(49) Его доход в этом году (*на 10%) наиболее высок.

(50) Его доход в этом году на 10% выше, чем в прошлом.

Если эти аргументы верны, то мы нашли другую форму предикативного суперлатива, а именно «наиболее высокий», и нам известно, что после прилагательного «высокий» не следует существительного, что означает, что ограничитель области действия этого суперлатива не может находиться на существительном. Это опять же аргумент в пользу того, что ничего в природе суперлативов не требует, чтобы суперлатив был обязательно атрибутивным. Таким образом, мы должны найти другое объяснение для отсутствия интерсективного прочтения в

(33).

2.2.7 Существуют суперлативы формы «-ейш», сформированные от наречий.

Мой последний аргумент против теории обязательной атрибутивной природы суперлативов состоит в том, что в русском языке существуют формы суперлатива «ейш», сформированные от наречий (хотя, конечно, эта форма имеет очень ограниченное применение).

(51) Умнейше говорит и подтверждает слова действием.

(52) Он честнейше пронес через всю свою нелегкую жизнь это убеждение.

В целом, это означает, что есть только одна форма суперлатива, которая используется только с атрибутивными (т.е. полными) прилагательными – это форма «самый». Все остальные формы суперлатива могут формироваться от прилагательных в краткой форме и от наречий.

2.2.8 Почему «самый высокий студент» не означает «самый высокий и студент»?

Как мы можем объяснить отсутствие интерсективного прочтения атрибутивных суперлативов?

Существует сходная загадка в семантике компаративов:

(53) Маша выше Пети.

(54) *Маша более высокая девочка, чем Петя.

(55) Маша – это девушка, которая выше, чем Петя⁹⁷.

Когда прилагательное является преноминальным (54), то оба сравниваемых индивида должны относиться к множеству, обозначаемому существительным, но когда прилагательное не является преноминальным, то такое ограничение отсутствует (55).

Один из способов объяснить этот контраст между (53) и (54), состоит в том, чтобы рассматривать семантику атрибутивных прилагательных как функцию, которая берет значение существительного в качестве аргумента и возвращает отношение между степенями и индивидами⁹⁸.

Таким образом, когда мы интерпретируем выражение «высокая девушка», мы не используем правило предикатной модификации, а используем правило применения функции к аргументу⁹⁹. Таким образом, согласно этому подходу, стандартным семантическим типом прилагательного

⁹⁷ Bresnan, Joan, 1973. Syntax of the Comparative Clause Construction in English. *Linguistic Inquiry* 4.3. 275-343 and Stanley, Richard, 1969. The English Comparative Adjective Construction. In *Papers from the 5th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, Robert I. Binnick, A. Davison, G. M. Green and J. L. Morgan (eds.). Chicago: University of Chicago.

⁹⁸ Lechner, Winfried, 2004. Ellipsis in comparatives. *Mouton de Gruyter.*, p. 54

⁹⁹ См. правила в Heim, Irene & Kratzer, Angelika, 1998 *Semantics and generative grammar*. Blackwell Publishers. Chapter 4.

«высокий» будет $\langle\langle e,t \rangle, \langle d, \langle e,t \rangle \rangle\rangle$.

(56) $[[AP \text{ высокая}]] ([[NP \text{ девушка}]]] = \lambda P \lambda d \lambda x [\text{высокая} (P) (d) (x)] (\text{девушка}) = \lambda d \lambda x [\text{высокая} (\text{девушка})(d)(x)]$

Возможно, что отсутствие интерсективного прочтения в атрибутивных суперлативах находит свое объяснение не в семантике суперлативов, а в семантике атрибутивных прилагательных.

Если мы принимаем это предложение, то мы должны сочетать «высокая» и «девушка», получив сложное отношение между степенями и индивидами, и только после этого применять «самый» к этой сложной сущности.

Таким образом, мы можем объяснить отсутствие интерсективного прочтения в атрибутивных прилагательных без теории номинального ограничения. Возможно, что семантика для прилагательного «высокий», сформулированная в (56), мотивирована по независимым от проблемы атрибутивных суперлативов основаниям.

Как было отмечено ранее, существуют некоторые важные аргументы, которые показывают, что не все существительные являются атрибутивными. Таким образом, многие прилагательные являются двусмысленными. Их краткая форма имеет семантический тип $\langle d, \langle e,t \rangle$ и их полная форма имеет другой тип $\langle\langle e,t \rangle, \langle d, \langle e,t \rangle \rangle\rangle$.

Заключение

В этой статье я рассмотрела некоторые аргументы из русского языка против теории номинального ограничения области действия квантора. Главный аргумент основывался на наблюдении о том, что русские определенные фразы с притяжательной конструкцией не имеют связанного прочтения, если в их структуре не присутствует определитель «этот», специальное прилагательное или связанное местоимение. Далее я рассмотрела два центральных аргумента в пользу теории номинального ограничения.

Я утверждала, что функция, фиксирующая класс сравнения прилагательных не может прикрепляться к существительному, потому что значение наречий также зависит от контекста и потому что некоторые прилагательные являются предикативными (в русском языке – прилагательные в краткой форме). Я также проанализировала теорию номинального ограничения суперлативов и отстаивала тезис о том, что распределение русских суперлативов не поддерживает теорию, согласно которой все суперлативы должны быть атрибутивными. Если некоторые суперлативы являются по-настоящему предикативным, то по крайней мере в некоторых случаях ограничитель должен быть помещен на саму суперлативную морфему, и нам не нужно постулировать дополнительную ресурсную переменную на существительном, когда прилагательное является атрибутивным и существительное присутствует в логической форме предложения.

Миллевская традиция в экспликации имен: историко-проблемный обзор

Возрождение миллианской традиции было исторически связано с двумя факторами: разработкой семантики возможных миров для модальной логики, следствия из которой относительно семантической роли имен собственных выглядели несовместимыми с утверждениями дескриптивного подхода, а также с обнаружением иных контекстов или ситуаций употребления имен или определенных дескрипций, с объяснением которых не справлялась стандартная фреге-расселовская методология.

Современное миллианство ассоциируется, главным образом, с именами таких логиков и философов как К.Доннелан, Х.Патнэм, С.Крипке и Д.Каплан. Важную более раннюю работу в этом направлении проделали такие философы как Дж.Серл и Р.Б.Маркус. Мы начнем наш обзор с ознакомления с результатами, полученными последними двумя теоретиками.

I. Начала нового миллианства

1. Джон Серл и кластерная теория дескрипций

В статье «Имена собственные» (1958) Дж.Серл представил аргумент о том, что каждое из тождеств (а) Туллий = Туллий и (б) Туллий = Цицерон может быть рассмотрено и как аналитическая и необходимая истина, и как синтетическая и случайная истина. Так, если рассматривать (а) как сообщающее об используемых в нем словах, то при введении в язык соответствующих условий (а) вполне может быть случайным. Если мы, в свою очередь, рассматриваем имена собственные как не обладающие смыслом выражения (ведь мы, например, их не определяем), то (б) вполне может быть представлено как необходимую истину. Информативность (б) должна будет появиться, по Серлу, лишь в том случае, если мы опять же анализируем (б) как сообщающее о словах.

При этом перед нами встает, как минимум, две проблемы: (i) проблема истинных отрицательных экзистенциальных предложений не получает удовлетворительного решения при анализе таких предложений как сообщающих об используемых в них словах (так, сказать, что Аристотель не существовал не означает всего лишь сказать, что «Аристотель» ничего не обозначает); (ii) предложения типа (б) могут выражать случайные синтетические истины: как это возможно? (Точнее: каким образом, если имя ассоциируется с дескрипцией и представляет ее в сокращенном виде, выражение типа (б) оказываются синтетическими, а не аналитическими утверждениями?)

Ответ на эти проблемы Серл находит в специфике использования имен собственных в языке, которое отличается от использования указательных местоимений (требующих

контекста) и определенных дескрипций (подразумевающих упоминание определенных свойств индивида).

Эта специфика, по Серлу, заключается в том, что *имена собственные не ассоциируются с конкретным, фиксированным набором дескрипций (ибо тогда они становятся избыточными), но ассоциируются с тем или иным набором дескрипций нестрогим образом*. Они, таким образом, являются «крючками», на которые можно «вешать» те или иные дескрипции.

Предлагаемый подход, как утверждает Серл, дает удовлетворительный анализ отрицательным экзистенциальным предложениям, объясняет происхождение дескриптивных имен и жестких дескрипций, объясняет синтетические тождества и связываемую с ними когнитивную значимость (которая зависит от кластеров ассоциируемых с именами определенных дескрипций).

Комментарий относительно концепции Серла:

- Обратите внимание на то, что Серл, говоря о том, что (а) и (б) могут быть случайными, использует два вида случайности: что такой-то термин обозначает такой-то индивид (семантическая случайность) и что такое-то свойство и такое-то свойство присуще одному и тому же объекту (метафизическая случайность). Высказывания типа (а) не могут быть случайными в метафизическом смысле. Из этого следует, что, с точки зрения исключительно метафизического сослагания, между предложениями (а) и (б) имеется фундаментальное различие.

- Важность содержания статьи Серла применительно к интересующей нас проблематике заключается, во-первых, в попытке продемонстрировать отличную от роли дескрипций специфическую роль, которую имена играют в естественном языке (их несвязанность с конкретным набором определенных дескрипций), во-вторых, указание на случаи существования имен собственных, неотрывно связанных с теми или иными описаниями, а также описаний, обозначающих объекты, не обладающие соответствующими свойствами).

2. Рут Баркан Маркус: именование vs. исчерпывающее описание

Американский логик Р.Б.Маркус в статье 1961 года, ставшей основой для статьи «Модальности и интенциональные языки», указывала на допустимость взаимозаменяемости выражений в модальных контекстах при условии введения более сильного отношения эквивалентности, чем экстенциональная эквивалентность. (В этом предлагаемая ею программа следовала в русле Карнаповского требования L-эквивалентности для взаимозаменяемости выражений в модальных контекстах.)

Доклад содержал критику куайновской критики модальной логики и его запрета на семантический анализ интенциональных контекстов (рассмотренного нами на прошлой лекции). В этой статье Маркус применительно к именам собственным вновь воспроизводит их миллевское понимание как ярлыков (tags) объектов и указывает на отличие их семантики от семантики определенных дескрипций.

[I]t often happens, in a growing, changing language, that a descriptive phrase comes to be used as a proper name - an identifying tag - and the descriptive meaning is lost or ignored. Sometimes we use certain devices such as capitalization and dropping the definite article, to indicate the change in use. 'The evening star' becomes 'Evening Star', 'the morning star' becomes 'Morning Star'. ... Suppose through some astronomical cataclysm, Venus was no longer the first star of the evening. If we continued to call it alternatively 'Evening Star' or 'the evening star' then this would be a measure of

the conversion of the descriptive phrase into a proper name. If, however, we would then regard (10) ["The evening star eq the morning star"] as false, this would indicate that 'the evening star' was not used as an alternative proper name of Venus. ... [T]o give a thing a proper name is different from giving a unique description. (*Modalities and Intensional Languages*, P.309)

3. Модальности *de re* и *de dicto*

Статья Маркус затрагивала и другие темы, важные для семантики единичных терминов, в частности, вопросы сферы действия кванторов и модальных операторов. С этими вопросами связано так называемое различие между модальностями *de re* и *de dicto*. Сами эти термины в переводе с латыни означают *о вещи* и *о высказывании*, соответственно. Их роль в модальной логике может быть проиллюстрирована на следующем примере. Рассмотрим аргумент:

Необходимо, что девять больше семи
Число планет равняется девяти.
Следовательно, необходимо, что число планет больше семи.

На первый взгляд данный аргумент представляется некорректным, ибо то, что число планет больше семи не является какой-либо необходимостью; их вполне могло бы быть и меньше семи.

Однако, с другой стороны, может возникнуть обоснованное ощущение, что существует такое прочтение первой посылки этого аргумента, при котором он будет корректным. Формально различие в двух прочтениях первой посылки можно выразить так:

- (1) $\Box \exists x(x = \text{число планет} \wedge x > 7)$
- (2) $\exists x(x = \text{число планет} \wedge \Box(x > 7))$.

Если мы понимаем первую посылку как (1), то вывод некорректен, но если как (2), то вполне корректен.

Различие *de re/de dicto* аналогичным образом применяется и для анализа верований, как второго типа предложений с интенциональными контекстами. Подробнее мы рассмотрим соответствующие примеры при обсуждении статьи Куайна «Кванторы и пропозициональные установки».

4. Семантика возможных миров и жесткая десигнация

В модальной логике мы можем по-разному выбирать область определения модели и интерпретацию констант, соответственно, получая разные подходы к семантике для модальной логики предикатов.

Каркас (фрейм) модели в модальной логике предикатов состоит из набора миров W и бинарного отношения достижимости между ними R . В фрейм модели не входит то или иное понимание того, каков соответствующий мир (т.е. нет интерпретирующей функции).

Дальнейшее построение модели мы можем осуществлять по-разному, в зависимости от того, как мы выбираем область определения, и того, как мы интерпретируем индивидуальные константы. Область определения может рассматриваться нами как отдельная для каждого мира w . И тогда вся модель целиком будет содержать множество областей определения для миров, входящих $\{D_w | w \in W\}$ и тогда нам, соответственно, будет нужна функция для области определения, которая будет отображать каждый мир в соответствующую область определения. Или же мы можем рассматривать единую область определения для всей модели. Тогда у всех $w \in W$ области определения одинаковы, т.е. для любого w , если $w' \in W$, то $D_{w'} = D_w$, что делает второй подход особым случаем первого подхода.

Далее встает вопрос о том, как интерпретировать индивидуальные константы. Есть два способа: интерпретацией константы c может быть либо *индивидуальный объект* (т.е. интерпретирующая функция отображает константы в индивиды), либо *индивидуальный концепт* (т.е. функция приписывающая константе в каждом мире того или иного индивида). (Ср. аппарат интенционала и экстенционала Карнапа применительно к данному анализу.)

Как мы говорили (но еще не объясняли) на прошлой лекции, существуют основания предпочитать второй подход к анализу констант, который происходит из установленной специфики функционирования имен собственных в естественном языке. Они связаны с тем, что, согласно Крипке, существует важное отличие имен собственных от определенных дескрипций, которое проявлено в естественном языке. Рассмотрим предложение:

(3) Если бы Обама не выиграл президентские выборы в 2008 году, то президентом США был бы республиканец.

«Обама» обоих соответствующих мирах (нашем и контрфактическом) указывает на одного и того же индивида, тогда как «президент США» указывает в этих двух мирах на разных людей.

Данный аргумент называется *контрфактическим аргументом Крипке против теории дескрипций*. Он стал одним из оснований проводить строгое разделение между семантическим функционированием имен собственных и определенных дескрипций. Имена собственные Крипке называет *жесткими десигнаторами* (*rigid designators*), и определяет как выражения, обозначающие один и тот же объект во всех возможных мирах соответствующей модели. Определенные дескрипции, соответственно, являются нежесткими десигнаторами.

Если этот аргумент верен, то он дает нам основания рассматривать интерпретацию индивидуальных констант (которые мы рассматриваем как присутствующие в нашем искусственном языке эквиваленты естественно-языковых имен собственных) в качестве индивидуальных объектов, а не индивидуальных концептов. Иными словами, рассмотренный модальный аргумент становится причиной считать, что константа всегда указывает на конкретный индивидуальный объект.

Из этого, в свою очередь, может быть сделано заключение о предпочтительности единой области определения для всей модели, а не отдельных областей определения для каждого из входящих в модель миров.

Предпочтительность эта усиливалась, с точки зрения Крипке, еще и тем, что решалась важная для философии возможных миров проблема трансмирового тождества. Эта проблема заключалась в вопросе о том, является ли, скажем, Виктор в мире w_1 и Виктор в мире w_2 (отличающихся друг от друга лишь ростом, которым обладает в каждом из них Виктор) одним и тем же индивидом и, если да, то в каком смысле. В каком отношении должны состоять между собой Виктор в мире w_1 и Виктор в мире w_2 ? Ответ Крипке на данный вопрос заключался в том, что не следует вообще задумываться об этом отношении, ибо тождество

объекта в подобных ситуациях дано нам заранее. Присутствие в разных мирах Виктора или Обамы (из примера выше) не проблематично, несмотря на то, что в каждом из этих миров каждый из упомянутых индивидов может обладать разными свойствами.

Следует сказать, что не все исследователи придерживались взглядов Крипке. Одним из наиболее ярких представителей альтернативного подхода был Д.Льюис, который предлагал вводить отдельную область определения для каждого возможного мира, а вместе с ней и отношения для трансмирового тождества объектов, которых он считал двойниками.

С рассмотренным выше контрфактическим аргументом Крипке связана и критика кластерной теории имен Серла-Стросона (из пункта 1 этой лекции). Однако критика здесь заключается не в обращении к модальным контекстам, а в указании на затруднение определить то, какое число предложений, приписывающих объекту посредством дескрипции то или иное свойство, должно оказаться ложным, чтобы про объект можно было бы сказать, что он не является денотатом соответствующего имени.

Более того, если обращаться к модальным контекстам, то кластерная теория не позволит нам отвергнуть все свойства, ассоциирующиеся с объектом в нашем мире, но при этом все еще говорить о том же денотате этого имени.

II. Новое миллианство: основные концепции

Рассмотренная нами выше аргументация против фреге-расселовской теории имен представляла собой лишь начальную часть общей критики этой традиции. Отдельные идеи, изложенные Серлом в рассмотренной нами статье, получили развитие в концепции атрибутивного и референциального использования определенных дескрипций К.Доннелана. Что касается Крипке, то его модальному (контрфактическому) аргументу против дескриптивной теории референции сопутствовали еще два другие, которые иногда называются семантическим и эпистемологическим аргументами.

Отдельный вклад, как уже говорилось, в становление миллевской традиции был внесен такими философами как Х.Патнэм и Д.Каплан, однако, обсуждение их работ мы оставим для семинара, а также для дальнейших лекций. Здесь же рассмотрим некоторые аспекты концепций Доннелана и Крипке.

1. Семантическая концепция К.Доннелана

1.1. Референциальное и атрибутивное употребление определенных дескрипций

Свою концепцию семантики определенных дескрипций Доннелан ввел в рамках критики двух конкурирующих подходов к их экспликации: подхода Б. Рассела (который мы уже изучили) и подхода П. Стросона.

Подход Стросона (см. статью «On Referring») заключался в альтернативном расселовскому анализе утверждения «Современный король Франции лыс». Согласно Стросону, референция не есть отношение между единичным термином и объектом. Референцию, как указание на тот или иной объект, осуществляет индивид, делающий утверждение, содержащее соответствующую обозначающую фразу (дескрипцию). Если денотата у этой дескрипции не оказывалось, то, согласно Стросону, имел место провал в референции (failure to refer): говорящий не смог указать на соответствующий предмет. Таким образом, если у Рассела допущение о существовании объекта оказывалось эксплицитно прописанным в логической форме (переформулировке) предложения о современном короле Франции и, в случае несуществования такового, предложение рассматривалось как ложное, то у Стросона такое допущение (пресуппозиция) о существовании референта оставалось допущением, и в случае если оно оказывалось ложным (референта не было), соответствующее предложение считалось не истинным, не ложным, а обладающим неопределенным истинностным значением (undefined).

Дискуссия Рассела и Стросона по этому вопросу представляет собой классический пример противостояния семантически и прагматически ориентированных подходов к референции. До настоящего времени она (пока) вынуждено была вынесена за рамки нашего внимания в силу специфичности обсуждаемых проблем и не историко-философской ориентированности курса.

Возвращаясь к Доннелану, рассмотрим одну из наиболее известных его иллюстраций, приведенную в статье «Reference and Definite Descriptions».

В городке N произошло зверское убийство некоего Смита, одного из самых добродушных и всеми уважаемых людей. Осматривая место преступления со всеми его нелюбезными подробностями, следователь формулирует утверждение

Убийца Смита психически нездоров. (Smith's murderer is insane.)

Он делает это утверждение на основании увиденного. Определенная дескрипция «убийца Смита» выделяет некоего индивида, совершившего преступление, при этом следователь, разумеется, не знает, кто именно убил Смита.

Рассмотрим другую ситуацию с началом, сходным с тем, что описано выше, и, допустим, что следствие арестовывает некоего Джонса и предъявляет ему обвинение в убийстве Смита. Начинается судебный процесс, на котором Джонса атакуют серьезными уликами против него, подкрепленными общественным мнением о том, что именно он убил Смита. При этом на процессе Джонс ведет себя не вполне адекватно, что заставляет усомниться в его психическом здоровье. Глядя на поведение Джонса, один из зрителей процесса говорит своему соседу:

Убийца Смита психически нездоров.

В данном случае объектом, который обозначается определенной дескрипцией, является Джонс. При этом, на самом деле, может оказаться так, что Смит погиб от несчастного случая, произошедшего в результате неудачного и очень редкого стечения обстоятельств. Тогда индивида, убившего Смита, вообще нет.

Доннелан утверждает, что в первой ситуации произнесенное предложение может быть истинным стандартным расселовским способом: имеется некий психически нездоровый

индивид, который убил Смита. Однако при этом второе произнесение во второй ситуации может также быть истинным, несмотря на то, что описываемого индивида не существует. Первый (расселовский) способ употребления дескрипции Доннелан называет *атрибутивным*, второй – *референциальным*.

Итак, при *атрибутивном* использовании: (1) определенная дескрипция описывает некое свойство, обладатель которого, как предполагается, существует; (2) в случае несуществования индивида, отвечающего условиям ОД, произнесение истинного утверждения не имеет места. При *референциальном* использовании: (1) определенная дескрипция используется лишь как средство вычленения соответствующего индивида; (2) пресуппозиция о том, что конкретный индивид обладает описанными свойствами, не обязательна; (3) в случае невыполнения этим индивидным объектом условия, налагаемого ОД, истинное утверждение о нем все равно может быть произнесено.

Выводы Доннелана: (1) отсутствие индивида, имеющего описываемые в дескрипции свойства, вопреки утверждениям Рассела и Стросона, вовсе не обязательно влияет истинность всего произнесенного предложения; (2) при анализе семантики определенных дескрипций важно учитывать контекст их использования.

1.2. К.Доннелан о семантике имен собственных

Приложение своей концепции к семантике имен собственных (см. «Proper Names and Identifying Descriptions») Доннелан начинает с критики их понимания как сокращений для определенных дескрипций, идентифицирующих некоторый объект. Его пример с очками и перевернутым спектром призван показать, что человек, использующий имя может ассоциировать с ним ОД, которая не идентифицирует соответствующий денотат. Поэтому нам необходимо при установлении денотата исходить из того, что, с его точки зрения, выполняло бы условие соответствующих ОД (см. р. 370), но что при этом не обязательно выполняло их на деле.

Остальные аргументы Доннелана против дескриптивной теории имен уже ближе к тому, что говорил Крипке, на которого он предлагает соответствующие ссылки. Поэтому для презентации этих аргументов мы обратимся к аргументам самого Крипке.

2. Два других аргумента Крипке против дескриптивизма

В дополнение к контрфактическому (модальному) аргументу Крипке в «Именовании и необходимости» формулирует так называемый семантический и эпистемологический аргументы, каждый из которых представляет отдельный мысленный эксперимент, призванный продемонстрировать несостоятельность дескриптивного подхода.

2.1 Семантический аргумент

Семантический аргумент связан с различием, которое проводит Крипке между понятиями аналитичности/синтетичности, априорности/апостериорности и необходимости/случайности. Не все истины, считавшиеся аналитическими, являются, согласно Крипке, необходимыми.

Так, например, Витгенштейн (см. «Философские исследования» §50) пишет: «*Об одном предмете, а именно об эталоне метра в Париже, нельзя сказать ни того, что его длина 1 метр, ни того, что его длина не 1 метр. Но этим мы, разумеется, не приписали ему какого-то диковинного свойства, а только признали его специфическую роль в игре измерения в метрах*». Если данную позицию понимать с той точки зрения, что эталону метра нельзя осмысленно приписать свойство быть длиной в метр потому, что он и есть метр, то тогда, согласно этой позиции, выражения «длина эталона» и «1 метр» оказываются полностью взаимозаменяемыми, а их отождествление – бессодержательным (аналитическим) утверждением.

Крипке, критикуя данный подход, предлагает при анализе семантики тех или иных выражений отличать фиксацию их референции от формулировки их значения (смысла). А если так, то содержание (значение) выражения «1 метр» оказывается в некотором смысле «оторванным» от длины непосредственного металлического бруска, являющегося в соответствующих условиях его референцией. Этот брусок при других условиях (например, будучи нагретым) обладал бы другой длиной. Таким образом, «Длина эталона метра [т.е. длина этого самого бруска] равна одному метру», согласно Крипке, оказывается истинной случайной.

Приведенная иллюстрация представляет пример того, как приписывание объекту, обозначаемому именем собственным, посредством дескрипций тех или иных свойств не означает, что значение имен собственных полностью детерминировано теми дескрипциями, которые идентифицируют (в соответствующем мире) этот объект.

Данный аргумент во многом воспроизводит рассмотренный на прошлой лекции контрфактический аргумент Крипке против дескриптивизма. Однако его примечательность заключается в том, что в нем наглядно вводится понятие необходимого апостериори (и, соответственно, случайного априори), являющееся одним из ключевых для возрожденной миллевской теории референции. То, что имена собственные «Геспер» и «Фосфор», будучи жесткими десигнаторами, обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах, делает, согласно Крипке, истину «Геспер = Фосфор» необходимой, хотя и апостериорной. Иными словами, эти два термина оказываются взаимозаменяемыми в модальных контекстах.

2.2. Эпистемологический аргумент

Эпистемологический аргумент Крипке против дескриптивизма также связан с мысленным экспериментом.

Представим, что имя «Гёдель» мы ассоциируем с дескрипцией «человек, доказавший теорему о неполноте арифметики». С точки зрения фреге-русселловской дескриптивной теории, «Гёдель» должно быть сокращением для этой дескрипции. Однако представим далее, что на самом деле данная теорема много лет назад была доказана неким Шмиттом, чей труп впоследствии был обнаружен и который, по всей видимости, погиб при загадочных обстоятельствах. Гёдель, получив доступ к архиву Шмитта, опубликовал его результат, и, в результате, мы все знаем Гёделя как автора этой теоремы. Но если с именем «Гёдель» связывается дескрипция «человек, доказавший теорему о неполноте арифметики», то значит ли это, что используя «Гёдель», мы на самом деле говорим о Шмитте? Крипке утверждает, что нет. И, если он прав, то это еще один довод о том, почему имена собственные не являются сокращенными определенными дескрипциями.

2.3. Термины естественных видов и контексты пропозициональных установок у Крипке

Теория имен Крипке, таким образом, представила их в совершенно ином свете, продемонстрировав неотъемлемость миллевского подхода для удовлетворительного анализа семантики естественного языка. Жесткими десигнаторами, наряду с именами собственными, согласно Крипке, являлись еще и некоторые общие термины, конкретно: термины естественных видов. Такие, например, термины как «тигр», по Крипке, жестко обозначают всех отдельных индивидов соответствующего класса животных, независимо от того, обладают они свойствами, связываемыми обычно с их классом и выражаемые соответствующими дескрипциями, или нет. Так: тигр может оказаться не полосатым, бесшерстным или на трех ногах, но при этом он все равно не перестанет быть тигром.

Теория имен Крипке, став центральной концепцией нового миллианства, в ряде важных вопросов все еще оставалась фреге-расселовской, что осознавал и принимал сам Крипке. Так, выдвинув аргументы о взаимозаменяемости имен собственных в модальных контекстах, Крипке, тем не менее, продолжал считать, что они не взаимозаменяемы в контекстах пропозициональных установок. Согласно его позиции, то обстоятельство, что имя собственное в разных мирах обозначает одного и того же индивида не означает, что можно пренебречь теми дескрипциями, которые ассоциируются с индивидом в каждом из возможных миров. Именно они, согласно Крипке, становятся той причиной, по которой взаимозаменяемость кореференциальных имен собственных в контекстах пропозициональных установок оказывается невозможной.

3. Н.Сэлмон и прямая референция имен собственных

Имена как жесткие десигнаторы у Крипке, еще не значили, что в их семантику вообще не входят дескрипции, как это было у Милля. Аргументы относительно понимания имен собственных как простых меток (ярлыков) объектов с последующей возможностью их подстановки в контекстах пропозициональных установок сформулировал Н.Сэлмон (см. монографию «Frege's Puzzle» и статьи по релевантным вопросам).

В статье «Как стать наследником Милля» он анализирует предложение

Джон считает, что Венера является звездой

и указывает, что если мы рассматриваем его в прочтении *de re*, то в нем речь идет о веровании Джона относительно конкретного объекта, независимо от того, как тот называется. А если так, то утверждать, что, скажем, Джон считает Геспер звездой, но не считает Фосфор звездой, будет значить приписывание Джону противоречащих друг другу убеждений.

Данный аргумент представляет возврат миллианской семантики имен собственных в полном виде.

4. Основные итоги обзора двух традиций

За прошедшие три лекции мы в историко-обзорном формате рассмотрели концепции в рамках фреге-расселовской семантики единичных терминов, и в рамках миллианской семантики. Исследовавшиеся в рамках этих традиций проблемные ситуации следует перечислить вместе еще раз, чтобы более точно задать ту проблемную область, с которой мы имеем дело и которая будет подробнее исследоваться в дальнейших лекциях.

Итак, основным пунктом расхождения между двумя традициями является экспликация семантики имен собственных, которые считаются сокращенными дескрипциями в традиции

Фреге-Рассела, и ярлыками объектов или, как минимум, жесткими десигнаторами в традиции Милля.

Теми проблемами, которые должны анализироваться в рамках корректной семантической теории для единичных терминов, являются следующие:

1. Природа информативных тождеств.
2. Взаимозаменяемость выражений в модальных контекстах.
3. Взаимозаменяемость выражений в контекстах пропозициональных установок.
4. Пустые термины и семантика единичных терминов в отрицательных экзистенциальных предложениях.
5. Семантика единичных терминов в контекстах контрфактических условных предложений.
6. Референциальное использование определенных дескрипций и эпистемологический аргумент Крипке против дескриптивной теории имен.

Литература:

- 1) **Donnellan K. Proper Names and Identifying Descriptions** // Davidson and Harman (eds.) *Semantics of Natural Language*. Dordrecht, 1972. Pp. 356-379. (Статья посвященная анализу семантики имен собственных и совмещающая аргументацию Доннелана относительно двух способов употребления определенных дескрипций и аргументацию Крипке против дескриптивной теории имен.)
- 2) **Donnellan K. Reference and Definite Descriptions** // *The Philosophical Review*, Vol. 75, No. 3, 1966. Pp. 281-304. (Статья, презентующая концепцию Доннелана об атрибутивном и референциальном употреблении определенных дескрипций.)
- 3) **Gamut L.T.F.** *Logic, Language and Meaning. Intentional Logic and Logical Grammar*. Vol. II. *Intentional Predicate Logic*. Chicago, 1991. Pp. 45-53.
- 4) **Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, 1980 (1972)**. (Одна из наиболее влиятельных работ по философии языка XX века. В легкой для восприятия форме лекций (хоть и не очень последовательно упорядоченно) представляет обсуждение весьма сложных вопросов семантики имен собственных. Обязательна к прочтению.)
- 5) **Marcus, Ruth Barcan.** *Modalities and Intensional Languages* // *Synthese*. 1961. 13. P. 303-322.
- 6) **Russell B. Mr. Strawson on Referring** // *Mind*. 1957. Vol. 66, No. 263. Pp. 385-389. (Короткий и очень яркий, как стилистически, так и содержательно ответ Рассела на критику Стросона.)
- 7) **Salmon N. Frege's Puzzle**. Cambridge, 1986. (Монография, представляющая обстоятельную аргументацию относительно возможности подстановки имен собственных в контекстах пропозициональных установок и исследующая целый ряд сопутствующих вопросов.)
- 8) **Salmon N. How to Become a Millian Heir** // *Nous*. 1989. Vol. 23. No. 2. Pp. 211-220. (Статья, содержащая краткую аргументацию в пользу миллианского понимания семантики имен собственных даже применительно к анализу контекстов пропозициональных установок.)
- 9) **Searle, John.** *Proper Names* // *Mind*, Vol. 67, No. 266, 1958. Pp. 166-173.
- 10) **Strawson P. On Referring** // *Mind*. 1950. Vol. 59. No. 235. Pp. 320-344. (Ставшая классической критика теории определенных дескрипций Б.Рассела с позиции философии обыденного языка и значения как употребления. Содержит аргументацию о том, что референцию осуществляет не термин, а индивид, и высказывания, содержащие пустые термины, являются не ложными, а не обладающими определенным истинностным значением.)

Екатерина Вострикова

Критика теории прямой референции с точки зрения лингвистики

Введение в проблематику

Согласно распространенной в современной философии языка точке зрения, в языке существуют выражения, которые указывают на объекты внешнего мира напрямую, без опосредования каким-либо дескриптивным содержанием. Эта теория называется теорией прямой референции, ее сторонниками являются С. Крипке, Д. Каплан, Х. Патнэм, Н. Сэлмон и др.. В отечественной философии эта концепция отстаивалась в работах П. Куслия [Куслий, 2010, 2011].

В рамках этой теории, значением собственного имени (такого выражения, как «Катя», «Петр») и местоимения («он», «она», «я») является объект, на который это имя указывает.

В данной статье я рассмотрю возможный контраргумент к данной теории с точки зрения современной лингвистики. Этот контрпример представлен предложениями (1) и (2).

(1) Маша₁ пришла, потому что она₁ так захотела.

(2) * Она₁ пришла, потому что Маша₁ так захотела.

(Здесь и далее звездочкой отмечены грамматически некорректные предложения.)

Одинаковые индексы у имени и местоимения означают, что их следует интерпретировать как указывающие на одного и того же индивида. Предложение (2) не может быть понято так, что «она» и «Маша» указывают на одного и того же человека, однако предложение (1) является вполне естественным предложением русского языка. Согласно теории прямой референции, значение слов «Маша» и «она» является совершенно идентичным. Таким образом, теория предсказывает, что перестановка этих выражений местами, как мы это сделали в (2), не должна оказывать никакого влияния на значение предложения. Тем не менее, мы видим, что такая перестановка невозможна с сохранением изначального смысла предложения.

Сторонник теории прямой референции мог бы ответить, что в действительности, значение «она» и «Маша» одинаково, однако, существует прагматическое ограничение на употребление местоимения: оно не может предшествовать имени или дескрипции, если они указывают на один и тот же объект. Такие местоимения, как «она» и «он» предполагают, что индивид, на который они указывают, известен, дан, и поэтому кажется странным использовать местоимение раньше, чем имя собственное.

Однако, несложно показать, что, в действительности, местоимение может предшествовать имени, как это видно из (3).

(3) Мужчина, которого она₁ ненавидит, снова пришел к Маше₁ в офис.

В (3) «она» предшествует «Маше», однако предложение является грамматически корректным. Это демонстрирует, что причина, по которой (2) является грамматически некорректным, не состоит в том, что «она» просто предшествует «Маша».

Таким образом, перед нами стоит две задачи: во-первых, выявить то свойство, которое отличает грамматически корректное предложение (3) от грамматически некорректного предложения (2); во-вторых, попытаться предложить объяснение для этого свойства.

Дальнейшее изложение в данной статье будет организовано следующим образом: сначала я опишу это свойство, известное в литературе под названием командование составляющих; затем я рассмотрю две концепции, объясняющие, почему именно это условие делает (2) грамматически некорректным, и предложу критику данных концепций. В заключение я попытаюсь продемонстрировать, что теория, согласно которой собственные имена и местоимения являются определенными дескрипциями, может объяснить различие между (1) и (2). Поскольку философская концепция прямой референции не способна, как мы видели, объяснить различие между (2) и (1), а дескриптивная теория, как я здесь покажу, способна, можно заключить, что выбор второй теории является более предпочтительным.

Роль командования составляющих (с-командования)

Итак, мы установили, что обсуждаемое ограничение не связано с линейным порядком слов в предложении. «Она» может стоять в предложении после «Маши».

Ноам Хомский в работе «Управление и связывание» выдвинул предположение о том, что различие между (2) и (3) состоит в том, что в (2) «она» состоит в отношении с-командования (командования составляющими) к «Маша», а в (3) нет. С-командование – является одним из ключевых понятий, как в синтаксисе, как и в семантике.

Синтаксическая структура (2) и (3) дана в (2а) и (3а).

(4) [Ни один человек]₁ не хочет, чтобы его₁ дочка стала кухаркой.

В (4) «его» не указывает на какого-то конкретного человека, поскольку в этом предложении речь не идет о ком-то определенном. Выражения «ни один человек» и «его» отмечены одним индексом, чтобы обозначить тот факт, что «его» зависит от «ни один человек», его значение варьируется в зависимости от «ни один человек». В этом случае говорят о том, что «его» имеет связанное прочтение.

В (4) «ни один человек» с-командует «его». Пример (5) демонстрирует, что с-командование является необходимым¹⁰⁰ условием для семантического связывания.

(5)* Мальчик, которого ненавидит [каждая девочка]₁, пришел к ней₁ на работу.

Предложение (5) не может быть понято в том смысле, что на работу к каждой девочке пришел мальчик, которого она ненавидит. «Она» в (5) не может получить связанного прочтения, потому что «каждая девочка» не находится в позиции с-командования по отношению к «ней».

Итак, здесь мы увидели, что понятие с-командования релевантно для того ограничения, которое является центральной темой данной статьи, а также для семантического связывания местоимений. Одна из влиятельных в лингвистике теорий, которую я здесь рассмотрю, состоит в том, что оба феномена имеют одну природу.

Семантическое и синтаксическое связывание

В лингвистике проводится различие между семантическим и синтаксическим связыванием (Reinhart 1983).

Синтаксическое связывание определяется следующим образом:

α связывает β , если α с-командует β и ко-индексировано с β .

Ко-индексация, как мы видели выше, может означать, либо что два термина указывают на один и тот же объект, либо что один термин зависит от другого, как мы видели в случае (4) с «ни один мальчик» и «его».

100

Сейчас, используя это определение мы можем переформулировать наше ограничение в терминах современной лингвистики. Наше прежнее определение гласило: **местоимение не может с-командовать именем, если они указывают на один и тот же объект.**

Новое определение дано в (5):

(5) Принцип С: референциальное выражение не должно быть синтаксически связано, т.е. должно быть свободно.

Под референциальными выражениями имеются в виду собственные имена и определенные дескрипции.

Нетрудно показать, что наше ограничение сохраняется и для определенных дескрипций:

(6)* Она₁ не пришла, потому что [секретарь нашего офиса]₁ заболела.

«Секретарь нашего офиса» является определенной дескрипцией, это выражение указывает на одного конкретного человека. Мы видим, что (6) нельзя понять в том смысле, что «она» и «секретарь» указывают на одного и того же человека.

Условие (5) в лингвистической литературе называется Принципом С теории связывания¹⁰¹. Это название берет начало в работе Н. Хомского «Лекции по управлению и связыванию» [Chomsky, 1981/1993].

Интересный факт относительно данного принципа состоит в том, что он соблюдается в подавляющем большинстве естественных языков. Однако существуют исключения из этого принципа, которые также носят кросслингвистический характер. Итак, основной вопрос данной статьи состоит в следующем: почему именно этот принцип существует в естественных языках? Почему именно с-командование релевантно для этого принципа?

Второй вопрос состоит в том, какие существуют исключения из этого принципа и какое из объяснений этого принципа способно наилучшим образом объяснить эти исключения.

Для того, чтобы обсудить все данные вопросы нам понадобится также понятие семантического связывания. Выше мы уже видели пример семантического связывания в (4). В рамках данной статьи я лишь дам необходимый формализм, более подробно с феноменом семантического связывания можно ознакомиться в работе (Heim&Kratzer, 1998).

Семантическое связывание формально определяется следующим образом:

(7) α семантически связывает β , если α является сестрой λ -предиката, оператор которого связывает β .

¹⁰¹ Название происходит от третьей буквы английского алфавита, существуют также Принципы А и В теории связывания, которые мы здесь не обсуждаем. С теорией связывания можно ознакомиться в книге Я.Г. Тестельца [Тестельц, 2001]

(8) [Каждый студент]₁ думает, что он₁ умен.

(8a) Каждый студент [$\lambda x_1. x_1$ думает, что x_1 умен].

В частности, в примере (8) «он» связано выражением «каждый студент», а «он» интерпретируется как переменная.

Разницу между семантическим и синтаксическим связыванием можно увидеть на таком примере, как (2).

(2) * Она₁ пришла, потому что Маша₁ так захотела.

В (2) «Маша» синтаксически связано «она», потому что «она» с-командует «Маша» и выражения ко-индексированы.

Но семантическое связывание невозможно в этом случае. «Маша» не является переменной и не может интерпретироваться как переменная. Поэтому «Маша» не может быть связано лямбда оператором. Принцип С не может быть сформулирован как запрет семантического связывания, поскольку семантическое связывание невозможно в (2) в любом случае. Наш Принцип С формулируется именно как запрет на синтаксическое связывание собственных имен и определенных дескрипций.

Таким образом наша задача состоит в том, чтобы объяснить, почему «она» не может указывать на того же самого индивида, что и «Маша». Синтаксическое связывание одной именной группы (DP) другой именной группой может обозначать либо то, что одна из них семантически связывает другую, либо то, что они указывают на один и тот же объект. Однако, семантическое связывание возможно только при синтаксическом связывании.

Нам нужно объяснить, почему в (2) невозможна ко-референция, которую мы можем определить следующим образом:

(9) α и β , ко-референтны (указывают на один и тот же объект), если ни одно из них не связывает другое семантически и им приписывается одно и то же значение.

Исключения из Принципа С

Существует и ряд известных исключений из данного принципа. Самое явное из них – это утверждение тождества. Для тех, кто в недостаточной мере знаком с современным синтаксисом, может быть полезным сообщение о том, что субъект обычно с-командует всеми остальными частями предложения.

(12)

Он₁ – Александр Григорьев₁ (этот пример встречается в [Grodzinsky and Reinhart, 1993]).

Другой пример также из работ Райнхарт приведен в (13).

(13) Только он₁ сам до х пор считает, что Саша₁ гений . [Reinhart, 1997]

Ряд примеров был сформулирован в работе Ф. Шленкера.

(14) [Лингвист, работающий над теорией связывания]₁ быть настолько лишен моральных качеств, что он₁ заставил физика, работающего над частицами нанять девушку лингвиста₁ на работу. [Schlenker, 2004]

В (14) «он» является субъектом подчиненного предложения, а следовательно с-командует всеми остальными частями этого предложения, в том числе и «лингвиста». Оба выражения коиндексированы, следовательно «он» синтаксически связывает «лингвиста». Таким образом, согласно Принципу С, (14) должно быть грамматически некорректным, однако это не соответствует действительности

(15) Он₁ настолько беспечен, что однажды кто-нибудь убьёт [этого идиота]₁. (Schlenker 2004)

В данной статье я рассмотрю теорию Райнхарт и теорию Шленкера, в которой они объясняют обнаруженные ими контрпримеры. Затем я рассмотрю новые контрпримеры (16)-(17) и покажу, то ни одна из этих теорий не может предложить объяснения для этих случаев.

(16) [Ни один человек]₁ не может быть убит, даже если [этот человек]₁ сам является убийцей.

(17) Маша подарила [каждому ребенкуВани]₁ что-то, что у [этого ребенка]₁ уже было. (этот пример из (Elbourne 2005), но он не обсуждается в отношении к Принципу С).

Во всех этих примерах определенная дескрипция или собственное имя ко-индексируются с местоимением в с-командующей позиции, следовательно, все они нарушают Принцип С. Наша задача состоит в том, чтобы переформулировать данный принцип таким образом, чтобы он объяснял такие случаи как (2), когда ко-референция между местоимением и дескрипцией является невозможной, но также верно предсказывал, что (12)-(17) являются грамматически корректными.

Первая теория, которую я рассмотрю, была сформулирована в работах Райнхарт, в соответствии с ней ограничение, налагаемое Принципом С, возникает из-за соревнования между семантическим связыванием и ко-референцией, в котором связывание всегда должно побеждать. Далее я рассмотрю теорию минимального ограничения Ф. Шленкера.

Конкуренция между связыванием и ко-референцией

Райнхарт формулирует свою альтернативу Принципу С в терминах соревнования между семантическим связыванием и ко-референцией. Она формулирует его в виде следующего правила:

(18)

α и β не могут быть ко-референтными, если соблюдаются условия (а), (б) и (в)

(а) α с-командует β (т.е. находится в конфигурации, допускающей возможность семантического связывания)

(б) α не может семантически связывать β (β не может интерпретироваться как переменная, например, β является именем собственным).

(в) если бы α могло семантически связывать β , то не было бы различия в значении между связыванием и ко-референцией между α и β (Reinhart, 1997).

Суть этой концепции состоит в том, что связывание является более экономным способом выражения зависимости одного выражения от другого и если структура допускает возможность связывания (то есть одна именная группа с-командует другой), то говорящий должен выбрать именно связывание. Говорящий должен стремиться избавиться от свободных переменных, если есть такая возможность, поскольку наличие свободных переменных требует того, чтобы им было приписано какое-то значение, и существует большая вероятность того, что какие-то случайные факторы могут вмешаться и воспрепятствовать правильному пониманию слушающим того, что было сказано. Если две именные группы находятся в отношении с-командования, то использование ко-референции допускается только с какой-нибудь специальной целью. Например, если будет различие в значении между структурой, где используется связывание, и структурой, где используется ко-референция.

Правило (а) верно предсказывает, что предложение (3) является грамматически корректным.

(3) Мужчина, которого она₁ ненавидит, снова пришел к Маше₁ в офис.

В (3) «она» не с-командует «Маша», и здесь связывание исключено. Поэтому отсутствует и возможность конкуренции между ко-референцией и связыванием.

Условие (в) правила, сформулированного Райнхарт, требуется для того, чтобы объяснить, как возможны некоторые контрпримеры к Принципу С, а именно такие примеры, как (12) и (13). Чтобы применить это условие, нам нужно заменить референциальное выражение на переменную, связать ее и посмотреть, будет ли прочтение, полученное таким образом, идентично по значению оригинальному предложению. Мы видим результат этих действий в (12а) и (13б).

(12) Он₁ – Александр Григорьев₁

(12а) Он [$\lambda x_1. x_1$ is x_1]

(13) Только он₁ сам до сих пор считает, что Саша₁ гений .

(13а) Только он [$\lambda x_1. x_1$ до сих пор считает x_1 гений]

В (12а) «ему» приписывается свойство быть самотождественным, но это не то значение, которое имеет предложение (12). В (13а) говорится, что люди, которые не являются Сашей, т.е. все остальные люди, не считают самих себя гениями, однако, это не то, что означает (13). (13) говорит, что все остальные люди имеют более скромное мнение об интеллектуальных способностях Саши. Таким образом, постольку условие (в) правила Райнхарт не соблюдено, то ее теория верно предсказывает, что предложения являются грамматически корректными.

Следовательно, теория Райнхарт успешно объясняет некоторые контрпримеры к Принципу С, однако существуют другие примеры, которые эта теория не объясняет. Ф. Шленкер показывает, что данная теория неверно предсказывает, что (14) и (15) являются грамматически некорректными.

(14) [Лингвист, работающий над теорией связывания]₁ быть настолько лишен моральных качеств, что он₁ заставил физика, работающего над частицами нанять девушку лингвиста₁ на работу.

(15) Ваня₁/Он₁ настолько беспечен, что однажды кто-нибудь убьет [этого идиота]₁.

В следующем разделе я рассмотрю теорию Шленкера, которая предлагает объяснение для этих проблемных случаев.

Минимизация ограничителей

Шленкер предлагает вывести Принцип С из более общего прагматического принципа, который он называет «Минимизируй ограничители!».

Мы можем рассмотреть популярную в современной лингвистике идею о том, что местоимения, имена собственным и определенные дескрипции устроены одинаково с точки зрения синтаксиса и семантики. В рамках данного подхода местоимения рассматриваются как определенные артикли (определители), после которых следует существительное, которое не произносится, а собственные имена являются определенными дескрипциями с произносимыми артиклями. Поскольку в русском языке отсутствуют артикли, я поясню это на примере другого определителя, который выполняет сходную с артиклем функцию, а именно демонстратив «это». В русском языке мы можем сказать как (16), так и (17).

(16) Это интересно.

(17) Это событие интересно.

Можно сказать, что «это» в (16) и (17) устроены одинаково с точки зрения семантики и синтаксиса, однако существительное в (16) не произносится. Один из аргументов в пользу такого подхода состоит в том, что в огромном количестве не связанных между собой языков такие выражения, как «это» (указательные местоимения), могут употребляться как в конструкциях типа (16), так и конструкциях типа (17).

Сходным образом, в некоторых языках форма определенных артиклей и форма личных местоимений совпадает, что позволяет нам предложить, что возможно личные местоимения и являются артиклями по своей сути, а существительное (именная группа) не произносится. Также в некоторых языках собственные имена употребляются с артиклями, что позволяет предположить, что собственные имена имеют такую же форму, что и определенные дескрипции. Таким образом, логическая форма определённой дескрипции, имени собственного и местоимения дана в (18)-(20).

(18) [_{DP} ∅ [_{NP} умная девочка]], в английском [_{DP} the [_{NP} smart girl]]

(19) [_{DP} она [_{NP} ∅]] □

(20) [_{DP} ∅ [_{NP} Маша]]

(где ∅ означает произносимый элемент)

Существительное (именная группа), которое следует за определителем, называется ограничителем. Она ограничивает те элементы, по отношению к которым может употребляться выражение целиком. Например, «эта девочка» может применяться только к девочкам. В этой системе «это» имеет меньший ограничитель, чем «это событие», потому что «это» может применяться не только к событиям, но и к объектам иного рода. В этом же смысле «она» имеет меньший ограничитель, чем «девочка» или «Маша», поскольку «девочка» может применяться только к девочкам, а «Маша» только к индивидам, которых зовут Маша.

Правило, предложенное Шленкером, дано в (21):

(21) Минимизируй ограничители!

Определенная дескрипция вида «the A B» является неуместной, а A излишним, если

(1) «the B» является грамматически корректным и имеет тот же денотат, что и «the A B»

(2) A не служит никакой другой цели (Schlenker, 2004)

Идея состоит в том, что в языке есть некий принцип экономии, который говорит, что не следует произносить излишнее количество информации и следует добавить только те существительные или другие предикаты, которые требуются для понимания, на кого указывает объект.

Сам по себе этот принцип ничего не сообщает нам о роли с-командования и может применяться к предложениям, которые содержат только одну именную группу.

(22) *Лысый отец Вани приехал.

Если у Вани только один отец, то (22) будет неуместным (Шленкер отмечает его как грамматически неприемлемое), потому что «лысый» увеличивает размер ограничителя без какой-либо на то причины. Использование предиката «лысый» будет уместным, если мы хотим подчеркнуть по какой-то причине, что отец Вани лыс. Но в таком случае у нас будет причина использовать этот предикат, и принцип «Минимизируй ограничители!» не будет применяться.

Эффект Принципа С возникает, если мы добавим к этому принципу систему оценки значения предложения, разработанную Шленкером. Идея состоит в том, что мы используем последовательный ряд оценок и храним информацию о том, кто является говорящим и слушающим, какие объекты являются данными и наиболее явными или релевантными для этого дискурса. Также эта система хранит информацию о том, какие объекты обозначались вышестоящими с-командующими именными группами. Система устроена таким образом, что две именные группы сопоставляются в рамках одного предложения, только если одно с-командует другим. Благодаря этому система предсказывает, что такие предложения, как (23) являются грамматически корректными.

(23) Петины₁ друзья любят Петю₁.

«Петины» не с-командует «Петю», поэтому, несмотря на то, что «его» -- это более короткий способ указать на Петю и Петя был уже упомянут ранее в разговоре, система, разработанная Шленкером, не сравнивает «Петиных» и «Петю», когда оценивает (23), и «минимизируй ограничители!» не применяется в этом случае.

Посмотрим, как эта теория предсказывает, что предложения (14) и (15) (вновь приведенные здесь) являются грамматически корректными. В предложении (14) употребление «лингвиста» является приемлемым, несмотря на то, что «он» с-командует данным выражением, потому что существительное помогает избежать двусмысленности, поскольку речь в данном предложении идет о двух индивидах – лингвисте и физике. В (15) употребление «идиот» допустимо, хотя оно указывает на того же индивида, что и с-командующее выражение «Ваня» (или «он»), потому что оно выражает отношение говорящего к Ване.

(14) [Лингвист, работающий над теорией связывания]₁ быть настолько лишен моральных качеств, что он₁ заставил физика, работающего над частицами нанять девушку лингвиста₁ на работу.

(15) Ваня₁/Он₁ настолько беспечен, что однажды кто-нибудь убьёт [этого идиота]₁.

Принцип минимизации ограничения, сформулированный Шленкером, на мой взгляд, в действительности существует в языке. Однако, я полагаю, что этого принципа недостаточно для того, чтобы объяснить эффект Принципа С.

Во-первых, эффект Принципа С значительно слабее выражен, когда собственное имя или определенная дескрипция (а не местоимение) с-командует референциальным выражением:

(24) Люк₁ думает, что все люди такие же честные, как сам Люк₁. (Kroch and Santorini 2007)

(25) *Он₁ думает, что все люди такие же честные, как сам Люк₁.

В предложении (24) имя собственное «Люк» синтаксически связано опять же именем собственным «Люк». Однако, предложение является вполне приемлемым. Проблематичным является предложение (25), где именно местоимение с-командует собственным именем, указывающим на тот же самый объект.

Другой пример дан в (26) и (27). Оба предложения являются несколько стилистически некорректными, однако никакого контраста не наблюдается между (26) и (27).

(26) Сол₁ будет работать, если Сол₁ может работать.

(27) Если Сол₁ может работать, то Сол₁ будет работать.

Только в предложении (26) присутствует отношение с-командования между «Сол» и «Сол» (о синтаксическом различии между условным предложением, стоящим в начале предложения, и условным продолжением, стоящим в конце предложения, смотри [Bhatt&Pancheva, 2006]).

Я полагаю, что принцип минимизации ограничителей действительно существует в языке, но он не связан с отношением с-командования. Если мы рассмотрим такие примеры, как (28) и (29) мы увидим, что в нашем языке существует некое ограничение, запрещающее использовать две дескрипции указывающие на один и тот же объект, но имеющие разные ограничители в рамках одного предложения, даже если между ними нет отношения с-командования.

(28) *Если Сол₁ может работать, Крипке₁ будет работать.

(29) *Человек, которого [секретарь вашего офиса]₁ ненавидит, опять пришел к [моей жене]₁.

Критика существующих концепций

Мы уже видели несколько аргументов против существующих концепций, однако, основным аргумент будет сформулирован в данном разделе. Здесь я рассмотрю такие предложения, как (16) и (17) и продемонстрирую, почему они являются проблематичными для обеих рассмотренных нами теорий. В данных продолжениях выражения «этот человек» или «этот ребенок» являются семантически связанными. Они не указывают на один конкретный объект, а зависят от вышестоящего оператора-квантора.

(16) [Ни один человек]₁ не может быть убит, даже если [этот человек]₁ сам является убийцей.

(17) Маша подарила [каждому ребенку Вани]₁ что-то, что у [этого ребенка]₁ уже было.

Эти примеры являются проблематичными для подхода Шленкера. Он не применяет свой оценивающий механизм по отношению к кванторам, однако, его подход может быть расширен, чтобы применяться и к таким случаям. Для простоты рассмотрим пример (30) и будем считать, что «учитель, который дал вам все» в (30) является референциальным выражением.

(30) [Учитель, который дал Вам все,]₁ заслуживает уважения, даже если [этот учитель]₁ совершил ошибку.

Согласно принципу минимизации ограничителей возникает соревнование между (30) и (31). Если мы руководствуемся данным принципом, то мы должны предпочесть (31), потому что «он» содержит меньший ограничитель, чем «этот учитель» и употребление большего ограничителя не служит никакой цели.

(31) [Учитель, который дал Вам все,]₁ заслуживает уважения, даже если он₁ совершил ошибку.

Данные примеры могут представлять сложность и для теории Райнхарт. Одна из теорий, объясняющих, каким образом такие выражения, как «этот человек» могут быть семантически связанными, состоит в том, что они содержат свободную переменную, которая может быть связана вышестоящим квантором [von Stechow, 1994; Elbourne, 2005; см. также Вострикова, 2013]. Логическая форма предложения (17) дана в (17a).

(17a) [Каждый ребенок Вани] λx_1 [Маша дала x_1 что-то, что у [этого Rx_1 ребенка Вани] уже было.

Согласно этой теории, каждый определитель сопровождается семантической переменной типа $\langle e, t \rangle$ (предикат) (R), аргументное место которой занято индивидуальной переменной типа e (x_1), которая доступна для связывания.

Рассмотрим, что предсказывает теория Райнхарт для предложения (17). «Каждый ребенок Вани» c-командует «этот ребенок Вани», следовательно условие (a) удовлетворено. «Каждый ребенок Вани» может семантически связывать «этот ребенок Вани» и в действительности связывает его, поскольку «этот ребенок Вани» не указывает на одного конкретного ребенка. Таким образом, условие (б) не соблюдается и Райнхарт верно предсказывает, что предложение (17) является грамматически корректным. Однако, я все равно полагаю, что такие предложения, как (17) могут быть проблематичными для данной теории. Если объяснение для возможности связанного прочтения таких выражений, как «этот ребенок Вани», которое я здесь рассматриваю, является правильным, то непонятно, почему такое связывание не возможно в (32).

(32) *Маша дала ему₁ то, что у [этого ребенка Вани]₁ уже было.

Из таких примеров, как (33) мы знаем, что местоимения, такие как «он» могут связывать другие выражения.

(33) Он ненавидит себя.

(33a) Он₁[λx_1 . x_1 ненавидит x_1].

Но если «он» может связывать переменные, то тогда неясно, почему (32a) не может быть логической формой (32)?

(32a) * Ему λx_1 . [Маша дала x_1 то, что у [этого R_{x_1} ребенка Вани] уже было]

Если определенные дескрипции и демонстративы могут быть связаны семантически, как в (16) и (17), то не вполне очевидно, почему местоимение в с-командующей позиции не может связывать свободную переменную в дескрипции или демонстративе?

Теория Райнхарт состоит в том, что эффект Принципа С возникает, потому что существует конкуренция между ко-референцией и семантически связыванием, в которой всегда должно побеждать связывание. Однако, мы видим, что в таких случаях, как (32) в действительности, ко-референция – это не единственная опция. В данном случае также возможно связывание.

Тем не менее, данный аргумент против теории Райнхарт будет работать, только если именно данная теория семантического связывания определенных дескрипций верна. Если же эта теория не верна, и существуют независимые причины, по которым только квантор может связывать определенные дескрипции и демонстративы, а местоимение не может, тогда этот аргумент не относится к теории Райнхарт. Но в любом случае, мы видели, что теория Райнхарт не может объяснить контрпримеры, сформулированные Шленкером.

Местоимения как определенные дескрипции с удаленным ограничителем

Мы видим, что определенные дескрипции могут быть семантически связаны и синтаксическое связывание является необходимым условием для семантического связывания. Из этого и также основываясь на таких примерах, как (24) мы можем заключить, что Принцип С не должен формулироваться как ограничение на возможные положения определенных дескрипций и собственных имен, как это было в теории Хомского. Нам следует сказать, что именно местоимение не может с-командовать собственным именем или определенной дескрипцией, если они указывают на один и тот же объект (ранее мы говорили, что никакая именная группа (местоимение, собственное имя, определенная дескрипция) не может с-командовать собственным именем или определенной дескрипцией, если они указывают на один и тот же объект.

Я полагаю, что мы можем объяснить ограничение, налагаемое Принципом С, если мы будем рассматривать местоимения как определенные дескрипции с удаленным существительным.

Предложение с местоимением в третьем лице ничего не означает, пока нам не известно значение местоимения (34).

(34) Она умна.

«Она» в (34) может получить значение одним из следующих способов: если говорящий может указать на какого-то индивида или этот индивид каким-то образом выделен в дискурсе; если местоимение связано вышестоящим квантором (35); или если местоимение является анафоричным, т.е. указывает на индивида, который уже упоминался в дискурсе (36).

(35) [Каждая студентка нашего класса]₁ думает, что она₁ очень умна.

(36) Маша₁ – самая лучшая студента в нашем классе. Она₁ очень умна.

В (36) «она» не может быть семантически связана «Машей», потому что «она» и «Маша» находятся в разных предложениях. В чем же состоит суть отношений между «Машей» и «она», когда мы говорим, что «она» анафорически связано с «Машей», что имеется в виду? Один возможный ответ состоит в том, что «Маша» и «она» просто указывают на одного и того же индивида. Однако, существуют случаи, когда такой ответ не подходит (37).

(37) [Ни один студент моего класса]₁ не пришел на конференцию. Они₁ ничем не интересуются.

В (37) выражение «ни один студент моего класса» не является референциальным выражением, оно не указывает ни на один объект или индивид. Какова же связь между местоимением «они» второго предложения и выражением «ни один студент моего класса» первого? Мы могли бы сказать, что «они» указывает на ту группу студентов, которая была актуализирована произнесением «ни один студент моего класса». Но есть и другой более элегантный способ представления анафоры. Хорошо известно, что в языке могут удаляться повторяющиеся элементы. В качестве примера мы можем привести удаление/эллипсис глагольной группы. Удаление возможно, когда удаленный элемент может восстанавливаться из лингвистического контекста.

(38) Катя пришла, и Саша тоже (~~пришел~~).

(39) Петя прибрал Катины книги, а Сашины (~~книги~~) выбросил.

Если в действительности местоимение является определителем с удаленным существительным, как мы это видели выше, то возможно, что когда местоимение анафорически зависит от другой именной группы и между ними нет отношения семантического связывания, то удаленное существительное восстанавливается из антецедента (39).

(38) [Ни один студент моего класса]₁ не пришел на конференцию. Они₁ (~~студенты моего класса~~) ничем не интересуются¹⁰².

¹⁰² Такой или схожий механизм восстановления значения местоимения уже предлагался в философской литературе, в частности в работах Стивена Нила (Neale 1990)

Сходным образом можно представить (36) как (36a).

(36a) Маша₁ – самая лучшая студента в нашем классе. Она₁(~~Маша~~) очень умна.

Согласно такой теории, эффект Принципа С возникает в предложениях, где местоимение не может получить значение через указание на объект или через семантическое связывание и ищет лингвистический antecedent, но по какой-то причине не может найти его. В частности, местоимение не может найти antecedent, если это местоимение находится в с-командующей позиции по отношению к этому antecedentu. В таком случае Принцип С может быть представлен как конкуренция между двумя структурами (39) и (40).

(39) [Этот студент]₁ не пришел, потому что он₁ (~~студент~~) опоздал на автобус.

(40) Он₁ (~~студент~~) не пришел, потому что [этот студент]₁ опоздал на автобус.

Структура (40) проигрывает, потому что удаленное существительное не может быть восстановлено, если элемент с удаленной частью с-командует свой antecedent.

Именно такое ограничение существует в других видах эллипсиса, в частности в глагольном эллипсисе (Ross, 1967).

(41) Если я смогу__, то я буду работать.

(42) *Я буду__, если я смогу работать.

Как я уже указывала выше, условные предложения, стоящие вначале и в конце предложения отличаются по своей структуре. В (42) удаленный глагол с-командует antecedentом – глаголом «работать», что делает эллипсис невозможным, а предложение грамматически некорректным. В предложении (41) удаленный элемент не с-командует своим antecedentом, хотя и предшествует ему, и предложение является грамматически корректным.

Однако в литературе также было продемонстрировано, что Принцип С и ограничения на глагольный эллипсис не могут иметь одну и ту же природу, поскольку предложения с глагольным эллипсисом улучшаются, если antecedent дан в предыдущем предложении (43), однако этого не происходит в случае с Принципом С.

(43)

-- Ты будешь работать?

-- Я буду __, если я смогу работать.

(43) *Маша₁ трудоголик. Она₁ будет работать, если Маша₁ может работать.

Мы могли бы сказать, что местоимение всегда сначала ищет antecedent в том же самом предложении, если в нем есть возможный кандидат. В таком случае, мы бы сказали, что местоимение может c-командовать референциальном выражением, если в том же самом предложении присутствует подходящий antecedent (44). На мой взгляд, в предложении (44) не наблюдается сильного эффекта Принципа С.

(44) Маша₁ опоздала на экзамен, потому что она₁, как обычно, проспала из-за того, что Машин₁ будильник не прозвенел.

Возможно также, что в том примере, который был сформулирован Шленкером (14), эффект Принципа С не наблюдается, потому что лингвист был уже упомянут ранее в предложении.

(14) [Лингвист, работающий над теорией связывания]₁ быть настолько лишен моральных качеств, что он₁ заставил физика, работающего над частицами нанять девушку лингвиста₁ на работу.

Такой подход к значению местоимений будет предсказывать, что если местоимение может получить свое значение независимо от ко-референциального выражения, которым оно c-командует, то мы не должны ожидать эффект Принципа С. Мне кажется, что это предсказание выполняется. Рассмотрим диалог в (45), который происходит до начала класса в ситуации, где отсутствует одна студентка (Маша).

(45) Профессор – Маша придет сегодня на занятие?

Студенты – Нет, она₁ не придет, потому что Маша₁ заболела.

В данном разделе я рассмотрела идею о том, что Принцип С следует представить как ограничение на возможные употребления местоимений, как ограничение на те положения, которые местоимения могут занимать в предложении. Согласно этой гипотезе, предложения, в которых нарушается Принцип С, являются грамматически неприемлемыми, поскольку в таких конструкциях местоимение не может получить интерпретацию. Я полагаю, что это объясняется тем, что релевантное отношение между местоимением и референциальным выражением -- это не тот факт, что они указывают на один и тот же индивид, а идентичность

их ограничителей (существительных). Местоимение рассматривается как определенная дескрипция с удаленным существительным. Удаленное существительное не может быть восстановлено, если местоимение с-командует свой единственный возможный антецедент. Этот подход предсказывает, что если у нас есть альтернативный способ задать значение для местоимения (через демонстрацию, например), то местоимение может с-командовать ко-референтным референциальным выражением. Мы видели, что это предсказание сбывается.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели известный в лингвистической литературе Принцип С в применении к философской проблематике. В частности, мы исследовали значение местоимений. Я продемонстрировала, что теория прямой референции не способна объяснить существование Принципа С. Я показала, что наиболее успешно с данным аргументом может справиться теория, согласно которой местоимения представляют собой определенные дескрипции с удаленным существительным. Такая концепция берет начало из работ Г. Фреге, который считал местоимения определёнными дескрипциями, однако не говорил об удаленном существительном. В наиболее близком к представленной здесь концепции виде такая концепция значения местоимений сформулирована в работах философа С. Нила, а также она развивается в работах лингвистов, в частности П. Элбурна [Elbourne 2005].

Я показала, каким образом эффект Принципа С может быть выведен из более общих ограничений на эллипсис, известных из работ лингвистов.

Я рассмотрела две теории, которые пытаются вывести Принцип С из более общих прагматических принципов и объяснить, как возможны существующие контрпримеры. Первая концепция – концепция Райнхарт, в соответствии с которой существует прагматический принцип, который требует, чтобы мы избегали ко-референции, когда возможно связывание. Эта теория не могла объяснить тот факт, что некоторые референциальные выражения могут быть синтаксически связаны, если ограничитель этих выражений служит какой-то цели, например, помогает избавиться от двусмысленности или выразить отношение автора. Эта теория также опиралась на идею о том, что определенные дескрипции не могут иметь семантически связаны, что неверно. Второе предложение, которое я рассмотрела,—концепция Ф. Шленкера, согласно которой существует общий прагматический принцип, который говорит, что именная группа с меньшим материалом в ограничителе является более предпочтительной по сравнению с именной группой с большим материалом. Эта теория не объясняла того факта, что эффект Принципа С намного сильнее, если референциальное выражение связано местоимением, а не собственным именем или определенной дескрипцией. Существуют также случаи, когда определенная дескрипция семантически связана квантором, имеющим точно такой же материал в ограничителе и такое повторение не служит никакой цели.

Я предложила рассмотреть третью возможность, в соответствии с которой эффект Принципа С может быть объяснен тем фактом, что местоимение (которое интерпретируется как определенная дескрипция с удаленным существительным) должно найти свой лингвистический антецедент, чтобы восстановить свой удаленный ограничитель. Эта теория предсказывает, что местоимение может с-командовать ко-референциальное выражение, если существует независимый способ установить значение местоимения. В рамках данного подхода

Принцип С выводится из более общего и хорошо известного ограничения на возможности эллипсиса (удаления языкового материала). Эллипсис невозможен, когда удаленная часть s-командует собственный антецедент. Этот принцип соблюдается и для глагольного эллипсиса, и для эллипсиса существительных.

Литература:

Вострикова, Е.В.. Против теории номинального ограничения естественно-языковых кванторов // *Философия языка и формальная семантика*. Москва, 2013. С. 43-71.

Куслий П.С. Информативные тождества и проблема взаимозаменяемости. *Философия науки*. № 15, 2010. С. 243-249.

Куслий П.С. Разгадка контекстов мнения в семантике. *Язык – знание – реальность*. М., 2011. С. 184-200.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Bhatt, Rajesh and Pancheva, Roumyana. Conditionals In Martin Everaert and Henkvan Riems-dijk, editors, *The Blackwell Companion to Syntax Vol. 1*, pages 638–687. Blackwell, Malden, MA, 2006.

Chomsky, Noam. *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. Mouton de Gruyter 1981/1993.

Elbourne, Paule. *Situations and individuals*. Cambridge, MA: MIT Press. 2005

Neale, Stephen. 1990. *Descriptions*. Cambridge, MA: MIT Press.

Reinhart, Tanya. 1983. *Anaphora and Semantic Interpretation*, London: Croom Helm

Reinhart, Tanya. 1997/2000. Strategies of anaphora resolution, in Hans Bennis, M. Everaert and E. Reuland (eds) *Interface Strategies North Holland Amsterdam* (2000).

Ross, John. 1967. *Constraints on Variables in Syntax*. Doctoral Dissertation, Massachusetts Institute of Technology.

Sag, Ivan. 1976. *Deletion and Logical Form*. Doctoral Dissertation, Massachusetts Institute of Technology.

Santorini, Beatrice, and Anthony Kroch. 2007. *The syntax of natural language: An online introduction using the Trees progr* <http://www.ling.upenn.edu/~beatrice/syntax-textbook>.

Schlenker, Phillippe 2004. Minimize Restrictors! (Notes on Definite Descriptions, Condition C and Epithets)", in Bary, Huitink and Maier (eds), *Proceedings of Sinn und Bedeutung*

Johnson, Kyle. 2013. "Pronouns vs. Definite Descriptions," in *Generative Linguistics and Acquisition: Studies in Honor of Nina M. Hyman*, eds. Misha Becker, John Grinstead and Jason Rothman, John Benjamins Publishing Company, pp. 157–184.

Johnson, Kyle. 2001. "What VP Ellipsis can do, and what it can't, but not why," in *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory*, (eds.) Baltin, Mark and Chris Collins, Oxford: Blackwell Publishers, 439–479.

von Stechow, Kai. Restrictions on quantifier domain. MIT dissertation. 1994

Введение в грамматику Монтегю. Часть 1

1. Семантический анализ фрагмента естественного языка

Проект грамматики Монтегю (Ричард Монтегю (далее РМ) – американский логик и философ (1930-1971)) – это проект строгого синтаксического и семантического анализа естественного (английского) языка (далее ЕЯ). Точнее говоря, это проект анализа не столько английского языка вообще, сколько его *репрезентативного фрагмента*, т.е. некоторой части языка, выбранной таким образом, чтобы ее анализ оказался достаточно иллюстративным относительно общих принципов функционирования языка в целом, и достаточно чтобы объяснительная сила предлагаемого анализа реализовывалась на этой части языка в полной мере. Три основные работы, в которых РМ сформулировал свою программу – это «English as a Formal Language» (1970) (EFL), «Universal Grammar» (1970) (UG), «The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English» (1973) (PTQ).

Специфика такого проекта заключается в естественном происхождении объекта исследования – английского языка¹⁰³. Для самой возможности строгого семантического описания языка, как мы знаем из нашей более ранней работы с первопорядковым языком L, нам необходимо иметь словарь и синтаксис этого языка. Строгие правила семантической интерпретации невозможны без наличия лексикона и строгих правил синтаксиса, т.е. правил, по которым можно выделить правильно построенные выражения языка. В случае с нашим искусственным языком L наша задача была не такой сложной, ведь мы сами строили этот язык, держа в голове главную задачу – сделать его таким, чтобы его выражения были доступны для последовательной композиционной интерпретации. Однако ЕЯ не строятся. Они нам даны в том виде, в котором они есть. Мы не можем по своему желанию назначать правила, по которым одни выражения являются правильно построенными, а другие – нет. Правильно построенные и, следовательно, осмысленные предложения в ЕЯ – это та данность, с которой мы начинаем, и задача построения строгого синтаксиса для естественного языка – это скорее задача не изобретения, а открытия того, что, как мы предполагаем, должно быть присуще тому феномену, который мы именуем языком. Иначе говоря, задача синтаксического описания естественного языка сводится к нахождению такого формализма, который удовлетворительным образом описывал бы те синтаксические закономерности, которые обнаруживаются в естественном языке.

¹⁰³ В этой лекции мы в ряде случаев будем рассматривать примеры из русского языка тоже.

2. Идея категориальной грамматики

Для синтаксического анализа избранного им фрагмента РМ использовал одну из версий так называемой *категиориальной грамматики* польского логика К.Айдукевича, которая предполагала разделение слов на категории и установление способов сочетания выражений одних категорий с выражениями других категорий для образования новых (составных) категорий (подробнее см. Gamut (1991) и Montague (1973) в списке литературы в конце). Синтаксические категории – это обозначения для некоторых множеств выражений.

В нашем языке L у нас было три категории: формулы, предикаты и термы (последние делились на индивидные константы и индивидные переменные). Но для выражения всех категорий выражений, существующих в естественном языке, такого бедного набора, разумеется, не достаточно. Мы уже упоминали об этом, когда обсуждали расширение нашего языка L посредством введения в него λ -оператора, позволявшего образовывать составные предикатные выражения. Так, если помните, аналогом естественно-языкового выражения «Коля танцует и поет» в ЛППП было выражение « $D(k) \wedge S(k)$ » (ключ: k : Коля; $D(x)$: x танцует; $S(x)$: x поет), представляющее собой конъюнкцию двух формул. Но в ЕЯ мы имеем один сложный предикат, а не конъюнкцию из двух предложений. Такое различие не всегда безобидно (вспомните: «Один человек танцует и поет» не то же самое, что «Один человек танцует и один человек поет»). Поэтому возникает необходимость рассмотрения составного предиката, как единого элемента предложения (конституэнты), составной синтаксической категории. Соответственно, нужны способы, позволяющие рассмотреть «танцует и поет» как единый элемент, который, сочетаясь с «Коля», дает предложение.

РМ в своем анализе выражений ЕЯ использовал такие категории как предложение (S), имя существительное (CN), непереходный глагол (IV), терм (T)), которые состояли из базовых и производных категорий (так, если S , CN и IV – базовые категории, то T была представлена как составная (функциональная), которая сочетается с IV , чтобы в результате этого сочетания получилось S ; таким образом $T = S/IV$). Эти выражения соединялись друг с другом посредством правил сцепления (concatenation).

В этой лекции (и последующей работе) мы не будем использовать тот категориальный аппарат, который непосредственно использовал РМ, а воспользуемся тем, который чаще применяется в совр. исследованиях (см. список лит-ры Partee (2014)).

Базовые синтаксические правила:

Правила для составных синтаксических категорий (ветвящиеся узлы в дереве):

S → DP VP

DP → DET NP

NP → ADJP NP

NP → NP REL

VP → TVP DP

VP → is ADJP

VP → is DP

Правила для несоставных синтаксических категорий, вводящих лексические категории (т.е. виды выражений, входящих в словарь языка):

DP → ProperN

DP → Pronoun

NP → N

TVP → TV

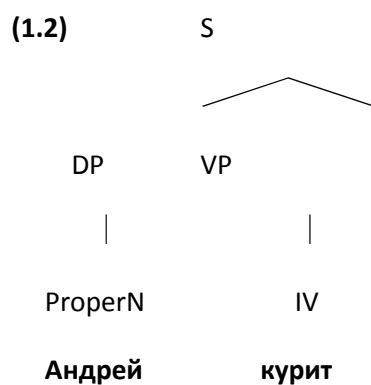
ADJP → ADJ

VP → IV

Синтаксическую структуру того или иного выражения можно представлять линейно, а можно посредством диаграммы так называемого синтаксического дерева:

(1) Андрей курит.

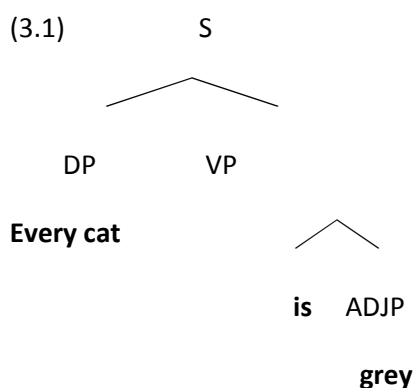
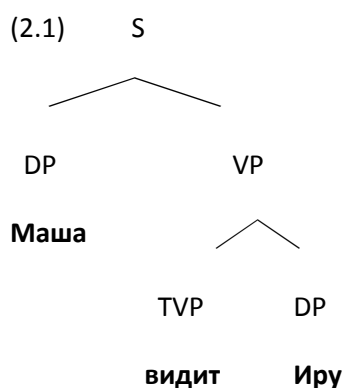
(1.1) [_S [_{DP} Андрей] [_{VP} курит]]

Обратите внимание, что в (1.1) я не отобразил лексические категории, а в (1.2) отобразил. Это я сделал для того, чтобы показать, что в рамках нашей работы (но только в них и нигде еще!) мы можем пренебречь демонстрацией структуры не ветвящихся узлов.

(2) Маша видит Иру.

(3) Every cat is grey.

* В (3) DP можно разложить далее по правилу DP → DET NP, однако здесь мы этого делать не будем, оставив обсуждение этого вопроса до следующей лекции.

Предложив, таким образом, синтаксический анализ выражений фрагмента нашего ЕЯ (здесь представляющего микс английского и русского, но для таких простых предложений это не важно), мы можем сразу обратить внимание, что в нем, в отличие от ЛППП, такие выражения как “every cat” имеют свою синтаксическую категорию, т.е. выступают в качестве самостоятельного элемента синтаксиса. Подобное отсутствовало в нашем языке L, в синтаксисе которого кванторы вводились синкатегорематически.

Предложить синтаксический анализ для ЕЯ, подобный приведенному выше, несложно. Когда РМ писал свои работы, такая задача уже считалась тривиальной, и он это прекрасно понимал. Поэтому его заслуга не в экспликации синтаксиса фрагмента ЕЯ посредством категориальной грамматики, а в том, что он показал, как предложения ЕЯ, проанализированные таким образом, могут получить композиционную интерпретацию. Нетривиальность той задачи, которую решил РМ, заключалась, во-первых, в отыскании

способа представить любое сочетание слов, представляющее синтаксическую категорию, как обладающие собственным семантическим содержанием (значением), а сами синтаксические категории (уже в отрыве от тех конкретных наборов слов, которые могут их представлять) как обладающие собственным *семантическим типом* (т.е. обобщенным свойством обладать такими-то денотатами). Во-вторых, нетривиальность значимости его системы заключается в демонстрации того, как значения таких выражений (или скорее семантические типы соответствующих синтаксических категорий) могут сочетаться друг с другом, чтобы композиционный характер значения сложных выражений был наглядно проявлен.

3. Теоретико-типовая семантика Монтегю

Как и в случае с приведенным выше категориальным анализом, мы здесь представим поверхностную, упрощенную и адаптированную версию экспозицию семантической системы РМ.

Чтобы было проще понять суть концепции РМ, установим сначала ее связь с чем-то, что нам уже знакомо. Я здесь имею в виду концепцию насыщенных и ненасыщенных выражений Г.Фреге и предложенный им функциональный анализ (см. лекцию 2). Мы говорили, что функциональные выражения (например, прилагательные или глаголы) обозначают нечто, требующее насыщения чем-то насыщенным. Мы рассматривали пример: «отец Григория»: аргумент – «Григорий»; функция – «отец ____». Предложения мы также рассматривали как насыщенные выражения (имена, обозначающие истинностные значения).

Применительно к нашему предложению (1) «Андрей курит», исходя из такого анализа, можно сказать, что «курит» - функциональное выражение, обозначающее ненасыщенную функцию, которая берет в качестве своего аргумента объект, обозначаемый термином «Андрей». В результате, у нас на уровне синтаксиса два выражения сочетаются по правилу применения функции к аргументу, чтобы получилось новое насыщенное выражение, являющееся предложением. На уровне семантики у нас сочетаются денотаты: функция берет объект в качестве своего аргумента и выдает в качестве значения истинностное значение.

Чтобы перенести данный анализ на схему (1.2) или (1.3) (диаграмма для (1.1) – без упоминания лексических категорий)

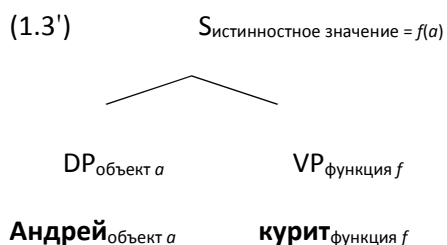
ProperN	IV
Андрей	курит

следует оговорить общие принципы, по которым узлы дерева обретают свое значение.

Если узел α не ветвящийся и доминирует над β и β обладает значением μ , то узел α имеет то же значение, что и β , т.е. μ . (Именно в силу этого тождества значения мы не указываем узлы, соответствующие лексическим категориям и предпочитаем (1.3).)

Если узел α ветвящийся (γ нас везде будет только бинарное ветвление) и β, γ – дочери узла α , то значением α будет результат сочетания значений β и γ , осуществляемого по одному из правил в зависимости от того, к какой категории относятся β и γ .

В предложении (1.3) мы, следуя методологии Фреге, рассматриваем сочетание значений DP и VP как осуществляющееся по правилу применения функции к аргументу. Проиллюстрируем сказанное:

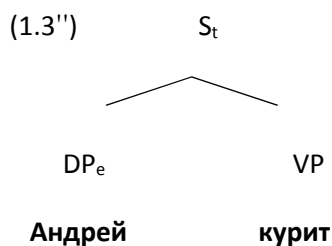

Пока все, надеюсь, выглядит простым и понятным. (1.3') наглядно отображает идею композициональности значения, и мы имеем ту нужную нам ситуацию, когда, как сказал Куайн, «logic chases truth up the tree of grammar».

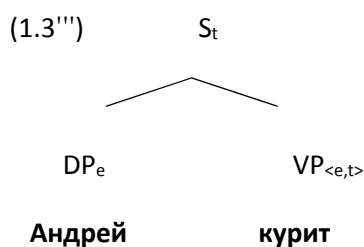
Заметьте, однако, что в (1.3') все же есть некая недостаточная обобщенность на уровне синтаксиса. Мы в дереве рассматриваем соотношение синтаксических категорий и их значений. Такая схема, как та, что мы имеем в (1.3), будет распространяться и на другие предложения: «Коля пьет», «Оля спит» и т.д. Поэтому нам нужен какой-то более общий способ для обозначения указанных зависимостей между DP и VP (и, соответственно, их значениями), помимо приписывания им конкретных денотатов, обозначаемых теми словами, которые им соответствуют в том или ином конкретном предложении. Этот способ мы находим, вводя так

называемые *семантические типы*, которые указывают на то, какого типа денотат соответствует той или иной синтаксической категории. Имена собственные, как вы можете помнить из лекции по Дж.С.Миллю и не только из нее, обозначают единичные объекты; предложения, как мы читали у Г.Фреге, обозначают истинностные значения. Поэтому в (1.3) DP, представленное именем собственным (лексическая категория ProperN – см. (1.2)) будет обладать типом *e* (от слова *entity*), а S – типом *t* (от слова *truth*).

Мы, таким образом, уже можем дополнить наше дерево (1.3) следующим образом:

Осталось понять, какой тип соответствует категории VP, которая здесь доминирует над IV (представлена непереходным глаголом) и имеет то же значение, что и непереходный глагол. Значит, нам нужен тип, который будет соответствовать функции, берущей, в качестве аргумента, индивидуальный объект и выдающей, в качестве значения, истинностное значение. Обозначим этот семантический тип так: $\langle e, t \rangle$ (альтернативное обозначение: $e \rightarrow t$). Теперь мы можем окончательно дополнить дерево (1.3'') указанием на все типы, продемонстрировав, тем самым, композициональную природу значения соответствующего предложения:

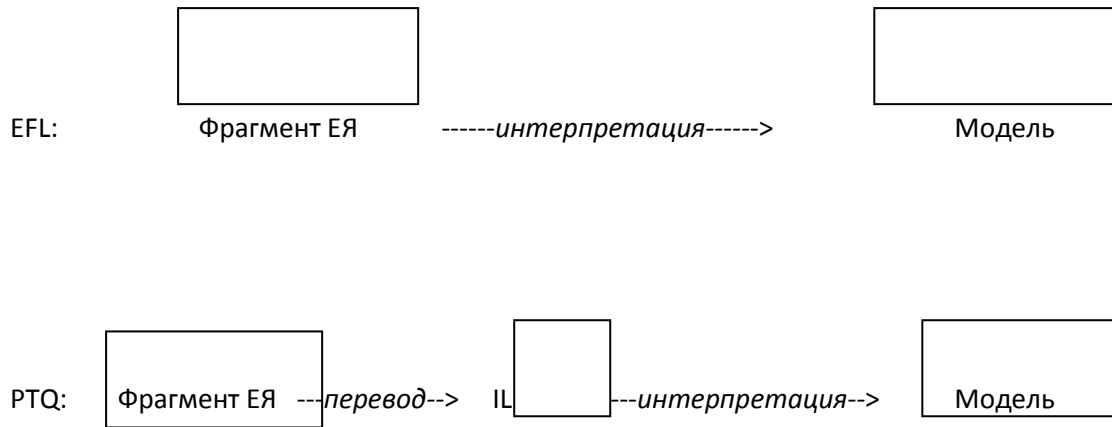

Задание: расставьте семантические типы для синтаксических категорий в предложении (2), руководствуясь уже полученными знаниями, держа в голове принцип композициональности значения.

Назначить семантические типы синтаксическим категориям, однако, еще не означает предложить интерпретацию. Нам нужен способ систематического получения денотатов для языковых выражений нашего фрагмента. Ранее, имея дело с языком L, осуществляли интерпретацию на модели M, которая, как вы помните, состояла из домена и интерпретирующей функции, отображавшей базовые лексические выражения в элементы домена (их множества) ($M = \langle D, I \rangle$). При этом для представления денотатов выражений языка L мы использовали метаязык.

Выше в (1.3') я сделал примерно то же, подписав языковым выражениям и синтаксическим категориям их денотаты. Подобный способ, когда языковое выражение (посредством интерпретирующей функции) сопоставляется со своим денотатом, называется *прямой интерпретацией* (direct interpretation). Но бывает и *непрямая интерпретация* (indirect interpretation), при которой интерпретируемое языковое выражение переводится в какой-то другой язык, а уже получившееся в результате этого перевода выражение интерпретируется на модели. Такая непрямая интерпретация еще называется *интерпретация через перевод* (interpretation via translation). Язык, в который переводится исходное языковое выражение, называется *языком-посредником*.

Какого-либо значимого различия между двумя подходами нет. Интерпретация через перевод требует лишь введения дополнительных правил перевода выражений ЕЯ в язык посредник, коим выступает искусственный формализованный язык, который РМ называет IL. В своих работах РМ предлагает, как прямую, так и непрямую интерпретацию для фрагмента ЕЯ:

Мы будем исходить из анализа, представленного в PTQ.

Итак, мы имеем фрагмент ЕЯ и его категориальный анализ. Мы хотим перевести основные выражения нашего фрагмента в формализованный язык, сопоставив, тем самым,

выражения ЕЯ из фрагмента и выражения IL. (Наша упрощенная версия IL представляет собой экстенсionadoнизированный вариант того формализованного языка, который построил РМ.)

4. Первые шаги по переводу из ЕЯ в IL

Перевод выражений фрагмента ЕЯ в IL осуществляется по-разному для лексических категорий (а вместе с ними и для неветвящихся узлов) и для составных синтаксических категорий (ветвящихся узлов синтаксического дерева). Лексические категории, такие, например, как имена собственные, нарицательные существительные, прилагательные и глаголы, переводятся в константы IL. Этот перевод является простым сопоставлением констант и относится скорее к задачам преимущественно лексической семантики, ибо в значении выражений здесь нет никакой структуры. Правда, надо сказать, что перевод лексической категории детерминаторов ('every', 'no', 'a', 'the', 'some', 'most' и др.), содержащей в отличие от перечисленных выше довольно ограниченный набор элементов, является уже не таким простым, с точки зрения формальной семантики, делом, которое, как мы увидим, в полной мере относится к задачам этой дисциплины. Перевод же для составных синтаксических категорий (ветвящихся узлов) должен осуществляться по строгим правилам. Одно из этих правил мы уже знаем. Это правило применения функции к аргументу. У РМ, как было сказано выше, в отличие от того формализма, который используем мы, все выражения ЕЯ анализируются посредством категориальной грамматики, в которой единственным способом сочетания выражения является сцепление. И только при переводе составных выражений фрагмента в IL сцепленным выражениям ЕЯ, в зависимости от сцепляемых категорий, в IL соответствовали разные виды сочетания переводов этих категорий (одним из таких видов сочетания, но не единственным, было правило применения функции к аргументу).

В нашем же формализме уже выражения фрагмента можно рассматривать как сочетающиеся по правилу применения функции к аргументу. Важно здесь то, что РМ записывает правила сочетания выражений в IL в строгом формализованном виде. Мы этого здесь делать не будем (как мы не делали этого, когда формулировали правило применения функции к аргументу), а представим все необходимые нам правила неформально. Но пока рассмотрим, как выглядит перевод нашего выражения (1.3) (или (1.3''')) в IL.

Перевод имени собственного «Андрей» и, соответственно, всей синтаксической категории DP в IL осуществляется уже знакомым образом: именам собственным в ЕЯ соответствуют индивидные константы в IL. Поэтому

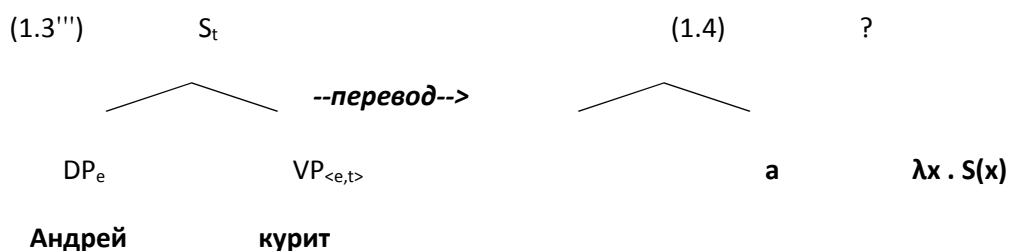
«Андрей» --перевод--> «а».

Теперь перед нами стоит задача перевести непереходный глагол «курит», который, по Фреге, обозначает ненасыщенную функцию, а соответствующая синтаксическая категория VP (вслед за категорией IV), имеет тип $\langle e, t \rangle$. Ранее, когда мы рассматривали язык L, у нас глаголам и прилагательным ЕЯ соответствовали предикатные константы, которые обозначали множества объектов домена. Но когда мы вводили λ -оператор (см. лекция 3 – дополнение) и связанные с ним, в т.ч. и составные, предикаты, мы говорили, что в качестве денотата предикатной константы может рассматриваться не только множество индивидуальных объектов, но и *характеристическая функция* такого множества. Именно такие функции мы рассматривали как денотаты выражений с λ -оператором (хотя вполне могли бы и рассматривать в качестве их денотатов множества, ибо это одно и то же). Исходя из сказанного, мы можем перевести «курит» одним из двух следующих способов:

«курит» --перевод--> «S»

«курит» --перевод--> « $\lambda x . S(x)$ ».

Мы получаем:

Осталось понять, что писать в (1.4) вместо «?». Мы уже говорили, что сочетание двух категорий DP и VP в (1.3''') осуществляется по правилу применения функции к аргументу, что в результате дает нам категорию S, обладающую типом t. В нашем формализме этот же принцип применяется и при переводе категории (узла) S_t в IL. (Обратите внимание: все, что мы здесь делаем – это только переводим; в одних случаях неветвящиеся узлы, в других – ветвящиеся.)

У нас есть функция $\lambda x . S(x)$ и подходящий аргумент a. Когда функция применяется к аргументу, ее обозначение ставится в квадратные скобки, а аргумент – в круглые. Записывается так:

(4) $[\lambda x . S(x)](a)$.

5. λ-конверсия

Приведенная выше формула (4) уже соответствует естественно-языковому (русскому) предложению «Андрей курит». Соответственно, денотат этого выражения – истинностное значение. Поэтому мы можем смело ставить эту запись вместо «?» в (1.4) и считать перевод выполненным.

Но все же мы можем сделать и еще чуть-чуть больше. Из формулы $[\lambda x . S(x)](a)$ мы можем получить более привычную для нас $S(a)$, которая в нашем языке L как раз соответствовала такому предложению как «Андрей курит». Для этого нам придется прибегнуть к операции, именуемой *λ-конверсией* (лямбда-конверсией, λ-conversion).

Чтобы понимать, как работает λ-конверсия, следует понимать, что, собственно, имеется в виду в λ-записи. Попросту говоря, « $\lambda x . S(x)$ » означает следующее: возьми в качестве аргумента терм (т.е. индивидуальную переменную или индивидуальную константу) и вставь ее в формуле, следующей после «.» в « $\lambda x . S(x)$ », т.е. в « $S(x)$ », везде, вместо « x ». Получившаяся, в результате такой подстановки формула, и будет значением применения этой функции к тому аргументу, который вы выбрали. Поэтому, в силу λ-конверсии:

$$[\lambda x . S(x)](a) \leftrightarrow S(a).$$

И поэтому мы можем представить наше дерево (1.4) как

$$(1.4) \quad \begin{array}{c} S(a) \\ \diagdown \quad \diagup \\ a \quad \lambda x . S(x) \end{array}$$

Попробуйте провести λ-конверсию для:

- (i) $[\lambda y . Q(y)](x) =$
- (ii) $[\lambda z . (L(z) \wedge P(x))](j) =$
- (iii) $[\lambda x . P(x)](Q) =$

6. Семантика кванторных выражений

Итак, что мы имеем на текущий момент? Мы можем анализировать выражения нашего фрагмента ЕЯ, мы можем переводить отдельные выражения в IL (который мы пока точно не описали и которые пока еще мало чем отличается от нашего языка L после введения в него выражений с λ -оператором), мы можем проводить λ -конверсию и далее интерпретировать простые выражения IL на модели.

Но мы пока рассматривали только предложения, где DP были именами собственными. Но выше мы уже привели анализ для

(3) Every cat is grey,

где DP представлена кванторным выражением «every cat» (см. (3.1)). Другими кванторными выражениями являются выражения с приведенными выше детерминаторами ('every boy', 'no letter', 'most women', 'a cat', 'the king'¹⁰⁴ и т.д.). Что можно сказать о семантическом типе DP, представленном кванторным выражением?

Когда мы анализировали (1), наша DP, представленная именем собственным «Андрей», имела тип *e* и обозначала индивидуальный объект. Перевод этой DP (как и она сама) становился аргументом для функции, которая к нему применялась. Можем ли мы приписать тип *e* кванторному выражению, чтобы оно также было аргументом, к которому бы применялась функция? Есть масса оснований дать отрицательный ответ на этот вопрос. Рассмотрим одно из таких оснований.

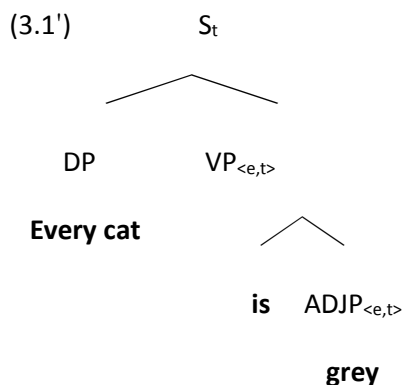
Из предложения «John arrived yesterday morning» можно обоснованно вывести предложение «John arrived yesterday». А теперь заменим референциальное имя собственное на кванторное выражение «no letter», чтобы получить «No letter arrived yesterday morning». Отсюда не следует «No letter arrived yesterday». А если так, то семантика кванторного выражения «no letter» отличается от семантики референциального имени собственного «John». Существуют и иные способы демонстрации отличия семантики кванторных или, иначе, неререференциальных выражений, в т.ч. и выражений с детерминатором “every”, от семантики референциальных выражений (мы их здесь рассматривать не будем¹⁰⁵). Но мы здесь можем вспомнить и Б.Рассела, который начал статью «On Denoting» с указания на то, что кванторные

¹⁰⁴ Высказывания типа 'a cat' и 'the king' в системе PM считались кванторными выражениями, но их, в частности, выражений типа 'the king', как мы знаем из разбора возможных интерпретаций выражений с λ -оператором (лекция 3 – дополнение), можно рассматривать и как референциальные выражения, обозначающие тот или иной конкретный объект. Тогда их семантическим типом будет *e*, как и у имен собственных.

¹⁰⁵ Но, если спросите, я вам приведу еще парочку.

выражения не могут рассматриваться как подлинные конstituэнты пропозиций (т.е. как референциальные термины).

Из сказанного следует, что, расставив типы в (3.1), как показано в (3.1')¹⁰⁶

мы точно знаем, что не можем назначить для DP тип e. Каким же должен быть тип для DP в (3.1'), чтобы композициональность значения была сохранена и чтобы сочетание DP и VP при этом осуществлялось по правилу применения функции к аргументу?

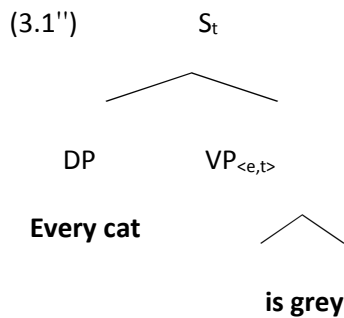
Правильный ответ: <<e,t>,t>

Пояснение к правильному ответу: композициональность сохраняется, но уже “every cat” становится функцией, которая берет в качестве аргумента VP.

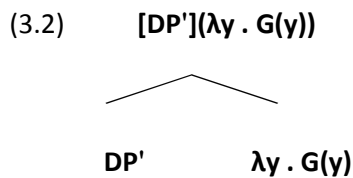
Но как же будет выглядеть перевод «every cat» в IL? Обозначим предварительно этот искомый нами перевод как «DP¹» (если бы мы осуществляли прямую интерпретацию, а не через перевод, до «DP¹» у нас было бы предварительным обозначением не для перевода, а уже для интерпретации нашей DP). VP¹ у нас будет «λy . G(y)» (иногда для большей ясности вместо констант можно писать целые слова, считая их константами языка IL: «λy . grey(y)»).

Рассмотрев перевод предложения (1) и прочей имеющейся у нас информации, мы предварительно можем сказать, что перевод для (3.1') или, проще, для (3.1'')

¹⁰⁶ Мы здесь пока игнорируем тип для “is” (хотя его можно представить как <<e,t>,<e,t>>), ибо нас больше интересует тип для VP, который здесь - <e,t>.

будет выглядеть как

Нам осталось только построить перевод для DP. Что мы еще можем сказать предварительно о нашей задаче? Это три вещи:

(a) Нам нужна функция. Аргументом этой функции будет предикат (т.е. сам аргумент будет функцией от индивидуальных объектов к истинностным значениям), а значением, получаемым в результате ее применения к аргументу, будет истинностное значение.

(b) Если нам нужна функция, то искомое выражение в IL будет начинаться с “λ”.

(c) Выше мы из (4) посредством λ-конверсии получили S(a), которая была простой формулой ЛППП. Здесь же мы, очевидно, тоже сможем провести λ-конверсию. Поскольку мы знаем наше анализируемое естественно-языковое предложение (3) «Every cat is grey», а также знакомы с ЛППП, мы уже можем записать результат этой предстоящей λ-конверсии, ибо можем перевести (3) в язык ЛППП:

(3.3) $\forall x(C(x) \rightarrow G(x)).$

Значит, (3.2) \leftrightarrow (3.3), т.е.

$$(5) [DP'](\lambda y . G(y)) \leftrightarrow \forall x(C(x) \rightarrow G(x)).$$

Наш искомый DP', т.е. перевод для «every cat» выглядит так:

$$\text{«every cat» --перевод--} \rightarrow \text{«}\lambda Q . (\forall x(C(x) \rightarrow Q(x)))\text{»}.$$

Чтобы в этом убедиться, проведем λ -конверсию:

$$[\lambda Q . (\forall x(C(x) \rightarrow Q(x))](\lambda y . G(y))$$

7. Типология выражений IL

Получив, таким образом, перевод для “every cat” (а) $\lambda Q . (\forall x(C(x) \rightarrow Q(x)))$, попробуем внимательнее рассмотреть эту формулу, сравнив ее с более знакомой нам (б) « $\lambda y . G(y)$ ». Обе формулы обозначают функции; функция (б) берет в качестве аргумента терм; (а) берет в качестве аргумента предикат; обе функции отображают свои аргументы в истинностные значения.

Чтобы систематизировать и наглядно проявить различные виды аргументов, к которым могут применяться функции (вспомните проблему с (iii) выше), PM разделяет все выражения IL на типы (те же, которые мы использовали для категорий нашего фрагмента). Выше мы говорили, например, что выражение « $\lambda x . P(x)$ » обозначает то же, что и «P». Это значит, что оба эти выражения имеют тип $\langle e, t \rangle$ и относятся ко множеству $WE_{\langle e, t \rangle}^{IL}$ (т.е. множеству правильно построенных выражений (well-formed expressions) типа $\langle e, t \rangle$). Сходным образом и индивидуальные константы (вместе с индивидуальными переменными) составляют множество WE_e^{IL} ¹⁰⁷. Кванторные выражения относятся к $WE_{\langle \langle e, t \rangle, t \rangle}^{IL}$. Мы видели еще выражения с типом $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$, которые тоже относятся к множеству ппв соответствующего типа. Все эти множества входят в общее множество WE^{IL} . Все они могут быть разделены на подмножества констант и переменных (например, $CON_{\langle e, t \rangle}^{IL}$ и $VAR_{\langle e, t \rangle}^{IL}$).

¹⁰⁷ Если мы считаем определенные дескрипции (выражения с ι -оператором) обозначающими индивидуальные объект, то они тоже сюда входят.

Заметьте, что в языке L у нас переменные могли быть только одного типа e (индивидуальные переменные). В IL у нас возможны переменные любого допустимого¹⁰⁸ типа. Поэтому иногда для удобства тип переменной или константы указывается в виде индекса. Наши формулы (а) и (б) могут быть записаны так:

$$(a') \lambda Q_{\langle e,t \rangle} . (\forall x(C(x) \rightarrow Q(x))),$$

$$(б') \lambda y_e . G(y).$$

Возможность построения в IL ппв сложных типов и является одной из главных характерных черт системы PM, сделавших эту систему революционной для логической семантики. Вспомните еще раз, с чего начиналась статья Б. Рассела «On Denoting» - с того, что кванторные выражения типа «every man» нельзя рассматривать как самостоятельные конституэнты пропозиций. Мы видели, что такие выражения, действительно, не являются референциальными в том смысле, что они не обозначают индивидуальные объекты. Но это, как показал PM, не обязательно должно значить, что у них не м.б. собственного значения. В системе PM кванторные выражения обретают собственное значение. Они обозначают функции от множеств объектов к истинностным значениям, т.е., иначе говоря, свойства свойств (множества множеств).

Все выражения, которые Б. Рассел считал проблемными (и не только они), таким образом, обретают в системе PM категорематическую интерпретацию. (Поскольку в нашем случае мы проводили интерпретацию через перевод, то нам следует сказать, что такие выражения могли быть переведены в выражения IL, которые, в свою очередь, могли получить категорематическую интерпретацию на модели.) Переводы основных типов кванторных выражений в IL выглядят так:

ЕЯ		IL
“every boy”	--перевод-->	$\lambda Q_{\langle e,t \rangle} . (\forall x(B(x) \rightarrow Q(x)))$
“no girl”	--перевод-->	$\lambda Q_{\langle e,t \rangle} . (\forall x(G(x) \rightarrow \neg Q(x)))$
“a cat”	--перевод-->	$\lambda Q_{\langle e,t \rangle} . (\exists x(L(x) \wedge Q(x)))$

¹⁰⁸ Если вы меня спросите, что такое допустимый тип и какие вообще бывают типы, то я отвечу на этот вопрос.

“the king” --перевод--> $\lambda Q_{\langle e,t \rangle} . (\exists x(K(x) \wedge \forall y(K(y) \rightarrow y = x) \wedge Q(x)))$

Каждое из приведенных выражений ИЛ следует рассматривать как обозначения множества свойств каждого мальчика, ни одной девочки, некоторой кошки, конкретного короля, соответственно.

В системе РМ даже имена собственные, которые мы здесь рассматривали как референциальные выражения, обозначали множества свойств (иначе говоря, интерпретировались как обобщенные кванторы):

ЕЯ		ИЛ
“John”	--перевод-->	$\lambda Q_{\langle e,t \rangle} . (Q(j))$

Такова в первом приближении общая экспозиция вклада РМ в формальную семантику. В следующий раз мы продолжим рассмотрение его системы и разберем еще ряд крайне важных ее аспектов.

Рекомендуемая литература:

Gamut L.T.F. Logic, Language, and Meaning. Vol. II. Chicago, 1991. **Chapter 4. Theory of Types and Categorical Grammar.**

https://dl.dropboxusercontent.com/u/22557495/GAMUT_%281991%29_Logic%2C%20Language%20and%20Meaning_Vol.%202.pdf – *Общее введение в категориальную грамматику, а также подробное обсуждение λ -оператора и таких операций как λ -конверсия и λ -абстракция. Все формальные определения см. здесь.*

Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // Hintikka J., Moravcsik J., Suppes P. (eds.) *Approaches to Natural Language.* Dordrecht, 1973. Pp. 221-242. –

Классический текст для формальной семантики. Рекомендую посмотреть для общего понимания того, откуда все это пошло и как выглядело в самом начале.

Partee B. Lecture 3 (WEEK 3): A Fragment of English. More Applications of the Lambda Calculus. URL: https://udrive.oit.umass.edu/partee/HSE_Web_14/materials/index.html - В хэндауте этой лекции обсуждается, что такое фрагмент ЕЯ, синтаксические категории, семантические типы и много другого. Я правила для синтаксических категорий взял отсюда. Настоятельно рекомендую также и лекции 1, 2 по этой же ссылке для общего введения в формальную семантику, понятие интерпретации через перевод и многого другого.

Введение в грамматику Монтегю. Часть 2

На предыдущей лекции мы рассмотрели переводы ряда простых высказываний фрагмента ЕЯ в IL, элементы которых сочетались друг с другом по правилу применения функции к аргументу. Это, однако, как я говорил, не единственное возможное правило сочетания выражений в системе PM. Однако прежде, чем перейти к его рассмотрению, необходимо усвоить еще одну операцию с формулами в λ -записи, а именно операцию *λ -абстракции*.

1. λ -абстракция

По своей сути, эта операция нам уже знакома, т.к. мало чем отличается от операции построения λ -выражений, которую мы рассматривали для языка L (см. лекция 3 – дополнение): если v – переменная, α – ппф, то $\lambda v \alpha$ – ппв. Такие ппв мы рассматривали как предикатные знаки. В терминах теории типов, с которой мы уже знакомы, можно сказать, что поскольку v была индивидуальной переменной, то имела тип e , а α , будучи ппф, имела тип t . Следовательно, $\lambda v \alpha$ имело тип $\langle e, t \rangle$. Теперь же поскольку же в нашем новом языке IL типов гораздо больше, то правило построения λ -выражения мы можем представить так: если v – переменная с типом τ , а α – ппв с типом τ' , то $\lambda v \alpha$ – ппв с типом $\langle \tau, \tau' \rangle$.

Отличие операции λ -абстракции от приведенного выше правила лишь в том, что правило не требует, чтобы λ -оператор связывал какую-либо переменную в выражении α . Однако при λ -абстракции это необходимо: в формуле « $P(x)$ » мы можем провести λ -абстракцию над переменной « x », получив « $\lambda x.P(x)$ ». Имея « $(Q(j) \vee P(j))$ », мы можем провести λ -абстракцию над « j » и получить « $\lambda y . (Q(y) \vee P(y))$ » (заметьте, что здесь мы уже вводим переменную « y », которое в исходной формуле не было).

Потренируем λ -абстракцию. Какие виды λ -абстракции можно провести над следующими формулами: (i) $P(y)$; (ii) $(P(y) \wedge Q(x))$; (iii) $(S(j) \vee S(x))$.

Важно понимать, что λ -абстракция не безобидная операция. Проведя ее над тем или иным выражением, мы получаем новое выражение с новым семантическим типом. Так, из формулы $P(x)$ с типом t мы получили формулу $\lambda x.P(x)$ с типом $\langle e, t \rangle$.

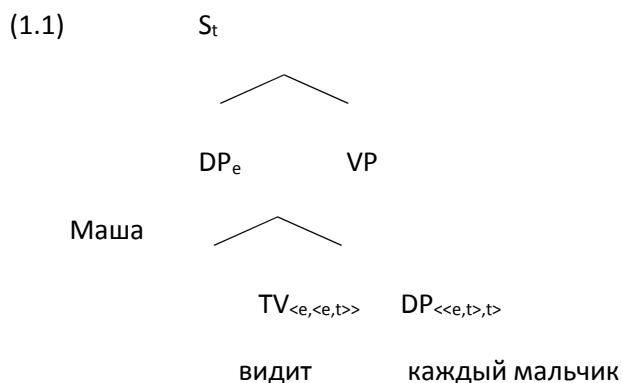
2. Q-in

Рассмотрев принципы λ -абстракции мы можем перейти к рассмотрению еще одного правила сочетания синтаксических категорий в системе PM. Это правило называется

quantifying in (далее «Q-in»; попробуйте перевести это словосочетание на русский) и связано оно, как можно догадаться из названия, с кванторными выражениями.

Рассмотрим предложение

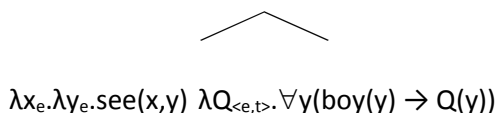
(1) Маша видит каждого мальчика.

Расставив семантические типы, мы видим, что в таком виде данная запись не будет выполнять требование композициональности значения. Рассмотрим перевод каждого из составляющих ее выражений в IL:

«Маша»	---перевод-->	m
«видит»	---перевод-->	$\lambda x_e. \lambda y_e. \text{see}(x, y)$
«каждый мальчик»	---перевод-->	$\lambda Q_{\langle e, t \rangle}. \forall y(\text{boy}(y) \rightarrow Q(y))$

Если мы хотим начать деривацию (построение дерева) снизу, то у нас сразу возникает очевидная проблема, связанная с интерпретацией узла

Ведь функция « $\lambda x_e. \lambda y_e. \text{see}(x, y)$ » не может взять « $\lambda Q_{\langle e, t \rangle}. \forall y(\text{boy}(y) \rightarrow Q(y))$ » в качестве аргумента и при этом сама не может выступить в качестве аргумента для выражения, с которым должна

сочетаться. Но при этом мы знаем, как выглядит формула, которую мы, в итоге, хотим получить в качестве IL-эквивалента для предложения (1). Это (1.3):

$$(1.3) \forall y(\text{boy}(y) \rightarrow \text{see}(m,y)).$$

Можно констатировать, что из имеющихся у нас выражений и правила применения функции к аргументу (далее FA) получить (1.3) невозможно. Именно для таких случаев PM вводит правило Q-in. Это правило не дает возможность нам вдруг сочетать два указанных выражения. Но оно дает нам возможность получить (1.3) в результате последовательного композиционного конструирования значения. По правилу Q-in сочетается кванторное выражение (такое, как $\lambda Q_{\langle e,t \rangle}.\forall y(\text{boy}(y) \rightarrow Q(y))$) и выражение с типом t, содержащее одну или более свободную переменную (например, $\text{see}(m,x)$).

По правилу Q-in мы должны сделать следующее:

- (a) провести λ -абстракцию над « $\text{see}(m,x)$ »
- (b) сочетать получившееся выражение с имеющимся кванторным DP по FA.

Попробуем проделать эти две операции:

$$\begin{array}{ll}
 \text{(a')} & \lambda x . \text{see}(m,x) \\
 \text{(б')} & [\lambda Q_{\langle e,t \rangle}.\forall y(\text{boy}(y) \rightarrow Q(y))](\lambda x . \text{see}(m,x)) \quad \lambda\text{-конверсия} \\
 & \forall y(\text{boy}(y) \rightarrow [\lambda x . \text{see}(m,x)](y)) \quad \lambda\text{-конверсия} \\
 & \forall y(\text{boy}(y) \rightarrow \text{see}(m,y))
 \end{array}$$

Теперь посмотрим, как выглядит деривационное дерево, в котором используется правило Q-in:

$$\begin{array}{ccc}
 (1.4) & \forall y(\text{boy}(y) \rightarrow \text{see}(m,y)) & \\
 & \wedge & \text{Q-in} \\
 \lambda Q_{\langle e,t \rangle}.\forall y(\text{boy}(y) \rightarrow Q(y)) & & \text{see}(m,x)
 \end{array}$$

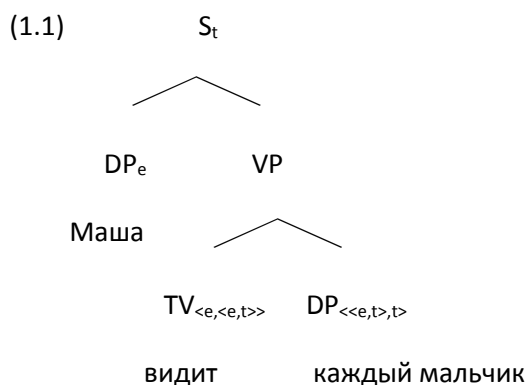
Если так, то введение правила Q-in, а вместе с ним и нового способа построения деривационных деревьев, дает нам возможность решить проблему (не)сочетания семантических типов, с которой мы столкнулись в (1.1).

Нам осталось обратить внимание на одну маленькую нестыковку, которая возникает в нашем формализме, если правило Q-in вводится так, как это сделали мы. (Интересно, кто-нибудь ее уже успел заметить?) Это нестыковка связана с правилами анализа составных синтаксических категорий. Дерево (1.5) предполагает существования правила $S \rightarrow DP S$. Однако мы такого правила не вводили. Исходя из правил, введенных в прошлой лекции, предложение у нас могло состоять только из группы детерминатора и глагольной группы: $S \rightarrow DP VP$. Как быть?

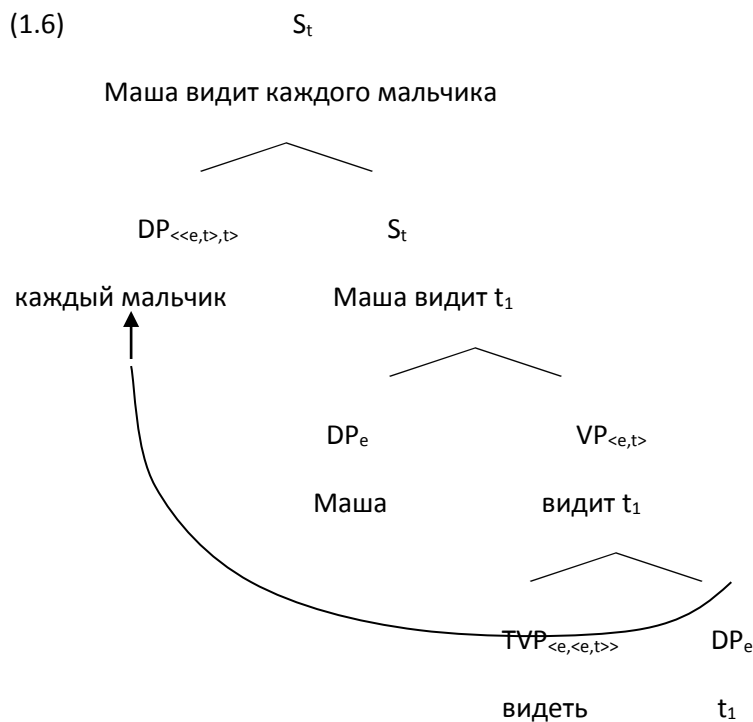
Самый простой способ – ввести и это правило тоже. Именно это делает РМ. Но есть и иной способ, полностью вытекающий из правила Q-in, но *не* требующий сочетания категории, обладающей типом $\langle\langle e,t \rangle, t \rangle$, с категорией, обладающей типом t . Этот способ выражается *правилом подъема квантора* (далее «QR» - от quantifier raising), которое мы рассмотрим ниже.

3. QR

Идея подъема кванторной DP происходит из разработок в области генеративного синтаксиса 1970-х годов. Для нас она заключается в том, что исходный анализ предложения (1), представленный нами как (1.1)

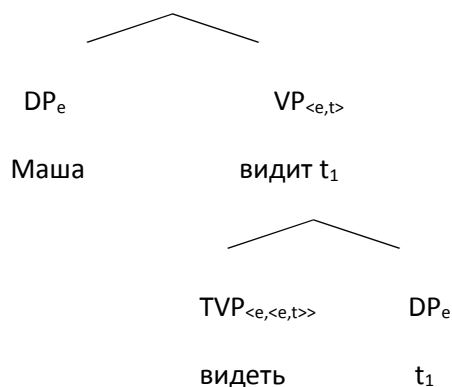

претерпевает трансформацию, которая заключается в том, что кванторная DP перемещается вверх, чтобы сочетаться с корневым узлом, оставляя после себя так называемый *след*. Такое перемещение называется *подъем* кванторной группы или QR. Выглядит оно в первом приближении как-то так (сравните, с нашим (1.5)):

Теперь вспомним, что правило Q-in осуществляется в два шага: λ-абстракция и FA. Отобразим каждую из этих операций в дереве, вложив их в правило QR. Иными словами, сделаем операцию λ-абстракции частью нашего дерева, которая возникает в результате подъема квантора. Мы получаем:

При такой схеме создание дополнительного узла, делающего из предложения «Маша видит t_1 » *предикатный абстракт* (иначе: λ -абстракт) $1[\text{Маша видит } t_1]$ (иначе примерно: $\lambda x. \text{Маша видит } x$), позволяет везде далее использовать только правило FA (ведь теперь наш $DP_{\langle\langle e,t \rangle, t \rangle}$ («каждый мальчик») сочетается с этим предикатным абстрактом по правилу FA.

Запись, подобная той, что представлена в (1.7), является сегодня более распространенной, поскольку она позволяет в совмещать распространенные в генеративном синтаксисе методы подъема с композициональной интерпретацией, предложенной РМ. Но, как вы можете заметить, она, по сути, не отличается от (1.5). Их различие только в том, что (1.7) предполагает, что группа «каждый мальчик» изначально имела объектную позицию и сменила ее в результате синтаксической трансформации, тогда как в (1.5) ничего подобного не предполагается: кванторная DP сочетается уже с готовым предложением, содержащим свободную переменную.

4. Q-in и неоднозначность сферы действия (scope ambiguity)

В заключении лекции рассмотрим еще одну задачу, которую решает правило Q-in, столь же важную для композициональной семантики, как и корректное сочетание семантических типов. Речь идет о проблеме неоднозначности выражений, содержащих два или более кванторов. Нам эта проблема уже знакома.

Если помните, мы рассматривали предложения, подобные предложению

(2) Every girl sees a boy,

как неоднозначные, т.е. способные иметь два прочтения (или, иначе, две логические формы). В языке ЛППП эти логические формы могут быть записаны так:

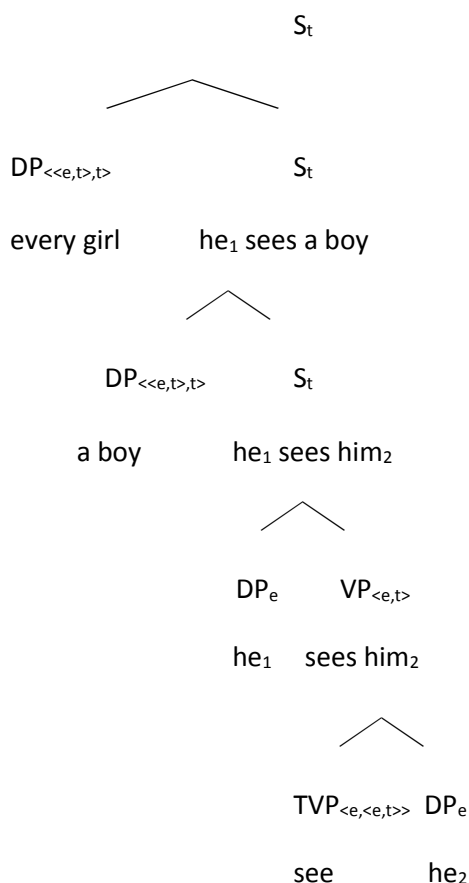
(2.1) $\forall y(\text{girl}(y) \rightarrow \exists x(\text{boy}(x) \wedge \text{see}(y,x)))$

(2.2) $\exists x(\text{boy}(x) \wedge \forall y(\text{girl}(y) \rightarrow \text{see}(y,x)))$.

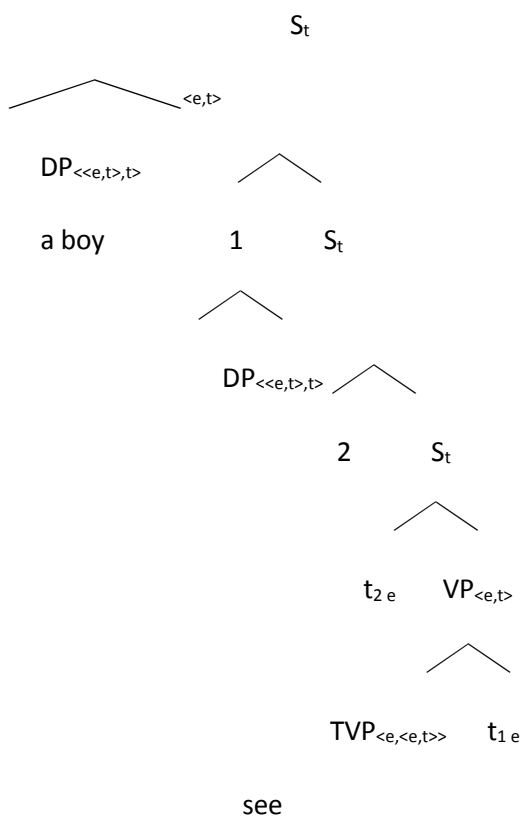
Наша проблема в (2.1) и (2.2) заключалась в том, что, хотя они и правильно выражают те условия истинности, которыми может обладать (2), оставалось неясным, как именно мы можем соотнести эти логические формы с синтаксисом естественно-языкового предложения (2) посредством композициональной деривации каждого из двух возможных значений. В системе РМ с применением правила Q-in эта проблема имеет простое и прямое решение.

Ниже я запишу деривацию для (2.1) через классический Q-in, а (2.2) – через QR:

(2.1') Every girl sees a boy

(2.2') Every girl sees a boy

В каждом синтаксическом дереве результатом сочетания узлов (синтаксических категорий) является одно и то же предложение. Но *история деривации* разная! Именно различие в истории деривации демонстрирует различие в прочтениях.

Рекомендуемая литература:

Gamut L.T.F. Logic, Language, and Meaning. Vol. II. Chicago, 1991. **Chapter 6. Montague Grammar.** – *Подробная экспозиция грамматики Монтегю для освоения целиком и по частям.*

https://dl.dropboxusercontent.com/u/22557495/GAMUT_%281991%29_Logic%2C%20Language%20and%20Meaning_Vol.%202.pdf

Heim I., Kratzer A. Semantics in Generative Grammar. Oxford, 1998. **Chapter 6. Quantifiers: Their Semantic Type; Chapter 7. Quantification and Grammar.** – *Исследование семантики кванторов в современной нотации, экспликация правила Q-in в терминах подъема квантора, неоднозначности сферы действия и много другого.*

https://dl.dropboxusercontent.com/u/22557495/Heim%2C%20Kratzer_Semantics_in_Generative_Grammar_Blackwell_Textbooks_in_Linguistics_.pdf

Введение в грамматику Монтегю. Часть 3

Если переходные глаголы («видеть», «любить» и т.п.) в синтаксическом дереве сочетаются с DP, которая, как мы видели на прошлой лекции, может выражаться референциальным или неререференциальным выражением (т.е. именем или квантором), то

глаголы, выражающие пропозициональную установку («считать», «полагать», «сомневаться», «хотеть», «думать», «знать» и др.), сочетаются с целой клаузой (предложением, начинающимся (или способным начинаться) со слова «что»). Это влечет за собой необходимость дополнительных нововведений в построенную нами систему синтаксических категорий, типов выражений IL и его модельную структуру, правил перевода (интерпретации).

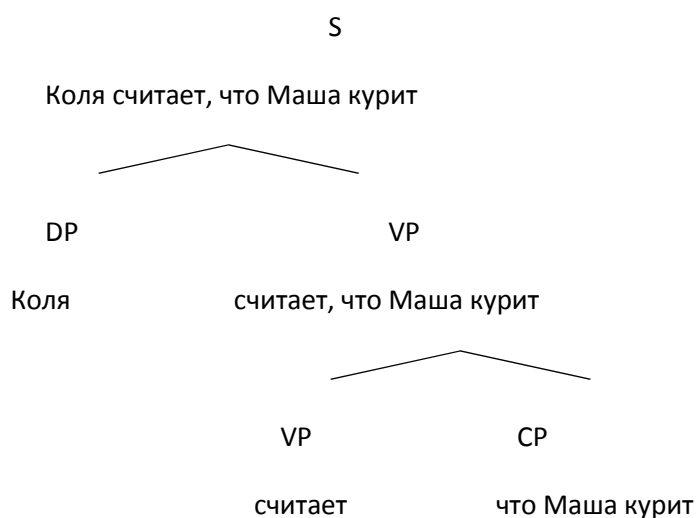
1. Семантика придаточного предложения

1.1. Группа комплементаризера (CP) как синтаксическая категория

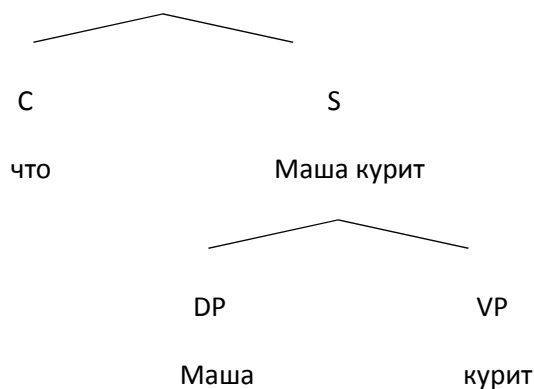
Придаточное предложение после пропозициональных глаголов начинается, как известно, со слова «что». В данной позиции этому слову, если верить синтаксистам, соответствует синтаксическая категория *комплементайзера* (т.е. слово или морфема, вводящая подчиненные предикации; здесь – придаточное предложение)¹⁰⁹. Рассмотрим синтаксическую структуру следующего предложения:

(1) Коля считает, что Маша курит.

(1.1)

¹⁰⁹ Подробнее см., например, [Митренина, Романова, Слюсарь 2011].

Если C – это категория комплементаризера, то CP – это, соответственно, категория группы комплементаризера (complementizer phrase). Появление структур, подобных CP, требует от нас внесения дополнений в список синтаксических категорий и правила их построения (см. лекция 7, стр. 2): CP → C S. Также не следует забывать и о новом возможном анализе для глагольной группы: VP → VP CP.

1.2. Каков денотат придаточного предложения?

Зададимся теперь вопросом о значении CP. Иными словами, что обозначают придаточные предложения?

Здесь мы будем в точности следовать за Фреге и его концепцией, изложенной в статье «О смысле и значении». Так, мы исходим из того, что денотатом простого повествовательного предложения является его истинностное значение (смыслом, соответственно, выражаемая этим предложением мысль). Но в случае с придаточным предложением (начинающемся, со слова «что»), его денотатом не может быть истинностное значение, т.к. истинность или ложность придаточного предложения никак не влияет на денотат (т.е. истинность или ложность) всего предложения. Фреге пишет:

Когда Веллингтон в конце битвы под Белль-Альянском обрадовался тому, что подошли пруссаки, то основанием его радости была определенная уверенность в этом. Если бы он обманулся в этой уверенности, то все же радость его – пока продолжалась эта его иллюзия – не стала бы от этого меньше; а пока у него не было уверенности в том, что подошли пруссаки, он не мог бы радоваться этому, даже если бы в действительности они были уже близко. [Фреге, 1892: 238]

У Фреге, как вы, я надеюсь, помните, денотатом такого *косвенного* предложения (начинающегося со слова «что») становится его смысл, т.е. выражаемая этим предложением мысль. Но что такое мысль или (иначе) пропозиция? Новый вид сущности, находящийся в

третьем мире Фреге, и столь неприемлемый для Куайна? Как нам выразить денотат косвенного предложения, фрегевскую мысль?

Мы, следуя философско-языковому мейнстриму, пойдём по пути, наиболее распространённому в современной литературе и как считается восходящему [Карнап 1959], и не будем считать пропозиции (смыслы предложений) отдельного рода сущностями (воздержимся от гипостазирования), а станем их рассматривать как *функции от возможных миров к истинностным значениям предложений в этих мирах*.

1.3. Интерпретация выражений и возможные миры

Введение возможных миров (т.е. множества $W = \{w \mid w \in W\}$) обязывает нас к пересмотру всего нашего подхода к теоретико-модельной интерпретации выражений языка IL. Теперь, интерпретируя их, мы должны учитывать в качестве *параметра* интерпретации не только модель M и приписывающую функцию g , но и тот мир, в котором интерпретируется то или иное выражение. Так, теперь, например, мы пишем:

$\|B\|^{M, g, w} = \text{мальчик в } w$

$\|B(x)\|^{M, g, w} = 1 \quad \text{ете } g(x) \in \|B\|^{M, g, w}$

ете $g(x)$ является мальчиком в w .

* Важно учитывать, что от мира к миру меняются денотаты выражений, составляющих наш словарь (прилагательных, существительных, глаголов) и предложений, их содержащих. Значения переменных (индивидуальных, предикатных и всех прочих) зависит только от функции g и не меняется при переходе от одного мира оценки, к другому. Значение индивидуальных констант (имен собственных), в силу аргументации Крипке (рассмотренной нами в лекции 5), также считается нами не зависящим от мира оценки (имена собственные – жесткие дисигнаторы, обозначающие одного и того же индивида во всех возможных мирах).

Поскольку мы рассматриваем систему, в которой интерпретация осуществляется посредством перевода выражений естественного языка в IL, то у нас запись по правую часть от равно в приведенных выше деривациях будет считаться записанной не в метаязыке, а в языке IL. В языке IL соответственно для каждого предиката появляется индекс относительно того мира, в котором его следует интерпретировать:

«мальчик» ---перевод---> « V_w » или « $\lambda_{x_e} . V_w(x)$ »

При этом нам следует оговорить одно обстоятельство. Обратите внимание, что «мальчик» в ЕЯ прописывается без указания на тот или иной мир, в котором его следует анализировать, а его перевод в ИЛ уже такое указание содержит. Мы оговаривает данное обстоятельство следующим образом: либо мы слово «мальчик» рассматриваем всякий раз применительно к тому или иному миру, в котором оно употреблено и тогда «мальчик» будет переводиться в « V_w » ете слово «мальчик» употреблено в w , или же естественно-языковое слово «мальчик» мы должны рассматривать как обозначающее *свойство* «быть мальчиком», т.е. функцию от возможных миров ко множествам мальчиков в этих мирах. Тогда переводом слова «мальчик» в ИЛ будет не выражение, обозначающее множество объектов, а выражение, обозначающее смысл или карнаповский интенционал, понимаемый нами, как было сказано выше, как функция от возможных миров к экстенционалам.

Мы здесь не будем усложнять себе жизнь и договоримся переводить выражения ЕЯ в выражения ИЛ, обозначающие экстенционалы, а не интенционалы.

1.4. Семантический тип для CP

Вернемся к нашей CP. У нас возникает *первый вопрос*: если CP обозначает пропозицию, понимаемую как функция от миров к истинностным значениям вложенного предложения в этих мирах, то каким будет семантический тип этого выражения? Мы ранее не имели дела с выражениями, обозначающими пропозиции, т.е. функции от миров к истинностным значениям. Не удивительно, что у нас не было и типов для таких выражений. Но если мы имеем дело с функцией от миров (а это всегда должно быть отражено в семантическом типе), то, значит, нам нужен тип для выражений, обозначающих возможные миры. В системе PM это тип s . Однако его отличие от уже известных нам типов e и t в том, что он не является самостоятельным. Тип s возможен в нашей системе только как часть составного типа. Общее правило для построения типов, которое мы ранее вводили лишь на доске во время семинара, выглядит так:

- (i) e и t – типы.
- (ii) Если α – тип, и β – тип, то $\langle \alpha, \beta \rangle$ - тоже тип.
- (iii) Если α – тип, то $\langle s, \alpha \rangle$ - тип.

Такое понимание типа s исключительно как производного вызвано тем, что выражений обозначающих миры в нашем формализме не будет. Нам нужны лишь функции от миров.

Исходя из сказанного, мы можем установить, что семантический тип для CP – это $\langle s, t \rangle$.

1.5. Перевод CP в IL

Следующий вопрос: каким будет перевод CP (1.2) «что Маша курит» в IL?

Мы знали, как перевести «Маша курит» в экстенциональную версию IL:

«Маша курит» ---перевод---> « $S(m)$ »

С учетом того, что теперь мы всегда указываем мир оценки выражения, то (договорившись, что наш действительный мир мы будем обозначать как w) приведенный выше перевод следует представить так:

«Маша курит» ---перевод---> « $S_w(m)$ ».

« $S_w(m)$ » означает конкретное истинностное значение.

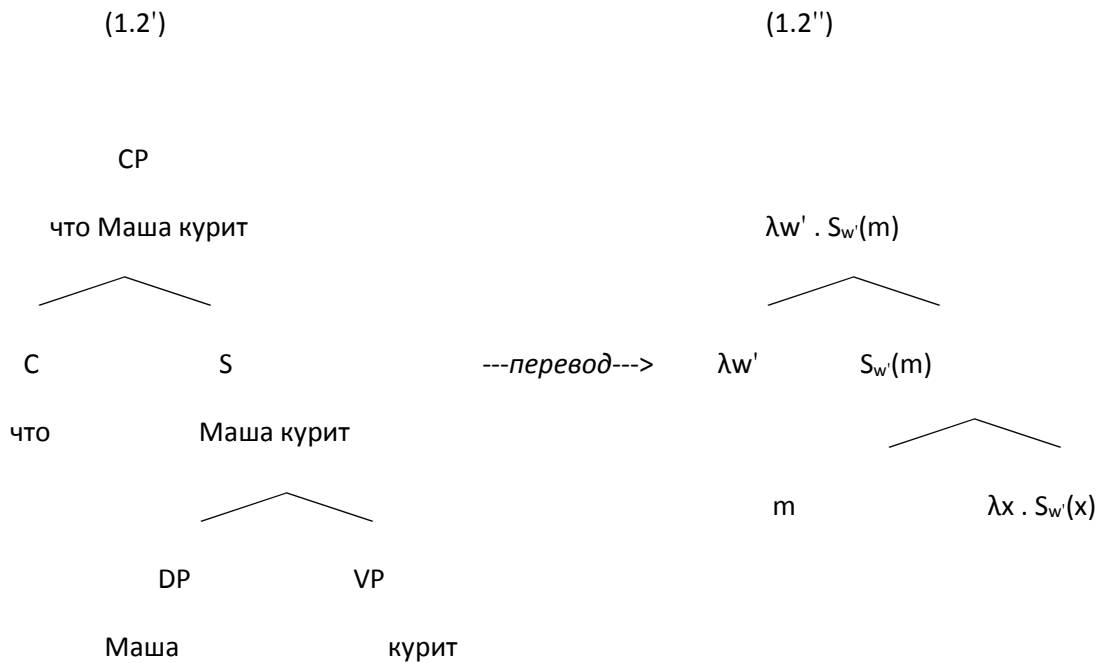
Но нам надо перевести «что Маша курит», и мы сказали выше, что придаточные предложения обозначают пропозиции, понимаемые нами, как функции от возможных миров к истинностным значениям. Поэтому если речь идет о функции, то мы уже знаем, что искомый перевод будет начинаться с λ . Если речь идет о мирах, то связывать λ будет переменную, стоящую на месте w в формуле « $S_w(m)$ » (вспомните операцию λ -абстракции).

«что Маша курит в w » ---перевод---> « $\lambda w' . S_w(m)$ »

Итак, наш искомый перевод в IL для CP выглядит так:

(2) $\lambda w' . S_w(m)$.

Соответственно, перевод в IL всей структуры, которую представляет CP, будет выглядеть так:

Обратите внимание, что комплементаризатор «что» интерпретируется как λ -абстракт, который сочетается с предложением, связывая содержащуюся в нем переменную по мирам, как это происходит при операции λ -абстракции.

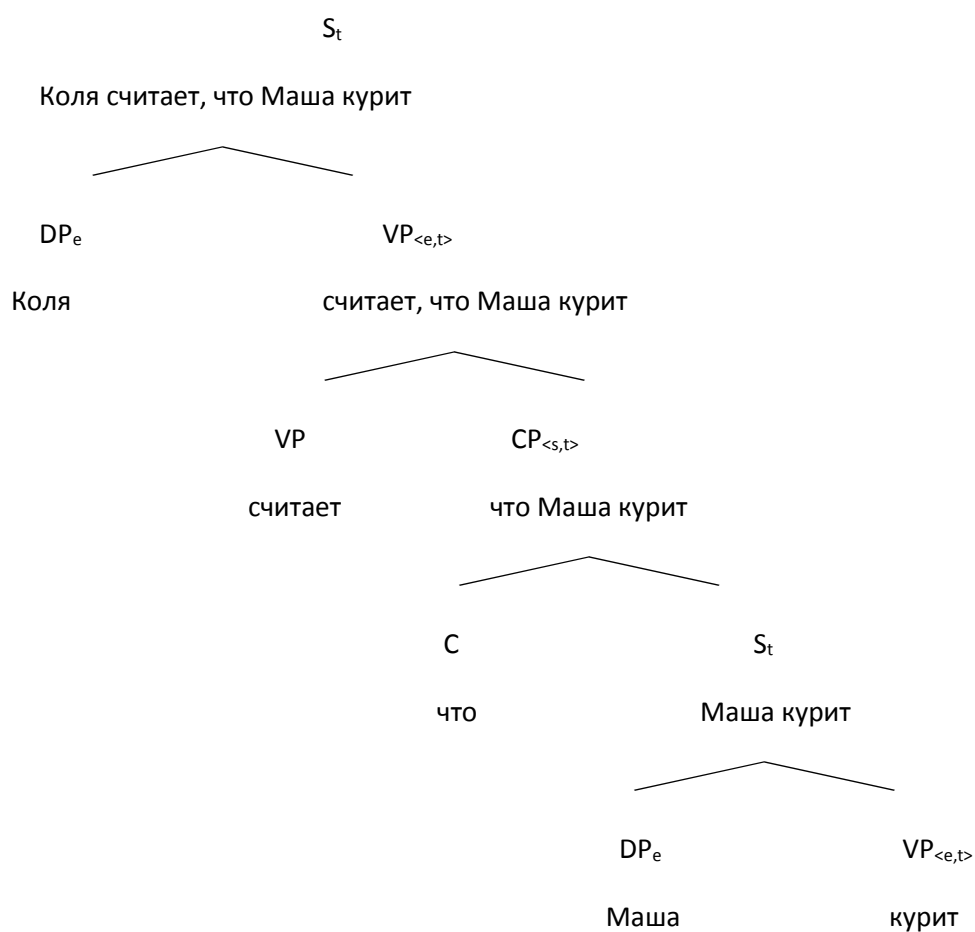
Мы разобрались в синтаксисе, в семантике придаточного предложения: ввели категорию CP, определились с тем, что подобные выражения обозначают, установили семантический тип для CP, построили перевод этой CP (1.2) в IL. Нам осталось разобраться с семантикой пропозиционального глагола, который берет придаточное предложение в качестве аргумента, и тогда мы сможем построить композиционную интерпретацию для всего предложения (1).

2. Семантика интенционального глагола

2.1. Семантический тип для VP «считает»

Вернемся к (1.1) и расставим для всех синтаксических категорий уже известные нам семантические типы:

(1.1)

Учитывая, что «что» интерпретируется как предикатный абстракт, мы не ставим тип для категории C ¹¹⁰. Имея опыт установления типов для ранее неизвестных нам синтаксических

¹¹⁰ Мы могли бы проинтерпретировать ее как индекс, подобно тому, как в предыдущей лекции при интерпретации структуры (2.2'), мы λ -абстракт интерпретировали как индекс. Здесь бы нам, правда, пришлось бы добавлять указание на то, какого рода переменную данный индекс связывает, ибо теперь у нас уже есть переменные не только по индивидам, но и по мирам: $s-1$ vs. $e-1$.

категорий, мы, учитывая что VP и CP сочетаются по правилу применения функции к аргументу, можем построить тип для VP самостоятельно. Это: $\langle\langle s, t \rangle, \langle e, t \rangle\rangle$.

2.2 Перевод интенционального глагола «считает» в IL

Теперь у нас возникает вопрос о переводе глагола «считает» в IL, т.е. о его интерпретации. На данном этапе вопрос, как я полагаю, уже не должен казаться совершенно неприступным. Мы знаем, что имеем дело с функцией от пропозиций (которые мы понимаем как функции от возможных миров к истинностным значениям¹¹¹) к множествам объектов (функциям от объектов к истинностным значениям). Значит, начало перевода вполне может выглядеть так:

«считать» ---перевод---> $\lambda p_{\langle s, t \rangle} . \lambda x_e . \underline{\hspace{2cm}}$,

где $p \in \text{VAR}_{\langle s, t \rangle}^{\text{IL}}$, т.е. пропозициональная переменная.

Мы знаем, что на месте прочерка в этой записи должно быть предложение (т.е. выражение с типом t). Мы также знаем, что в нем, так или иначе, должны присутствовать переменные p и x . Но как именно должно выглядеть это предложение? Я не буду здесь дальше заниматься майевтикой, а просто сформулирую этот перевод и дам к нему пояснения:

«считать»

---перевод--->

$\langle\lambda p_{\langle s, t \rangle} . \lambda x_e . p(w') = 1 \text{ во всех мирах } w', \text{ совместимых с верованиями } x \text{ в } w\rangle$ ¹¹²

¹¹¹ Как иначе можно представить пропозицию? (Подсказка: обычные предикаты мы интерпретируем как множества объектов или как функции от объектов к истинностным значениям.)

¹¹² Это пока еще не полностью корректный перевод, а скорее формулировка в естественном языке того содержания, которое должно быть выражено в искомом переводе, который дан ниже в (3.1). Спасибо А.Копыловой за замечание.

Итак, полностью наш искомый перевод VP «считать» в IL должен выражать следующее:

(3) $\lambda p_{\langle s,t \rangle} . \lambda x_e . p(w') = 1$ во всех мирах w' , совместимых с верованиями x в w .

Сначала поясним первую неизвестную нам ранее часть этого перевода, т.е. « $p(w') = 1$ ». Если мы говорим, что пропозиция некоторого предложения – это функция от миров к истинностным значениям, то, значит, если мы применяем пропозицию к возможному миру как функцию к аргументу, то получаем истинностное значение. Это и сообщает нам запись « $p(w') = 1$ » (или, иначе, « $[p](w') = 1$ »). В оставшейся части этого перевода речь идет о том, в каких именно мирах пропозиция p , будучи примененной к ним, должна давать значение 1. Данный вопрос потребует более подробных пояснений.

Когда мы говорим о веровании индивида x в пропозицию p , то для истинности этого нашего утверждения нам вовсе не требуется, чтобы $p(w') = 1$ для всех миров вообще (такое требование не выполняется ни для одной пропозиции, если, конечно, она не выражает ту или иную логическую тавтологию, истинную во всех возможных мирах (см. лекцию 3 – дополнение)). Мы, таким образом, вполне допускаем, что пропозиция p может отображать в 1 не все возможные миры, а лишь некоторые из них.

Далее. Нас даже не интересуют все те миры, которые p отображает в 1. Для истинности нашего утверждения о веровании индивида x в пропозицию p , нам нужно, чтобы эта пропозиция была истинна только в тех мирах (отображала в 1 только те миры), которые *некоторым образом связаны с верованиями индивида x* .

Эту связь Я.Хинтика (см. [Hintikka 1969], а также [Heim, von Stechow 2011]), который впервые построил семантику для интенциональных глаголов, выразил через так называемое отношение *совместимости* (compatibility).

Допустим, некто x имеет некоторые верования относительно того, как обстоят дела. Даже если сам x считает, что мир его верований – один единственный, то мы все же должны учесть то обстоятельство, что x , как и любой из нас, не всеведущ и не может представлять себе мир во всех его мелочах. Во всяком, даже представляемом, мире есть что-то (те или иные положения дел), о которых x не имеет однозначного верования, т.к. просто не задумывается о них. Например: наши верования относительно того, каков наш мир (тот мир, в котором мы живем) разные, но в каждом из них есть стена Московского Кремля. Вряд ли у кого-то из нас есть верование относительно числа зубцов на этой стене. Тем не менее, их число в нашем мире фиксировано (любой может пойти и сосчитать их при желании). Однако если у нас нет конкретного верования относительно их числа, то, значит, нашим верованиям, на самом деле, соответствует не один мир, а некоторый их набор (множество). В это множество может входить мир, в котором их число равно их числу в действительном мире. Также в него могут входить миры, где их на 1, 2, 3 больше или меньше. Общая идея здесь такова: если мы

посмотрим на любой из этих миров и признаем, что он полностью соответствует миру наших верований, то, значит, он будет совместим с нашими верованиями.

Именно о таком множестве миров, совместимых с верованиями x , и идет речь в (1): чтобы наше утверждение о том, что x верит в пропозицию p , было истинным, эта пропозиция, будучи примененной к какому-либо из миров, совместимых с верованиями x , должна всякий раз отображать этот мир в 1. Иными словами, множество миров, совместимых с верованиями x , должно быть подмножеством миров, которые p отображает в 1.

Последнее, о чем следует сказать, применительно к (3), это то, что в разных возможных мирах наш индивид x может иметь разные верования. Следовательно, для каждого мира w' , в котором x имеет те или иные верования, будет свой множество миров W' , каждый элемент которого, совместим с верованиями x в w' .

Данное обстоятельство мы тоже учитываем в (3), когда указываем, что речь идет о всех мирах w' , совместимых с верованиями x в мире w (т.е. в действительном мире, относительно которого интерпретируется наше предложение (1)).

Более коротко, (3) может быть записано так:

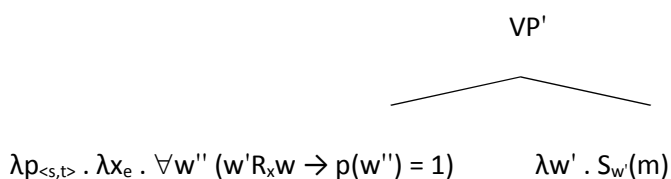
$$(3.1) \lambda p_{\langle s,t \rangle} . \lambda x_e . \forall w'' (w'' R_x w \rightarrow p(w'') = 1).$$

2.3 Завершаем деривацию значения (1)

Построив интерпретацию для глагола «считать» (т.е. предложив его перевод в IL), мы можем посмотреть, как его перевод сочетается с переводом придаточного предложения. Иными словами, мы можем проинтерпретировать (дать перевод в IL):

(1.3) считает, что Маша курит.

Обозначим предварительно перевод (1.3) как VP' . Тогда:

Используя правило FA (применение функции к аргументу) или, иначе, правило λ -конверсии, получаем следующую деривацию:

$$[\lambda p_{\langle s,t \rangle} . \lambda x_e . \forall w'' (w'R_x w \rightarrow p(w'')) = 1] (\lambda w' . S_{w'}(m))$$

$$\lambda x_e . \forall w'' (w'R_x w \rightarrow [\lambda w' . S_{w'}(m)](w'')) = 1$$

$$\lambda x_e . \forall w'' (w'R_x w \rightarrow S_{w''}(m) = 1)$$

Следовательно,

$$\text{«считает, что Маша курит»} \quad \text{---перевод---} \rightarrow \lambda x_e . \forall w'' (w'R_x w \rightarrow S_{w''}(m) = 1)$$

Как далее, сочетается эта полученная нами VP^1 с переводом DP, я думаю, вы сможете разобраться самостоятельно. (Сделайте это! Представьте полностью перевод (1.1) в IL.)

3. Заключение

Ура! Пройдя длинный путь освоения основ грамматики Монтегю, мы теперь можем композиционально интерпретировать весьма значительный фрагмент ЕЯ, в который входят глаголы пропозициональных установок. Это, помимо многого другого, дает нам и возможность строгой композициональной интерпретации естественно-языковых предложений, являющихся сообщениями о пропозициональных установках (propositional attitude reports), которые так важны для философии языка и которые мы так подробно исследовали на наших семинарах, читая работы Г.Фреге, Б.Рассела, У.Куайна и С.Крипке.

Наша следующая лекция будет посвящена тому, какие новые возможности дает нам этот подход для исследования классической для философии языка проблемы семантики сообщений о пропозициональных установках.

Литература:

Карнап 1959 - Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.

Митренина, Романова, Слюсарь 2011 - Митренина, Слюсарь etc. (про комплементаризм и клаузу) - Митренина О.В., Романова Е.Е., Слюсарь Н.А. Введение в генеративную грамматику. Москва, 2011.

Фреге 1892 - Фреге Г. О смысле и значении // Г. Фреге. Логика и логическая семантика. М., 2000.

Heim, von Fintel 2011 - von Fintel, K. and Heim, I.: 2011, Intensional Semantics Lecture Notes, Notes for class taught at MIT (available online).

Hintikka 1969 - Hintikka, Jaako. Semantics for propositional attitudes. In J.W. Davis, D.J. Hockney & W.K. Wilson (eds.), *Philosophical logic*, 21–45. Dordrecht: Reidel.

Дженнифер Лэки

Северо-Западный Университет

Коллективное верование: какие уроки мы можем извлечь из лжи и болтовни?

Введение

О группах и других видах коллективных сущностей часто говорят, что они во что-то верят. Например, в недавней статье в «Ежедневных Новостях Экономики» о том, что компания Бордерс отстает от своих конкурентов в отношении рынка электронных книг, сообщалось, что «вооружившись данными о 38 миллионах потребителей, Бордерс верит, что будет несложно захватить долю рынка».¹¹³ Конечно, верования приписываются не только корпорациям: мы также говорим о том, что правительство Соединенных штатов верит в то, что свобода речи защищается, Католическая церковь верит в непогрешимость Папы, а Гуманное сообщество Соединенных Штатов верит, что кошки и собаки должны быть стерилизованы и кастрированы.

В философской литературе были предложены различные объяснения феномена коллективного верования, каждое из них имеет свои преимущества и недостатки, которые также широко обсуждались. Но в этой статье я хочу сопоставить различные точки зрения в отношении к двум феноменам, которые совершенно выпали из этих дискуссий, а именно, феноменам коллективной лжи и коллективной болтовни. Я покажу, что хотя эти феномены игнорировались в литературе, посвященной коллективной эпистемологии, исследуя их, мы можем узнать многое о коллективном веровании.

1. Парадигмальный несуммирующий подход к коллективному верованию: теория совместного принятия.

Суммирующее объяснение коллективного верования:

Коллективное верование, что p , можно объяснить через верование индивидуальных членов коллектива, что p .

Консервативная версия суммирующего подхода:

Коллектив K верит, что p , если и только если **все или большинство** членов K верят, что p .

113

Либеральная версия суммирующего подхода (ЛСП):

Коллектив К верит в р, если и только если **некоторые** члены К верят, что р.

Возражения против ЛСП:

1. Про коллектив можно сказать, что он верит, что р, даже когда ни один конкретный член этого коллектива не верит, что р.

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ: Философский факультет в одном из ведущих университетов рассматривает вопрос о последнем кандидате, которому они предложат место в их докторской программе. После долгих часов дискуссий, все они совместно соглашаются, что Джейн Смит является наиболее квалифицированным кандидатом из всех абитуриентов. Однако, ни один член факультета, в действительности, не верит в это; на самом деле, все они думают, что это тот кандидат, который с наибольшей вероятностью будет одобрен администрацией.

2. Про коллектив можно сказать, что он не верит, что р, даже если каждый конкретный член этого коллектива верит, что р.

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ 2: Оказывается, что каждый сотрудник того же философского факультета, который был описан выше, верит, что лучший гумус с красным перцем в Чикаго можно купить в супермаркете ХолФудс. Несмотря на согласие индивидуальных верований в этом случае, неверно будет сказать, что философский факультет верит в то, что лучший гумус из красного перца в Чикаго можно купить в ХолФудс. Причина состоит в том, что оценка гумуса с красным перцем совершенно нерелевантна целям и задачам коллектива.

Несуммирующий подход к коллективному верованию:

Коллективное верование, что р, не сводимо к тому, что некоторые или все члены коллектива верят, что р. В некотором очень важном смысле, когда сам коллектив верит, что р, это понимается как что-то помимо и свыше или в каком-то другом смысле отличное от верования любого индивидуального члена коллектива.

Наиболее широко принятый несуммирующий подход к коллективному верованию можно назвать теорией совместного принятия (ТСП), удачное объяснение которого было предложено Маргарет Гилберт в следующем пассаже:

ТСП – Коллектив К верит, что р, если и только если члены К совместно принимают р. Члены К совместно принимают, что р, если и только если существует общее для К знание о том, что все члены К индивидуально намеренно и открыто выразили свое желание совместно с другими членами К принять, что р.¹¹⁴

Согласно теории совместного принятия, для того, чтобы коллектив верил, что р, условие о том, что каждый член коллектива верит, что р, не является ни необходимым, ни достаточным.

¹¹⁴ (Gilbert 1989, p. 306)

Проблемы теории совместного принятия:

МЕДИЦИНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ: Совет директоров Американской Академии Педиатрии собирается и принимает решение, что их официальная позиция состоит в том, что не существует каузальной связи между вакциной от кори, свинки и краснухи и аутизмом, которую они далее публикуют во всех своих материалах об иммунизации. Существуют серьезные, но не решающие, свидетельства, поддерживающие это заключение, и существует согласие, что преимущества вакцинирования намного перевешивают опасности, связанные с тем, что очень маленький процент детей в результате применения вакцины станут аутистами. Несмотря на это, все доктора, которые являются членами Американской Академии Педиатрии, признают, что свидетельства не являются заключительными, и имеют некоторые сомнения, которые не позволяют им индивидуально придерживаться верования о том, что нет каузальной связи между вакциной и аутизмом.

Туомела предлагает другую версию концепции коллективного принятия, которая сформулирована специально для того, чтобы избежать этой сложности ТКП.

Теория совместного принятия (ТКП2): Коллектив верит, что p , в социальных и нормативных обстоятельствах O , если и только если в O существуют действующие члены A_1, \dots, A_m коллектива K занимающие соответствующие позиции P_1, \dots, P_m такие, что

(1) агенты A_1, \dots, A_m , когда они реализуют свои социальные задачи на соответствующих позициях P_1, \dots, P_m и действуют в рамках соответствующей системы авторитетов K , намеренно совместно принимают, что p . Благодаря действию системы авторитетов, они должны продолжать принимать p и в соответствии с занимаемым положением верить в это;

(2) существует взаимное верование между действующими членами коллектива A_1, \dots, A_m в соответствии с которым реализуется (1)

(3) из-за (1) не участвующие в принятии решений (но полностью и адекватно информированные) члены K будут иметь тенденцию молчаливо принимать, или, по меньшей мере, должны будут принимать p , как члены K и

(4) существует общее верование в K о том, что (3).¹¹⁵

2. Коллективная ложь.

Парадигмальный пример коллективной лжи:

Табачная компания: Филип Моррис – одна из самых крупных табачных компаний в мире – знакома с огромным количеством научных доказательств не только того, что курение вызывает зависимость, но того, что оно связано с раком легких и болезнями сердца. Тогда как члены совета директоров компании верят в это заключение, они, будучи мотивированными финансовыми соображениями, все совместно соглашаются, что официальная позиция Филип

¹¹⁵ Tuomela 1992, pp. 295-6

Моррис будет состоять в том, что курение не вызывает зависимости и не является вредным для здоровья, которая затем публикуется во всех их рекламных материалах.

Я буду предполагать, что для того, чтобы солгать, коллектив К должен утверждать, что р, в то время, как К верит, что не-р, а также К должен иметь осознанное намерение обманывать.

Desideratum для коллективной лжи: адекватная теория коллективной лжи должна быть способна проводить различие между, с одной стороны, коллективным утверждением, что они верят, что р, и, с другой стороны, парадигмальными примерами коллективной лжи, что р.

Табачная компания Филип Моррис удовлетворяет условиям (1)-(4), что означает: что у них есть коллективное верование, что курение не вызывает зависимости и не является вредным для здоровья. Принимая во внимание, что сценарий описанный в ТАБАЧНОЙ КОМПАНИИ является парадигмальным примером коллективной лжи, а также то, что ТКП2 рассматривает это как обычный пример коллектива сообщающего о своем веровании, теория коллективного принятия не просто является неправильной, но является таковой в самой своей основе.

Существуют другие феномены, схожие с феноменом коллективной лжи, которые теория совместного принятия также не способна отличить от коллективного верования:

НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ: После разлива нефти в Мексиканском заливе BP начала процесс очистки через распыление диспергаторов, который широко критиковался экологическими организациями за высокий уровень токсичности. В ответ на эту критику, был собран совет директоров BP и его члены совместно постановили, что диспергаторы, которые они используют, являются безопасными и не представляют угрозы для окружающей среды. Эта точка зрения получила публичный характер, благодаря трансляции через все основные средства массовой информации. Оказывается, что совет директоров BP пришел к такой точке зрения, совершенно игнорируя истину, – просто на том основании, что она была связана с наименьшими финансовыми и репутационными потерями.

Сценарий в НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ является классическим примером феномена, который Гарри Франкфурт называл «болтовней», который он описывает следующим образом:

«Человек не может лгать, если он не знает истину. Болтовня вовсе не требует такого осознания. Человек, который лжет, таким образом реагирует на истину и в такой степени уважает ее. Когда честный человек говорит, он говорит только то, что согласно его верованиям, является истинным; также для лжеца необходимо, чтобы он рассматривал свои утверждения как ложные. Для болтуна, однако, все эти условия не имеют значения: он не находится ни на стороне истины, ни на стороне лжи. Его глаза не направлены на факты вообще, как глаза честного человека или лжеца, за исключением тех случаев, когда факты могут быть релевантными его интересу навязывания того, что он говорит. Ему все равно,

правильно ли описывает реальность то, что он говорит. Он просто выбирает это или придумывает исходя из своей цели».¹¹⁶

Тогда как коллектив в ТАБАЧНОЙ КОМПАНИИ верит в то, что курение вызывает сильную зависимость и приносит вред здоровью, но утверждает, что это не так с намерением обмануть, коллектив в НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ просто не верит в то, что диспергаторы, которые он использует, являются безопасными и не несут угрозу для окружающей среды, но все равно утверждает так, просто потому, что это служит его целям.

Это мотивирует второй desideratum для адекватной теории коллективного верования, который мы можем охарактеризовать следующим образом:

Desideratum коллективной болтовни: адекватный анализ коллективного верования должен быть способен провести различие между утверждением коллектива о том, что они верят, что р, с одной стороны, и парадигмальными примерами коллективной болтовни, что р.

3. Возражения и ответы

Возражение: Почему нельзя просто добавить условие к теории совместного принятия, согласно которому определенные виды мотивации необходимы для коллективного верования?

Ответ:

1. Каким могло бы быть такое условие? Это условие не может просто состоять в требовании, что коллективное принятие не было мотивировано намерением обмануть, поскольку такого намерения нет в случаях коллективной болтовни, однако в таких случаях все равно отсутствует коллективное верование. Оно также не может требовать, чтобы коллективное принятие не было мотивировано очевидным игнорированием истины, поскольку, как выразил это Франкфурт, лжец уважает истину – просто это уважение используется для того, чтобы скрыть истину от аудитории.

Возражение:

Возможно, совместное принятие должно быть мотивировано чувствительностью к истине или доступным свидетельствам или какой-либо другой эпистемологически релевантной характеристике.

Ответы:

1. Мотивацией для коллективного принятия в МЕДИЦИНСКОЙ АССОЦИАЦИИ является общее здоровье нации, а не чувствительность к эпистемически значимой характеристике. Принимая во внимание, что сторонник теории коллективного принятия рассматривает МЕДИЦИНСКУЮ АССОЦИАЦИЮ как классический пример коллективного верования,

¹¹⁶ Frankfurt 2005, pp. 55-6

добавление условия для коллективного верования, которому Американская Академия Педиатрии не удовлетворяет, вряд ли может помочь этой теории.

2. Верование, безусловно, может продуцироваться в результате пристрастного размышления, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, но очевидно, что позитивное эпистемическое требование не будет удовлетворено в таком случае.

Возражение:

Сторонник теории коллективного принятия может найти способ допустить коллективную ложь и коллективную болтовню в рамках своей теории. Например, в случае с ложью это можно сделать следующим образом: предположим, что когда данный коллектив размышляет о вопросе p или $\neg p$, члены совместно принимают, что p , но потом также совместно соглашаются распространить, что $\neg p$ с намерением обмануть публику. Таким образом, их коллективное принятие, что p составляет коллективное верование, согласно ТКП2. Это в сочетании с их согласием сообщить, что $\neg p$, с интенцией обмануть, представляет собой реализацию обоих условий традиционного понятия лжи.

Ответы:

1. Хотя этот описанный сценарий, безусловно, возможен, также возможно, что члены коллектива непосредственно переходят к совместному принятию, что $\neg p$, и потом распространяют это публично с намерением обмануть, как это происходит в ТАБАЧНОЙ КОМПАНИИ.

2. Ситуация даже хуже в случаях коллективной болтовни, поскольку кажется, что в рамках теории коллективного принятия не существует никакой возможности отличить ее от коллективного верования. Если коллектив совместно принимает что-то, но потом соглашается публично высказать что-то другое, то такой случай просто сводится к коллективной лжи. Если коллектив вместо этого совместно принимает пропозицию, явно игнорируя истину, то это просто оказывается классическим случаем коллективного верования для сторонника ТКП. В рамках данной теории просто не существует пространства для того, чтобы объяснить коллективную болтовню.

4. Другие несуммирующие теории коллективного верования.

Петтит предлагает нам рассмотреть случай с сотрудниками компании, решающими вопрос о том, следует ли воздержаться от увеличения заработной платы и потратить накопленные деньги на реализацию ряда мер безопасности на рабочем месте. Сотрудники должны принять решение на основе рассмотрения трех независимых вопросов: «во-первых, насколько серьезна опасность; во-вторых, насколько эффективны средства безопасности, которые бы можно было купить на ту сумму, которую удастся сэкономить; в-третьих, насколько сильно такая мера ударит по карману каждого конкретного сотрудника. Если сотрудник думает, что опасность достаточно серьезна, меры безопасности достаточно эффективны, а разница в оплате не сильно обременительна, то он или она будет голосовать за то, чтобы пойти на такую жертву; в

противном случае он или она будут голосовать против»¹¹⁷. Представьте сейчас, что три сотрудника компании голосуют следующим образом:

Опасность серьезна? Меры эффективны? Потери терпимы? Согласны вы пойти на это?

А.	Да	Нет	Да	Нет
В.	Нет	Да	Да	Нет
С.	Да	Да	Нет	Нет

Одна из процедур объединения этих данных, которую можно использовать для того, чтобы понять верование коллектива в этом случае, основана на посылках -- коллективное верование определяется большинством голосов в колонках для посылок. Согласно Петтиту, если коллективное верование определяется на основании того, как члены коллектива голосовали по посылкам, тогда коллективное заключение состоит в том, чтобы пойти на жертву, поскольку в каждой из колонок для посылок находится больше «да», чем «нет». В таком случае, «коллектив будет формировать суждение по вопросу о снижении динамики повышения оплаты, которое прямо противоречит единогласному голосованию ее членов»¹¹⁸. Основываясь на таких, как этот, примерах, Петтит заключает, что коллективы являются интенциональными субъектами, которые отличаются от и существуют «сверх и помимо» их индивидуальных членов.

Давайте сейчас рассмотрим следующий случай

ОБЪЕДИНЕНИЕ СУЖДЕНИЙ ТАБАЧНОЙ КОМПАНИИ: Члены совета директоров компании Филип Моррис обсуждают вопрос о том, является ли курение сигарет безопасным для здоровья курильщиков. Члены совета должны принять решения на основании рассмотрения трех различных вопросов: первый – поддерживают ли существующие свидетельства заключение о том, что нет связи между курением и раком легких; второй – есть ли основание думать, что курение не вызывает эмфизему; и третий – существуют ли данные, поддерживающие идею о том, что не существует связи между курением и сердечными болезнями. Если член совета думает, что существующие свидетельства поддерживают идею о том, что курение не связано с раком, не вызывает эмфизему и не связано с сердечными болезнями, то он или она проголосуют за то, что курение безопасно для здоровья курильщиков; в противном случае он или она проголосуют, что оно небезопасно. Члены совета проголосовали следующим образом:

	Не вызывает рак легких?	Не вызывает эмфизему?	Не вызывает сердечные болезни?	Безопасно для здоровья,
А.	Да	Нет	Да	Нет
В.	Нет	Да	Да	Нет
С.	Да	Да	Нет	Нет

¹¹⁷ Pettit 2003, p. 171

¹¹⁸ Pettit 2003, p. 183

После голосования члены совета решили, что по финансовым соображениям Филип Моррис опубликует во всех своих рекламных материалах, что курение безопасно для здоровья курильщиков.

Согласно Петтиту, один из способов определения коллективного верования представляет собой объединительную процедуру, основанную на посылках. Согласно данному подходу, в каждой из колонок, относящихся к посылкам, больше «да», чем «нет», таким образом, коллектив считает, что курение сигарет является безопасным для здоровья курильщиков. На самом деле, само решение Петтита для конфликта между индивидуальными верованиями и коллективным верованием в случае, который он изначально рассматривал, состояло в том, что хотя коллектив верит в то, что компания должна отложить рост зарплаты, чтобы потратить накопленные деньги на реализацию мер безопасности на рабочем месте, ни один конкретный сотрудник не верит в это. Сходным образом, тогда, заключение по табачной компании должно быть, что хотя компания верит, что курение сигарет безопасно для здоровья курильщиков, ни один конкретный член совета компании Филип Моррис в это не верит.

Случай, рассмотренный в ОБЪЕДИНЕНИИ СУЖДЕНИЙ ТАБАЧНОЙ КОМПАНИИ, интуитивно кажется парадигмальным примером коллективной лжи, однако в рамках рассматриваемой теории это считается стандартным примером сообщения о веровании коллектива? Чтобы усилить этот аргумент, мы можем представить, что члены совета проголосовали за «да» в колонках для посылок, будучи мотивированы отчасти экономическими соображениями. Например, возможно, что члены совета были склонны искать заключительные или точные доказательства, связывающие курение и рак легких, эмфизему или сердечные болезни, прежде чем голосовать в пользу «нет» в одной из колонок для посылок. Если бы экономические преимущества продажи сигарет отсутствовали, можно предположить, что их стандарты были бы ниже. Принимая это во внимание, сам факт наличия в каждой колонке для посылок больше «да», чем «нет», может быть в серьезной степени результатом финансовой выгоды, которую обещает минимизация рисков для здоровья, связанных с курением. Итак, хотя каждый конкретный член совета индивидуально верит, что курение является вредным для здоровья курильщиков, коллективная точка зрения компании Филип Моррис состоит в том, что это безопасно, и это коллективное верование объясняется желанием компании получить финансовую выгоду. Когда компания потом публикует эту точку зрения во всех своих рекламных материалах – вновь ради финансовой выгоды – это представляется классическим примером коллективной лжи, однако с точки зрения теории соединения суждений, это очевидно является примером сообщения о коллективном веровании.

Возражения:

1. Почему мы не можем просто объединить суждения членов совета через другую процедуру,

Ответы:

1. Ничего в концепции соединения мнений не исключает объединения, основанного на посылках, или диктует использование правила, основанного на заключении, в таком случае, как, например, рассмотренный в ОБЪЕДИНЕНИИ СУЖДЕНИЙ ТАБАЧНОЙ КОМПАНИИ.

2. Я утверждаю, что у несуммирующего подхода к коллективному верованию отсутствуют ресурсы для объяснения коллективной лжи и коллективной болтовни. Из процедур объединения суждений, рассмотренных в этой статье, единственная, которая поддерживает несуммирующий подход – это правило основанное на посылках. Если Петтит ответит на мои аргументы в пользу того, что несуммирующий подход не может объяснить коллективную ложь, указав на использование процедуры, которая поддерживает суммирующий подход, это вряд ли спасло бы теорию.

5. Суммирующий подход к коллективному верованию

Я буду защищать следующее необходимое условие для коллективного верования, которое я буду называть минимальным суммированием (МС):

МС – Коллектив К верит, что p , только если некоторые члены К верят, что p . Согласно МС, невозможно коллективное верование, что p , если ни один член К не верит, что p .

Я не буду утверждать, что индивидуальное верование, что p , является достаточным для коллективного верования, что p . Стоит отметить, однако, что мои основания для этого не имеют ничего общего с классическим аргументом против этого условия, который можно называть возражением от релевантности. Ранее мы кратко обсудили это условие: каждый член коллектива может верить, что p , но верование, что p , может быть совершенно нерелевантно целям и задачам коллектива. Мы рассматривали пример с философским факультетом и верованием о том, где купить лучший гумус.

Ответы на возражение от релевантности:

1. Я считаю, что в рассмотренном случае присутствует коллективное верование. Заметьте, однако, что есть разница между коллективом, имеющим верование, с одной стороны, и коллективом, имеющим релевантное или важное мнение, с другой. Обычно нерелевантное мнение представляет настолько маленький интерес для нас, что мы не приписываем его коллективу.

2. Тот, кто принимает возражение от релевантности, должен принимать контринтуитивное понимание коллективного верования. Например, организация PETA (Люди за этическое обращение с животными) может не верить, что «Гражданин Кейн» является лучшим фильмом всех времен в T1, но верить в это в момент T2, когда президент объявляет, что PETA с этого момента будет оценивать изображение животных в фильмах. Ничего не изменилось в психологии какого-либо члена коллектива или пропозициях, которые они принимают, однако у них сейчас есть верование, просто потому что было соответствующее объявление от президента коллектива.

Таким образом, мое основание для того, чтобы отбросить условие о достаточности индивидуальных верований членов коллектива, что p , не мотивировано возражением от

релевантности. На самом деле, я сомневаюсь, что можно предложить унифицированную теорию коллективного верования, поскольку есть существенные различия между совещательными и несовещательными коллективами, которые с наибольшей вероятностью будут выражены в дизъюнктивном взгляде, где одна часть дизъюнкции выражает коллективное верование первого, а вторая второго типа коллектива. Но более значимым является тот факт, что моей центральной целью является несуммирующий подход и метафизический багаж, который он несет, и все, что мне нужно сделать для того, чтобы реализовать задачу, – это защитить МС.

Защита МС

Поскольку главный источник поддержки МС является его интуитивная ясность, лучше всего будет продолжить рассмотрение возражений, которые могут возникнуть против этого подхода и показать, что они не работают.

Как мы видели, классическим контраргументом к МС является пример с философским факультетом, где коллектив решает, что некоторое верование будет их официальной позицией, несмотря на тот факт, что ни один из его сотрудников на самом деле не придерживается такого верования. Для простоты изложения я буду называть такие случаи официальной позицией. Я обсуждала случаи официальной позиции в отношении коллективной лжи и коллективной болтовни, и можно подумать, что они все еще представляют проблему для МС. Например, интуитивное описание ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА – состоит в том, что коллектив верит, что Джейн Смит является наиболее квалифицированным кандидатом для приема в докторантуру, несмотря на то, что ни один из сотрудников факультета верит в это. В таком случае тот факт, что эта ситуация структурно идентична коллективной лжи и коллективной болтовне не подрывает интуитивность этого описания. Другими словами, несмотря на сходство случаев, где коллективное верование явным образом отсутствует, ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ по-прежнему описывает сценарий, где коллективное верование, кажется, присутствует.

Ответ на ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ:

1. Мне совершенно не ясно, что интуитивный ответ на этой сценарий состоит в том, что коллектив верит, что p , хотя ни один индивидуальный член коллектива не верит, что p . Фактически есть множество других способов описать этот случай, которые вовсе не включают верование. Например, мы можем сказать, что официальная позиция философского факультета выражается в p или что философский факультет решил принять, что p , или что его публичная точка зрения, что p , и так далее.

6. Заключение

Несмотря на то, что социальные эпистемологи до этого момента фокусировали свое внимание на том, как коллективы могут верить во что-то и знать что-то, мы увидели, что внимание к более широкому ряду феноменов может пролить свет на природу коллективного верования. В частности, мы многое можем узнать, исследуя ложь и болтовню.

Идея немецкого университета

Фридрих Шлейермахер

нечаянные мысли о духе немецких университетов

(с приложением об одном из них - недавно учрежденном)

Написано в 1808 г.

Впервые опубликовано в 1808 г.

В переводе А.Ю. Антоновского

Предварение

Небольшое предисловие к небольшому сочинению. Пусть уже самим своим заглавием отвратит оно тех, кто по какому-то недоразумению искал бы здесь исчерпывающего научного рассмотрения нашего предмета. Но ложной скромностью было выдавать предлагаемое мною лишь за нечто случайное; как самомнением и пустым хвастовством было бы выражать в научной манере то, что родилось лишь по случаю и должно воздействовать соответственно. Дело это, конечно, требует строгого и основательного обсуждения; и то научное поле, на котором оно произрастает, не совсем чуждо автору, и он надеется, что большинство представленных здесь мыслей займут на нем свое место. При этом, однако, он нисколько не претендует ни на научную зрелость, ни на строгость изложения. Не притязая на эту степень совершенства, и раз уж представился такой случай, он предлагает мнение, составленное, насколько это было возможно, в жанре легкого наброска, в виде речи, не сложной для запоминания в эпоху, которая при всем разрушении столь многих древностей, способствует развитию и столь же многих ростков нового.

Тот, кому приходится участвовать в насаждении или обновлении научных учреждений, все же не способен целиком предвидеть то, сможет ли он изложить сам предмет, о котором он собрался дать совет, а также его отдельные части, в их подлинном соотношении. Уже довольно долгое время о нашем предмете высказываются противоположные мнения. Каждое из них, бесспорно, содержит в себе нечто истинное и достойного внимательного рассмотрения; но поскольку это всего лишь *одна* сторона, выделяющаяся в виду тех или иных предпочтений или в связи с некоторыми обстоятельствами, то все-таки представление о целостности, образующееся лишь из нее, оказывается неопределенным, произвольным и неестественным; ведь отдельные отношения никогда не смогут стать мерой самой вещи, да и не содержат в самих себе свою собственную меру. И как же трудно, к сожалению, избежать воздействия того или иного предпочтения, некоторого особого обстоятельства, а зачастую даже чужеродной потребности – на размышления тех, кто как раз и облечены полномочиями действовать!

Поэтому-то не должен встречать неприятия тот, кто возвышает свой голос и у кого есть время сосредоточиться на этом предмете, рассмотреть его со всех сторон – в его самых разных обликах, принимаемых им на протяжении длительного времени. Ведь там, где следует выстраивать новое, величайшее значение получает и постижение того, какое существо заключалось в прежнем, а что явилось случайным, а возможно даже основалось на заблуждениях и недоразумениях, и, следовательно – достойно отбрасывания, что и происходит во всех отраслях человеческой жизнедеятельности.

Такое рассмотрение лучше всего подходит для самих публичных выступлений, ибо оно составляется не для тех немногих, кому надлежит творить, преобразовывать и управлять этой сферой, но и для всех тех, кто принимает живое участие в этом деле. Всех их, поэтому, и приглашает автор присмотреться к его наблюдениям, и через это почувствовать в себе воодушевление к постижению этого предмета – к такому, как предлагает автор, или к лучшему, но, во всяком случае, – к более основательному, чем прежде.

Глава первая

Об отношении научного объединения к государству.

Можно исходить из почти всеобщей предпосылки, что люди обладают не только разного рода сведениями, но и некоторой наукой. Охота за ней, страстное стремление к ней проявляют себя повсеместно: даже среди тех, кто ведет свое дело большей частью согласно стародавним обычаям и апеллирует к предшественникам; но в этом нет никакого смысла, если бы не было заложено здесь некоторое смутное ощущение того, что предшественники, занимаясь тем, чем и мы, опирались не столько на чистое право обычая, но на некоторое более высокое основание. Как и те, кто способствует дальнейшему продвижению тех или иных людских дел, опираясь на силу чистого инстинкта, призывают других непременно объяснять свое поведение и понятно его обосновывать. Все это указывает на науку.

То, однако, что это не может быть делом отдельного человека, приводится к завершению и полностью вменяется только ему *одному*, но должно воплотиться в общем труде, где каждый вносит свой собственный вклад, так чтобы каждый в своем намерении зависел бы от всех остальных и мог единолично обладать лишь выделенной – при явной ее неполноценности – долей, - все это, безусловно и повсеместно, тоже должно проявляться в своей очевидности. И настолько точно все это сопрягается и проникает друг в друга в сфере знания, что можно было бы сказать: чем больше желаний изобразить нечто исключительно ради него одного, тем более непонятным и запутанным оно выглядит, ибо, строго говоря, все отдельное лишь в его сопряженности со всем прочим полностью доступно созерцанию, и поэтому образование каждой части зависит также и от образования всех остальных. Это необходимое и внутренней единство всей науки ощущается повсеместно там, где проявляются определенные стремления такого рода. Все научные усилия тяготеют друг к другу и сходятся к *одному*, и вряд ли найдется на каком-нибудь ином поле человеческих деяний столь широкая общность, столь непрерывно воспроизводящееся предание о первых началах, нежели на поле науки. Правда, и здесь распределяются и разнообразным образом разделяются человеческие усилия, и иногда то тут, то там даже подвергаясь насильственному и произвольному разрыву. И то, что подлежит научному рассмотрению, у различных народов одной и той же эпохи, чрезвычайно часто весьма незначительно связано друг с другом; но еще больше отделены друг от друга целые эпохи. От того, однако, кто этот предмет рассматривает в его целостности и здесь в таком поступательно развивающемся устремлении постепенно сводит воедино все разъединенное, не ускользнет главенствующая сила внутреннего единства.

И то, что какой-то человек науки способен жить отдельно от других, в уединении лишь своих собственных трудов и предприятий, является в этой связи лишь пустой видимостью. Напротив, первый закон всякого, направленного на познание устремления состоит в сообщении; сама природа во всей отчетливости воплотила этот закон в невозможности производить что-либо научно лишь для себя одного и вне языка. Поэтому исключительно из влечения к познанию, там, где оно действительно пробудилось, все связи, необходимые для его целесообразного удовлетворения, должны, словно сами собой, способствовать

разнообразнейшим формам сообщений и общности всех занятий; и было бы заблуждением полагать, что все такого рода учреждения, как это теперь представляют, могли бы быть лишь делом государства. Никто не может указать на то, откуда возьмется у него способность собирать воедино первоначально чрезвычайно рассеянное знание. Лишь там должны все образовательные учреждения иметь своим источником государство, где совершенно грубый еще народ управляется и организуется малой и образованной его частью, которая пока еще лишь стремится пробудить в нем это влечение к познанию. Стоит лишь посмотреть на то, как уже в лоне семьи, словно сами собой, образуются элементы обучения и общности этих знаний; и на то, насколько в целом сомнительны все более значимые специальные меры, возникают ли они сами собой, принимаются ли они государством или церковью. Разве не вытекает из всего этого, что мы, ради того, чтобы оставаться верными природе вещей, должны рассматривать все эти учреждения как нечто первоначальное, как возникающее из свободной склонности, из внутреннего влечения?

Но, конечно, чем активнее они формируются, тем больше требуется им средств поддержки, инструментов самого разного рода, полномочий для принадлежащих научному союзу, среди которых – и право контактировать с другими на законной основе. Всего это, конечно, можно испрашивать только у государства, и поэтому к нему обращено требование, признавать в качестве морального лица, терпеть и оберегать тех, кто объединился, как мы выражаемся, ради целей науки. Это ожидание несколько не выглядит чужеродным для немецких народностей и законодательств, ведь мы постоянно видим, что в этой среде для самых разных целей возникает и бытует множество свободных союзов, которые – пока они находятся вне подозрений, которые указывали бы на их противоправность, разрушительность для государства, и вызывали бы их преследования, – государство не только терпит, но и признает за ними и разного рода прерогативы, как это и должно приличествовать лицам коллективным, которые ведь более значимы, нежели лица отдельные.

Но как это многократно случается и с другими союзами, государство, убедившись в их полезности, постепенно настолько присваивает их и вбирает в себя, что через некоторое время уже и нельзя различить, возникли ли они свободно и сами по себе, или же были учреждены управляющими властями, – и как раз это-то, как мы видели, и происходит с союзами научными; но ведь каждый – если бы только не столь явно пережитый нами опыт! – мог бы засомневаться, действительно ли, при явной связанности всех научных устремлений одной и той же образованной эпохи, те из них, что возникли внутри некоторого государства, добровольно бы пожелали отделиться от всех остальных, и, напротив, пожелали бы столь жестко соединиться с государством, которое им собственно чуждо. И, правда, нет недостатка в столь же бросающемся в глаза противодействии научного союза подобной чрезмерно жесткой связи. Это, видимо, и есть истинный и естественный порядок вещей.

Для всех научных занятий, образующихся в области *одного* языка, характерно естественное близкое сродства, в силу которого они сопряжены друг с другом теснее, нежели с какими-нибудь другими, и поэтому-то и образуют свое собственное, некоторым образом замкнутое целое в пределах некоторого более значимого целого. Ибо то, что производится научно и изображается *одним* языком, причастно особой природе этого языка; и то, что самым непосредственным образом не относится к опытам и процедурам, необходимо тождественным и универсальным, как например, в области математики или экспериментального естествознания, – не может с такой же точностью переноситься в некоторый другой язык, и поэтому в силу этой связанности с языком образует внутри себя некоторую однородную целостность. Для ученых, правда, сохраняет свою необходимость задача нового снятия разделения между различными областями, преодоления языковых барьеров и сравнительного соотнесения друг с другом того, что посредством этих барьеров, казалось, было разъединено; задача, в которой научное рассмотрение языков, возможно,

обнаруживает свою высшую цель. Лишь эта задача, очевидно, является высочайшей для всего научного сообщества и, возможно, никогда не будет выполнена, но именно благодаря этому еще больше утверждается неизбежность его обособления. Если же мыслить научные объединения как возникающие – на всех этапах – из свободного влечения к познанию, то, прежде всего, становятся заметны их стремления объединяться настолько, насколько это позволяет область *одного и того же* языка. Это и есть самый тесный союз, а всякая выходящая за его пределы общность является лишь некоторой другой, более широкой.

Государству же представляется также очевидным, что всякие знания и даже науки суть нечто целительное и превосходное. И каким бы большим или малым ни было это государство, справедливо бы или несправедливо оно при этом ни поступало, оно всегда желает принадлежать самому себе: и как таковое оно может существовать лишь благодаря массивам сведений, которые по возможности сводятся в тотальность, по крайней мере, настолько, чтобы через живое чувство, потребность и благожелательное восприятие в нем бы оставался некоторый след от всех ветвей знания, некоторое осознание, хотя все-таки в силу своеобразности такого воплощения лишь небольшое из всего этого достигнет расцвета. По меньшей мере, благопристойная и благородная жизнь, если она не связывает с неизменно ограниченными умениями в области познания еще и некоторый всеобщий смысл, приносит государству столь же мало, сколь и отдельному человеку. Применительно ко всем приобретенным сведениям, как государство, так и отдельный человек, естественным и необходимым образом исходит из предпосылки, состоящей в том, что они должны основываться на науке и лишь благодаря ей могут преумножаться и уточняться. Поэтому государство пытается встроить себя в некоторую живую взаимосвязь со всем устремлениям, которые и приводят к такому усовершенствованию; оно вбирает в себя такие учреждения, которые оно само и должно было бы учредить, если бы прежде оно уже не обнаружила бы их; и поскольку научный союз тоже имеет потребность в получении защиты и покровительства со стороны государства, то и проявляют они обоюдное стремление к взаимопониманию и взаимному объединению. Государство, однако же, трудится лишь ради себя, оно, как это показывает история, первоначально проявляет чрезвычайно эгоистичным, а следовательно, и ту поддержку, которую оно предоставляет науке, желает сосредоточить внутри своих границ. Если же государство полностью наполняет собою область своего языка, то и более тесное научное сообщество уже не стремится вырваться за его границы; и так объединение между ними обоими осуществляется безо всякого раздора, быстрее или медленнее смотря по тому, является ли живым или же еще недостаточно осознанным убеждение обеих частей в том, как они нуждаются друг в друге и какое содействие способны они друг другу оказать. Если же государство не заполняет всецело область своего языка, то и оно, и научный союз связывают различный интерес со скрепляющим их объединением. Мужики науки желают использовать государство и его поддержку лишь для того, чтобы с гораздо большей эффективностью достигать своих целей в более обширной языковой области. Они не согласны признавать более узкие границы государства своими собственными; и хотя за его поддержку вынуждены оказывать государству известные услуги, рассматривают их как нечто второстепенное. Правительства же, напротив, испытывают друг к другу тем большую ревность, чем ближе они друг к другу расположены, и опасаются от ширкоустремленных научных связей безразличия к данному государству, а то и предпочтений, оказываемых чужим учреждениям, и иных вредных для духа подданных влияний; и поэтому делают все возможное для того, чтобы удерживать более тесный союз ученых в границах государства. И наоборот, если государство охватывало бы собою область нескольких языков: тотчас пригласило бы оно всех ученых со всей территории для тесного объединения и образования некоторого целого. Ученые же, очевидно, разделились бы на две партии, и каждый язык стал бы пытаться отвоевать благосклонность властителя, выражаемую по отношению к какому-то другому языку, а искреннее братство создавалось бы лишь среди тех, кто говорил бы на *одном* языке. О том, что является неестественным, если некоторое государство стремится

увеличиться, выходя за границы языка, утверждал недавно даже один великий государь, так что приходится только поражаться тому, насколько неотложной является данная необходимость, если она смогла привлечь даже такое ясное сознание, как его. Вопрос о том, является ли столь же неестественным, если область одного и того же языка распадается на столь многие малые государства, как это претерпевает Германия, мы оставляем открытым. По меньшей мере, представляется желательным, если они сохраняют имеющиеся связи, и неразумным, если каждое из них захотело бы владеть своими научными учреждениями замкнуто – лишь ради себя самого. Ибо лишь внешним и вынужденным будет образование последними некоторого целого, каковое выглядит тем комичнее, чем меньше государство, если это целое захочет полностью само себя формировать; согласно природе вещей эти научные учреждения всегда будут представлять лишь части более обширного союза, и чем больше стремятся они обособиться, тем большего благотворного влияния остальных частей они оказываются при этом лишены, а одновременно с ним – питания и здоровья. И действительно, пожалуй, ничего нет более удивительного и более далекого от требований общего блага, нежели то, когда какое-то немецкое государство обособляется вместе со своими научными образовательными учреждениями. Напротив, нигде более глубоко не проявляется сообщество, в котором должны состоять такие государства, кроме как в научных делах; и если естественное направление окажется таким, что и государства эти соберутся в *единство* подобному тому, как и язык становится все более *единым*, то в чем бы могло состоять более легкое, надежное и естественное предуготовливающее средство, как ни в научной области, которая пребывает в таком равном взаимодействии как государством, так и с языком, что могло бы послужить началом для учреждения самого многостороннего, самого верного и лишеного всякой зависти сообщества, благодаря которому яснее всего проявилось бы внутреннее единство внешним образом разделенного? И посредством чего же должно быть, наконец, ясно и беспристрастно решено, сколько еще продлится это обособление, и как далеко оно может заходить, как ни посредством по возможности самого широкого научного образования, несущего с собой благоразумие, не позволяющего ослепить себя никаким отдельным интересом и постепенно искореняющего мелочные страсти и предрассудки?

И все-таки мало кто из наших отечественных правительств удержался от совершения всевозможных ошибок в этом направлении; но вместо того, чтобы каждое из них холило бы и лелеяло у себя все, что только возможно, и повсеместно бы правительство и народ наслаждалось бы и пользовались сообща, радостно и гордо всем тем, что образуется где-то в пределах немецкого отечества, - верх берут, чем дальше, тем больше, две противоположные этому меры. Так, некоторые правительства состязаются друг с другом в том, чтобы все подвластные им образовательные учреждения превратить в сосредоточие всех научных сношений по всей Германии, озаботившись тем, как бы прельстить к себе все отмеченное наукой, пусть даже это и обеднит другие государства. Если бы только это было подлинное состязание, и не отставали бы даже от того, что было бы совсем несложно осуществить! Если при этом проявлялась бы добрая воля к сотрудничеству с меньшими государствами, не способными к великим свершениям, к поддержке их учреждений и совместному вознаграждению их талантов, не было бы тогда и серьезных возражений. Но первое их намерение проявляется как раз в том, что в удовлетворении своих научных потребностей всякое государство желает обособиться от всякого другого, между тем как подлинной независимости здесь можно достичь лишь в том случае, если каждое из них пропорционально и в полной мере вносит свой вклад в сохранение и умножение общественного блага, все остальное же – есть лишь надменное и порочное бахвальство. Ведь и через духовное превосходство жаждут стяжать государству больше мощи и уважения за пределами его собственной области. И пусть это есть самый мирный и прекрасный вид завоевания, все-таки и оно с легкостью подвергает науку той опасности, когда одни лишь деньги прельщают ученого мужа. И если эти завоевания проводятся несоразмерно естественной значимости государства или в мелочном стиле, то выглядит это все потешно и болезненно. Другая мера –

это те преграды для науки, что возводятся правительствами для ограничения или прекращения научных сношений с границей и препятствования их гражданам - в том виде, как им желательно, — участвовать в научных предприятиях соседних государств. И если происходит это в государствах, находящихся под властью церкви, что до недавнего времени имело место в большей части католической Германии, то это, к несчастью, еще раз доказывает их мрачное состояние. Если же на возведение такой преграды решается государство незначительное и окруженное более могущественными соседями, ощущающее, что следует напрячь все силы и употребить все средства к возможно долгому утверждению своей независимости от прочих, - то лишь достойны сожаления столь великие просчеты в столь похвальных намерениях, ибо духовная ограниченность, следующая из этого обособления, никогда не сможет ни укрепить, ни преумножить независимость. Если же, однако, даже и могущественное государство, с успехом осуществляющее такого рода завоевание, никак не удовольствуется уже достигнутыми свершениями в данном предмете, пока не заполнит недостающее, и в свою очередь учреждает преграды: то это есть очевидное проявление надменности, нелиберальности, низкой и алчной экономии, бросающее сомнительный свет на стремления к таким завоеваниям, и более чем что-либо другое заставляющее всех образованных людей нации ненавидеть подобное правительство!

Однако и еще в одном существенном пункте государство, вбирая в себя научные учреждения, усваивает совершенно иную точку зрения на то, как их направлять и упорядочивать, нежели ученые мужи, которые более тесно объединены друг с другом вокруг целей самой науки. Обе части, безусловно, были бы едины в том, что государство должно узаконить требования древнего мудреца в их в их подлинном духе, пусть и не первое из них: о том, что знающие должны властвовать; но второе: о том, что властвующие должны познавать. Государственные мужи, также и те из них, кто больше других способствует благоденствию общества, видятся себе самим и другим скорее похожими на людей искусства, нежели на тех, кто научно подходит к делу: руководя государством, праведно карая, нащупывая справедливое, порождают они неосознанное и придают ему облик умелой рукой по укорененному в них прообразу, как всякий художник — по своему. Это можно легко понять и искренне превозносить, вот и властвуют они не как знающие.

Но то, что это художественное чувство в наибольшей и точнейшей степени и разовьется у тех, кто-либо сам умеет научно рассматривать факты и опыт, или, по меньшей мере, использует их в изложениях тех, кто поставил это себе своей конечной целью;

и то, что государственному мужу, как и всякому, кому в порождении им чего-то художественного, приходится ради своих искусств непосредственно или опосредованно черпать и из сокровищницы науки, и он, безусловно, со своей стороны, в свою очередь обогащает себя через свои труды;

и то, что подлинные улучшения во всех отраслях государственного управления могут проводиться и развиваться с большей надежностью, если властвующие и, насколько это возможно, подвластные правильно понимают как подлинную идею государства вообще, так и идею этого конкретного государства, и способны применить их с осознанием примеров одного и того же по всей области истории;

и то, что, следовательно, поистине любыми способами следует знать, в каких случаях имеет место хорошее управление,

— все это надлежит признавать хотя бы потому, что опыт показывает, что если в какой-либо области отдаляются от этого понимания, в ней либо возникает состояние смятения и анархии, - как среди прочих царств в бывшей Польше, которая при обладании большим объемом

сведений почти не имела наук, - либо утверждается кастовый порядок, скудная эмпирия, жестко и боязливо приковывающая себя к традиции, в очевидной несоразмерности со всеми остальными лучше управляемыми и поэтому поступательно развивающимися отраслями. Однако именно это как раз чаще всего и отказываются признавать, но напротив ненавидят и страшатся того влияния, которое наука стремится оказывать на государство. Государство в этом случае естественным образом озабочено лишь непосредственным использованием сведений и в этом убеждено. Оно старается благоприятствовать пространному ознакомлению с фактами, явлениями и успехами всякого рода и, вбирая в себя научные учреждения, на это их преимущественно направлять. Напротив же, тем, кто свободно объединились ради целей науки, важно нечто совершенно иное, а не только одни лишь массивы сведений. То, что их объединяет, есть сознание необходимого единства всякого знания, о законах и условиях его возникновения, о его форме и проявлении, благодаря чему собственно и превращается в знание всякое восприятие и всякая мысль. И больше всего пытаются они пробудить и распространить именно это сознание, исключительно благодаря которому во всех сведениях и во всяком их преумножении возможно получить истину и достоверность. Поэтому, обладая лишь незначительной суммой сведений трудятся они с прицелом на то, чтобы придавать им этот научный характер. Там, где опыту дано лишь скуднейшее о предмете, вовлекают они его в область науки, выискивают единство в том, из чего постигается все многообразное, стремятся усматривать целое во всяком отдельном, и всякое отдельное, в свою очередь, – лишь в рамках целого. Так, и всякого человека, образовывать которого пытаются они в подобном же духе, но лишь в незначительной степени этим вооруженного, подводят они к главному пункту научного единства и формы, обучают его видеть этим способом, и отпускают его лишь после того, как укоренят в нем способность более глубокого всматривания в отдельное, ибо надлежит ему познавать все в более строгом смысле, а всякое иное накопление отдельных сведений было бы только лишенным достоверности блужданием на одном месте, мимолетная ценность которого состояла бы лишь в некотором улучшении управления. Государство же, напротив, с легкостью ошибается в значении этого устремления, и чем громче эта спекуляция, - так мы всегда будем называть то, что, основываясь на преимущественно научном рассмотрении, соотносится лишь с единством и общностной формой всякого знания, - и чем звучнее она себя проявляет, тем интенсивнее стремится государство ее ограничить и употребить все свое влияние, как благоприятствующее, так и препятствующее, к тому, чтобы способствовать поиску лишь реальных сведений, накоплению всего действительно выявленного, даже и вне всякого отношения к тому, несет ли оно на себя отпечаток науки или нет, к тому, чтобы придать этому видимость единственно подлинных плодов всех восходящих к познанию устремлений.

Научный союз должен неизменно стремиться к этому курсу, и его более благородные члены жаждут, по возможности, трудиться ради независимости от государства - отчасти выводя их объединение из под власти и установлений государства, отчасти пытаясь усилить свое влияние на него. Там, где это возможно, прививают они государству более достойный и более научный тип мышления; там же, где это невозможно, там стараются они, чем дольше, тем больше утвердить по отношению к себе уважение и доверие. Однако, чем крепче вплетены научно-образованные люди в ткань государства – настолько, что политическое у них перевешивает научное, не доходящее до его ясного осознания, тем скорее покоряются они этим политическому вмешательству; и чем теснее привязываются обе эти части друг к другу, тем сильнее изолируется эта часть некоторого более широкого национального научного союза от всех остальных, более твердо придерживающихся своеобразности собственных принципов, и низводится до употребления в качестве чисто государственного учреждения. Преимущественно там, где государство уже сплотило совокупную область языка в *одно* целое, и приобрело, следовательно, большую мощь и блеск, это сражение обычно заканчивается не в пользу науки. Если же возникает желание признать некоторые преимущества и за состоянием противоположным, то, безусловно, ничуть немаловажно и то,

что государство хотя бы в этом отношении предоставляет науке большую свободу, пусть даже и исключительно ради самоукрашения при ее помощи.

Нам придется чаще возвращаться к тому, что лишь бегло намечено в этом изложении; ибо, упуская из виду эти выдающиеся моменты взаимодействия государства и науки, нет возможности постичь и судьбу внешних отношений последней или решить известную задачу прокладки путей установления надлежащей пропорции между государством и наукой. По крайней мере, можно будет понять, почему государство обычно обходится с университетами именно так, как мы это видим, и почему последние так сильно жаждут независимости от него и как благоприятнейшее рассматривают состояние, когда государство в наименьшей степени вмешивается в их управление. Но сначала следует посмотреть на то, какое место занимают университеты в научном союзе и какая деятельность является для них наиболее предпочтительной.

2. О школах, университетах и академиях

Под академиями понимается здесь то, что называют учеными обществами самого разного рода, а также та связь, в которую им надлежит вступать друг с другом, и в которую они, конечно, внутренне уже вступили. Под школами же мы мыслим здесь лишь те, которые, по меньшей мере, могут быть рассмотрены как непосредственно возникшие из потребности и влечения к познанию, то есть лишь такие ученые школы, которыми обязательно руководят исключительно научно-образованные люди и в которых преподаются сведения, непосредственно принадлежащие научной области.

Итак, это и есть те три главные формы, в которые принимают теперь все объединения, созданные для производства науки. Правда, в последнее время в Европе их можно встретить повсюду, но, пожалуй, именно Германию можно рассматривать как сосредоточие образования, поскольку в других странах отдельные формы, в особенности школы и академии, хотя и приобрели большое значение, тем не менее, нигде, кроме как у нас, все три из них не сопутствуют друг другу в столь чистом виде. Можно было бы, пожалуй, сказать, что весь этот раскрывающийся здесь тип является изначально немецким, и точно следует за формированием остальных, рожденных в Германии отношений: школы как сотрудничества мастера и его ученика, университета с его учащимися и академий как собраний мастеров между собой. И все же большинству из тех, кто пропитан глубочайшим презрением ко всякому цеховому устройству, все это истолкование – в том числе и того, что еще только предстоит описать, – покажется темным, хотя научные учреждение вовсе не умаляет данное сопоставление с этими разнородными формами, в основании которых ведь все-таки лежит и столь многое прекрасное. Итак, лучше будем рассматривать эти три объединения – школу, университет и академию – каждое по отдельности, и зададимся вопросом о том, что представляет собой каждое и как они между собой взаимосвязаны. Ибо, не поняв всех трех, вряд ли удастся достичь единства в вопросе о сущности и целесообразном учреждении какого-то одного.

Наука, как она существует в виде общего дела и владения целого множества образованных народов, должна давать образование конкретному человеку; конкретному же человеку на его собственном участке, в свою очередь, надлежит содействовать дальнейшему образованию науки. И то, и другое суть учреждения, к которым восходит всякое общественное деяние в этой сфере. Легко увидеть, как первое из них получает полное преобладание в школе, а второе, напротив, – в академии. Школы поэтому имеют полностью гимнастический характер – упражнения сил – и по праву носят это чужое для них название¹. Они примут юношу

¹ Скорее всего, подразумеваются гимназии – прим. перев.

лучшей природы и в выдающейся степени одаренного, внушающего предположения о его возможной восприимчивости к науке или, по меньшей мере, о его полезных способностях перерабатывать массивы сведений, и всеми способами постараются испытать, действительно ли он таков. Но двояким образом должно проявиться то, способен ли некоторый человек к такому более высокому образованию: с одной стороны, определенный талант, приковывающий его к конкретному полю познания, и всеобщее чувство единства и пронизывающей связи всякого знания, с другой, образуют систематически-философский дух. И то, и другое должно соединиться, если стремится человек к образованию в себе чего-то выдающегося. Ведь и очевиднейший талант не получит вне этого духа никакой самостоятельности и не сможет далее процветать, а превратится в искусный орган восприятия других, тех, кто обладает этим научным принципом. И систематический дух, лишенный определенного таланта, способен лишь вращаться со своими продуктами по некоторому весьма тесному кругу, и в удивительных перегибах, повторях и преобразованиях постоянно черпать из одного и того же высшего всеобщего, ибо тогда он был бы мастером без материала.

Но это не препятствует тому, что при объединении обоих составляющих, у одних бы преобладал талант, тогда как у других – всеобщий научный дух. Где, однако, и то, и другое не наличествуют в превосходнейшей степени, необходимой для их полного пробуждения и прояснения, там проявляется большая или меньшая нужда в намеренно вносимом их возбуждении, в их искусственном возделывании. Итак, школа должна воздействовать на то и другое. С одной стороны, на элементарном уровне она должна показывать целостное содержание знания в его важных общих чертах, так чтобы всякий дремлющий талант мог почувствовать влечение к своему предмету, с другой же стороны, ей следует выделять и рассматривать с самым усердным прилежанием в особенности то, в чем прежде и яснее всего может быть усмотрена форма единства и взаимосвязи науки, как и то, что на том же самом основании одновременно являет собой всеобщее вспомогательное средство для всякого остального знания. По этой причине грамматика и математика являются главными школьными предметами, и я бы сказал: единственными, преподавание которых может вестись с отголоском научности. Вместе с тем, однако, и школа должна с методичностью так упражнять все духовные силы, чтобы они приняли определенные очертания и ясно показали их различные функции, и должна настолько укрепить эти силы, чтобы каждая из них была способна с легкостью в полной мере овладевать некоторым данным ей предметом. Воздействовать на это, объединяя эти силы простейшими и надежнейшими операциями, и есть задача школ. Безусловно, ни одна из них, даже и при наилучшем устройстве и руководстве, не сможет достичь во всем равного совершенства, но каждая завоевывает больших преимуществ либо в одной, либо в другой из этих частей. И тем более необходимо никогда не упускать из виду эту общую цель – с тем, чтобы каждая школа на пути к соответствующей ей виртуозности была бы способна охранить себя от порочной односторонности; и тем настоятельнее потребность в высшем всеобщем управлении, чтобы каждое такое учреждение в полной мере приносило бы пользу для научной области, которую оно только способно предложить.

В академии, напротив, мастера науки объединяют свои усилия; и пусть и не все могут быть ее членами на одинаковый манер, но каждый, по меньшей мере, должен ею репрезентироваться, и среди членов и остальных ученых мужей с достойными именем, складывается настолько живительная взаимосвязь, что труды академии действительно могут рассматриваться как их общее произведение. Каждому должен стремиться к тому, чтобы принадлежать этой взаимосвязи, ибо тот талант, который кто-то образует в себе самом, был бы все-таки ничем для науки без добавления остальных. Поэтому и образуют все они некоторое целое, ибо ощущают себя как одно благодаря живому чувству и ревностному служению делу науки вообще, а также благодаря пониманию необходимой связанности всех частей науки; но

именно поэтому и вновь разъединяются они на различные подразделения, ведь каждая ветвь знания нуждается и в некотором еще более тесном объединении для его основательной и целесообразной переработки. Чем тоньше и многообразнее это разветвление и чем живительнее при этом единство целого, не утерявшее себя в некоторой форме, так что во всяком отдельном сопричастности прогрессу целого и усердие к своему особому предмету взаимно подкрепляет друг друга и следовательно, легче всего поддерживается теснейшая общность между различными частями науки в лоне Академии, - тем совершеннее учреждение целого.

Как много академий должна иметь Германия в соответствии с этой идеей? Одну, в крайнем случае, две: одну северную и одну южную, которые, однако, должны пребывать в теснейшей связи друг с другом и повсеместно пускать дочерние отростки – отчасти, там, куда естественным образом стекаются ученые мужи всякого рода, отчасти, там, где место оказалось превосходно подходящим для некоторой особенной научной области. Пока такого объединения, к которому все стремится по самой природе вещей, еще не произошло, наши раздробленные ученые общества могут рассматриваться лишь как обломки и лишь через оживленнейшие сношения друг с другом способны сохранить до указанного момента, который, возможно, уже не так далек, такое свое состояние.

С этим воззрением на школы и академии согласуется и система работы этих учреждений. Путем публичных экзаменов школы объявляют конкурсы, имеющие исключительно гимнастический характер и могут лишь показать, насколько интеллектуальные силы натренированы для работы со знанием. Заниматься литературным производством как таковым, однако, им вовсе не подобает, ибо не должно публиковаться ничто из того, что не оказывает содействия продвижению науки. Поэтому в программах или проспектах их директоров неизменно усматривают несоответствие – и в тех случаях, когда они вообще не заслуживают того, чтобы их составлять, или в тех случаях, когда уделяется в них внимание, прежде всего тому, что для публикации никак не подходит. Поэтому во многих отношениях превосходным знаком школы является то, что таковая продукция изготавливается вовсе не ею. Напротив, именно от каждой академии требуется порождать труды, причем не огромные и охватывающие целое или даже революционные книги, но собрания сочинений, освящающие отдельные, еще не исследованные предметы, излагающие собственные открытия, раскрывающие и проверяющие только что изобретенные методы. Ибо именно делом академии является содействие наукам, уже достигшим известной степени обширности и достоверности путем многочисленных небольших исследований; и чем больше содержательности и взаимосогласованности показывают они в своих трудах, тем большие заслуги им приписывают. В том же смысле требуется от академии в решениях задач обращаться за помощью к тем, кто не принадлежит ее центру: частью, в таких отдельных случаях, когда не может быть произведено достаточно опытов, или же тогда, когда требуются исследования, невозможные в каком-то произвольном месте, - и поэтому действительные ее члены справедливо исключаются из участия в конкурсах, - частью же, для того, чтобы выяснить, кто из еще не принадлежащих ей, серьезно и успешно занимается научными предметами в отдельных областях, и чтобы тем самым время от времени включать достойных товарищей в свои ряды.

Но что же есть тогда университет – меж ними двоими, школой и академией? Можно было бы предположить, что обе последних без остатка охватывают все научные учреждения, и университеты оказываются среди них совершенно лишними. Так, конечно же, судят многие из нас – но вряд ли в подлинно немецком духе; ведь этот взгляд господствует в некотором другом народе, который – чем больше он консолидировался в себе самом, тем больше из него уходило то, что выглядело подобно университету, и ничего не осталось кроме бесконечного числа школ и академий в их разнообразнейших формах. Но только при этом очевидно не

замечают один весьма существенный пункт. В школе получают лишь сведения как таковые; школы лишь предваряют пробуждение взглядов на природу познания вообще, научный дух, способности к открытиям и собственным комбинациям, но все это не входит в само школьное образование. Академии, однако, должны предполагать наличие всего этого у своих членов; лишь исходя из центрального основания некоторой общности и благодаря его осознанию желают они развивать науку – об этом говорит вся их организация, даже если она и не находит повода заявлять об этом в явной форме; но и ведь и это может осуществляться лишь некотором взаимосогласованном образом. Какими же пустыми должны были бы быть труды академии, если она всякий раз обращалась бы к одной лишь эмпирии и не задумывалась бы о принципах в каждой науке! Насколько же пустой была бы сама мысль о совместном содействии развитию всех наук, если бы, в свою очередь, эти принципы не были бы взаимосогласованы и не образовывали бы *единого* целого! И насколько жалкими были бы рассуждения, если бы не было единства среди членов академии по поводу всех этих принципов. Итак, очевидной предпосылкой является то, что каждый член академии находит взаимопонимание между ним и остальными по поводу философских принципов его науки, каждый исследует свой предмет в философском духе, и именно этот последний – во всех предметах равный себе – дух в брачном союзе со всяким отдельным своеобразным талантом только и делает его подлинным членом объединения. Должен ли этот дух нисходить на человека внезапно как сон? Должна ли научная жизнь возникать из ничего, отличаясь в этом от всего остального, возникающего через его порождение другим? Почему лишь она одна в своих первых нежных выражениях не должна нуждаться в какой-либо заботе, и каком-либо воспитании? Здесь-то и кроется сущность университета. Ему-то и вменяются эти порождение и воспитание, и этим образует он переходный пункт от этапа, в котором через передачу сведений и собственно учебе молодежь возделывают для науки, к этапу, когда человек в расцвете сил и полноте научной жизни отныне сам проводит исследования, расширяет и приукрашает область познания. Университет, следовательно, преимущественно имеет дело с введением в некоторый процесс, с надзором над его первыми ступенями развития. Но ведь это, не больше, не меньше, - есть совершенно новый процесс духовной жизни. Пробудить идею науки в некоторых более благородных юношах, уже вооруженных разного рода сведениями, помочь ей овладеть ими именно в той области познания, которой он хотел бы посвятить себя с особым рвением, так что для него становится естественным рассматривать все и вся с научной точки зрения, усматривать во всяком отдельном не только его само, но и его ближайшие научные отношения, внося его в великую связь в неизменном отнесении к единству и всеобщности познания, с тем чтобы научились они в любом размышлении осознавать и основоположения науки, и именно благодаря этому постепенно вырабатывать в себе саму данную способность исследования, открытия и изложения, - вот в чем состоит дело университета. На это указывает и его собственное название, ибо именно здесь собираются не просто многие – пусть разнообразные и более высокие – сведения, но должна быть представлена целостность познания благодаря тому, что принципы и равным образом структура всякого знания наглядно представлялись бы таким способом, чтобы из этого возникала способность обращать свои усилия во всякую область знания. Именно этим объясняется то короткое время, которое каждый затрачивает на университет в сравнении со школой; речь не о том, что для изучения не всего, а части требуется меньше времени, а о том, что научиться учиться - можно быстрее; ведь собственно проводимое в университете время есть лишь *один* момент, *один* акт, который как раз и пробуждает идею познания, высшее сознание разума как руководящий принцип человека. На это указывают все те особенности, которые университет отличают, с одной стороны, от школы, с другой – от академии. В школе по закону наименьшего сопротивления переходят от чего-то одного отдельного к другому, и мало озабочены тем, осуществляет ли каждый еще и нечто всеобщее. В университете, напротив, все очень пекутся о том, чтобы в каждой области как необходимейшее продвигалось бы энциклопедическое, всеобщее рассмотрение той или иной сферы и взаимосвязи, и становилось бы основанием всего преподавания. И главные труды

университета как такового суть учебники, компендиумы, конечная цель которых состоит не в исчерпании и обогащении науки по отдельности, – где при отборе не получают предпочтение ни легчайшее, ни труднейшее или редчайшее, – а в служении более высокому воззрению, в систематическом изложении, где выделяется именно то, что понятнее всего представляет идею целого, и то, благодаря чему всякая сфера и внутренняя связь получают наибольшую наглядность. Далее, в академиях наибольшее значение имеет то, что отдельное разрабатывается с максимальной точностью и является правильным в области всех реальных наук; напротив, чистая философия, спекуляция, обращение с единством и связью всех видов познания и природой самого познания полностью отступают на второй план. Но, конечно, это не являются чем-то незначимым для реального знания, или даже самим по себе негодным и ничтожным. Ведь сколько ни утверждай обратное, всякое отдельное знание неизменно покоится на таком всеобщем; без спекулятивного духа не существует и порождающей науку способности, и все это настолько взаимозависимо, что тот, кто не образовал в себе никакого определенного философского типа мышления, не породит самостоятельно и ничего дельного и самобытного в области науки, но всегда – осознанно или неосознанно, даже и там, где открытия вызваны его удивительным инстинктом, – будет зависеть от некоторого спекулятивного направления разума, который со всей очевидностью проявляется, возможно, лишь в других. Кроме того, всякий философский тип мышления, как он выражен в языке, в методе, в способе изложения, присутствует во всяком научном произведении. Но именно потому и отступает здесь философия на второй план, что если развитию наук должна оказываться общая поддержка, то все чисто философское уже должно быть приведено к истинному состоянию, так чтобы уже почти и нечего было больше об этом сказать. Правда, эта предпосылка, кажется, до сих пор не была до конца обоснована никем из нас, и, пожалуй, не слишком бы много мы и уступили, если бы признали, что подобное полное единение и удовлетворение от предметов философии никогда не может быть доведено до завершенности даже и в рамках *одного* народа, если он действительно серьезно этим озабочен, но осуществляются лишь через поступательное приближение и согласование. Однако всякая академия делает необходимой такую предпосылку, по меньшей мере, настолько, насколько для нее становится естественным рассматривать как самое главное то, что в данном отношении уже свершилось, а то, что еще осталось совершить – как менее значимое. Академия может включать в себя спекулятивное подразделение лишь в том смысле и тогда, когда оно – при условии наличия в рамках *одного* народа лишь *одного* философского типа мышления – выражает единственность того, что в различные эпохи проявлялось различным образом; высвечивает противостоящие друг другу дифференции одной и той же эпохи, что весьма свойственно для философии и все же оказывается аргументом против философии, и обнажает всю их слабость; короче говоря, тогда, когда посредством исторического и критического исследования того, что уже наличествует в этой области, способствует вышеуказанному приближению и самопониманию нации. Но все-таки, видимо, академии не приличествует производить самой и самой прокладывать новые пути в собственно философской области. И напротив, является общепризнанным, что в университете изучение философии есть основание всей его деятельности; и поскольку именно эти высшие воззрения преимущественно и должны там преподаваться, причем самым индивидуальным образом, то и излагать их следует в их отличности от всего того однородного, что существует наряду с ними, – и поэтому именно в университетах и между ними имеют место те философские разногласия, на основании которых чаще всего и образуются философские школы.

Итак, университет – в реализации его главной цели – есть нечто совершенно самобытное, по своей сущности равным образом отличное и от школы, и от академии; и лишь внешне – что означает не случайно, но в том смысле, что для всего внутреннего необходимо существует и внешнее, – внешне и столь же необходимо имеет университет и нечто схожее с обеими; ведь в противном случае существовали бы удивительные разрывы в научной жизни отдельных людей. Научный дух как высший принцип, непосредственное единство всего познания не

могут освещаться и раскрываться лишь сами по себе, – скажем, как в чистой трансцендентальной философии: призрачным образом, – что многие, увы, уже пытались осуществить, породив привидения и зловещие сущности. Невозможно и вообразить более пустого мышления, чем философия, которая обнажает себя до такой чистоты и ожидает, что реальное знание – как некое более низкое, возникнет и будет получено где-то еще; и не было бы, пожалуй, ничего более бесплодного для науки, чем занимать молодежь в их прекраснейшие годы философией, которая не давала бы никакого определенного руководства для будущей научной жизни во всех ее предметах, но в лучшем случае служила бы для очищения головы, что обычно восхваляют уже применительно к простой математике. Но лишь в ее живом влиянии на всякое знание, лишь в самой своей плоти, которая и есть, одновременно, реальное знание, философия дает возможность постичь и изложить себя и этот ее дух. Поэтому в университете преподаются и сведения – отчасти, более высокие, а также иные, которые никак не могут входить в школьный план. Отсюда проистекает и доучивание, а университет, одновременно, оказывается и последней школой (Nachschule). Но в то же время является он и предакадемией (Vorakademie). Научный дух, пробужденный философским преподаванием, укрепившийся и проясненный благодаря новому восприятию из некоторой более высокой позиции уже изученного прежде, должен согласно своей природе тотчас начать испытания и упражнения своих сил – тем, что исходя из такого срединного положения все глубже внедрялся бы в отдельное, чтобы исследовать, соединять, порождать собственное и, обосновывая его правильность, на деле доказывать достигнутое понимание природы и связь всякого знания. В этом и состоит смысл научных семинаров и практических занятий в университете, которые несут в себе целиком академическую природу. Поэтому оба этих названия вновь обыгрываются применительно к университету, называемому часто и высшей школой и академией. Поэтому непониманием было бы утверждение о том, что университеты-де не должны иметь такого рода учреждений, принадлежащих будто бы исключительно академиям.

И, как это вытекает из наблюдения его основных черт, в существенной части данное отношение трех различных учреждений, видимо, служит общей цели; и действительно, при их удачном обустройстве и правильном взаимопроникновении – таком, где бы ничего бы не отсутствовало, эта цель будут полностью достижимой. Однако тем бесплоднее является положение, где они не распознают свою область и свои границы. Бесплодным является и то положение, когда школы берут на себя слишком много и заигрывают с философским преподаванием ради создания обманчивого впечатления, будто сущностное различие между ними и университетами есть лишь пустая видимость. Ведь ничего так не портит воспитанников для будущей университетской и вообще для научной жизни, как их побуждение к тому то, чтобы эту высшую науку, которая есть лишь дух и жизнь, и которая лишь в самой малой степени может формироваться внешним образом, рассматривать как некую сумму отдельных предложений и данных, которые будто бы можно добывать и сохранять как прочие школьными сведения. Пагубно положение, когда университеты и со своей стороны воспринимают этот образец, оказываясь в этом случае лишь продвинутыми школами, или когда в своем стремлении к тому, чтобы опрометчивым образом предстать академиями и сформировать в самих себе, словно в парнике, полноценных ученых мужей, через все более глубокое вникание в детали науки пренебрегают собственной обязанностью, состоящей в пробуждении всеобщего научного духа и придании ему определенного направления. Пагубно и то, когда академии, захваченные партийным духом, пускаются в спекулятивные дискуссии, хотя столь же вредным является положение, когда академии – в облачении не слишком-то достоверного реального знания и с высокомерной пренебрежительностью к таким размовкам, которым живой характер преподавательского воодушевления придает впечатление пристрастности, – мало заботятся о том, продираются ли сквозь эти спекулятивные исследования те, кого они собрали для обогащения наук, или же нет.

Но почему же так часто происходят такие недоразумения? Большею частью, конечно, ввиду недостатка внутреннего единства всего того, чем мы обладаем благодаря науке и что у нас есть для нее. Тот, кто живет лишь в *одной* из этих форм научного союза, тот – благодаря предрассудкам и в забвении того, что для него ранее представляли другие формы, – чрезвычайно легко может полагать их ничтожными, свою же форму будет стремиться сделать абсолютной. Эти предрассудки обнаруживаются повсеместно. Что может быть привычнее ситуации, когда академические ученые смотрят свысока на учителя как на некоего неудачника, обреченного нести тягостное бремя; как на того, кто лишь ради выполнения своего долга вынужден приучать себя к педантичному соблюдению мелочей и кто зажатый в преддверии науки навсегда-де лишен высшего наслаждения ею? Что может быть привычнее, чем ситуация, когда университетского преподавателя они рассматривают как некоего – пусть мыслящего и более высоко – школьного учителя, который словно находится в их услужении и предназначен для насаждения наук, как их ему передают академические ученые, и для смиренного следования ее движению, словно поступи некой бессмертной? Так, и школьный учитель, в свою очередь, норовит академических ученых ославить как бездельников; они-де меньше трудятся в сравнении с ним для расширения царства наук; и жалуется на хвастливость и неблагодарность университетских преподавателей, которые-де зачастую губят ту лучшую половину из всего того, что было им сотворено. Университетские же преподаватели, со своей стороны, демонстрируют свое пренебрежение к школьным учителям – как таким, кто не может оторваться от букв, и которым дух их собственной науки большей частью остается чуждым; академии же они изображают как – находящиеся на чужом довольствии или достойные жалости – учреждения для назойливых, лишь по недоразумению получивших известность или отживших свое ученых. И как же это все искажено! Знающий свое дело руководитель ученой школы, в противовес тому, что ему всегда приходилось выполнять, должен обладать и даже руководствоваться способностью обзирать целое, благодаря чему он своей персоной и репрезентирует академию; он нуждается в такой же самой научной рассудительности, в таком же чистом духе наблюдения, как и тот, кто содействует дальнейшему развитию науки, а развитие молодежи, которое он направляет, пожалуй, труднее осуществить, чем какое-нибудь отдельное исследование. То, как академический ученый в одиноких размышлениях должен взвешивать все имеющиеся результаты, задействовать все предположения и таким образом способствовать новым открытиям; и то, как университетский преподаватель должен, постоянно вращаясь по одному и тому же кругу, уживаться с тянущейся к познаниям молодежью и всеми способами побуждать ее интерес – все это, конечно, весьма различающиеся занятия, но, исходя из одного, рассматривать другое как нечто гораздо менее ценное может лишь тот, кто не связывает их друг с другом. С этим никогда не сталкивается выдающийся ученый. Ведь и самый тихий и прилежный исследователь как раз в свои самые счастливые мгновения – в мгновение открытия, которое всякий раз подводит к новому и более живому созерцанию целого, – должен ощутить потребность к живейшему и вдохновенному сообщению и желание попытаться излить себя в духе и на благо молодежи. И ни один значительный университетский преподаватель, пожалуй, не может сколько-нибудь долгое время достойно занимать свою кафедру, не сталкиваясь с исследованиями и задачами, заставляющими ощутить то великое значение объединения, которое оказывает любую возможную поддержку и дает опору всякому на его научном пути. Но чтобы все и всегда могли получать это обоснованное и взаимное признание их значения, должна была бы быть учреждена более четко очерченная общность между публичными образовательными учреждениями; образцовые школьные учителя, университетские преподаватели и академические ученые должны сообща возглавить научные дела, и тогда и всех остальных ученых будет все больше охватывать подлинный общий дух их общего предмета.

Происходит ли это, - спросите вы. Разве государство не объединяет ученых из всех этих различных классов в рамках управляющих советов, благодаря которым оно и осуществляет задачу публичного образования? Конечно. Но как государственный служащий он объединяет их с другими деловыми людьми – в свойственной для него, но чуждой для самих ученых форме – в целях надзора, благодаря которому все всегда рассматривается преимущественно в его отношении к государству. Исходя из этого появляется совсем другой взгляд на отношения этих учреждений; и чем больше у таких обремененных чиновничьиими обязанностями ученых перевешивают их задачи государственного служения, тем легче – и вполне естественным образом – переносят они потом этот взгляд на собственную научную сферу действий, оценивая все и обращаясь ко всему в соответствии с тем, как это непосредственно влияет на государство, и как учит опыт, - конечно же, не на пользу духовного совершенствования. Для всего движения новоевропейского образования характерно, что правительства поощряют также и науки, и проводят мероприятия для их распространения так, как это обычно имеет место с искусствами и умениями всякого рода. Но здесь, как и везде, наступает время, когда такая опека прекращается. Разве не должно оно постепенно наступать и в Германии, и, по меньшей мере, в ее протестантской части разве не ощущается желание того, чтобы государство предоставило науки самим себе, отдало бы в полное распоряжение ученых все внутренние учреждения, сохранив за собой лишь экономическое управление, полицейский надзор и наблюдение над непосредственным воздействием этих учреждений на государственную службу? Академии, которым правительства всегда доверяли возможность непосредственно влиять на их цели, издавна ощущали большую свободу и ее благотворное воздействие. Однако школы и университеты, чем дальше, тем больше страдали от того, что государство рассматривало их как учреждения, в которых науки должны развиваться не ради их самих, но ради него; от того, что оно превратно понимает и препятствует их естественному стремлению полностью формироваться по тем законам, которые требует сама наука, опасаясь, что, если предоставить их самим себе, то в бесплодном потоке учения и обучения, ведомого лишь чистой любознательностью и чрезвычайно удаленного от жизни и полезного приложения, будто бы исчезнет скоро и всякое желание действовать и никто бы не захочет более заниматься гражданскими делами. Это уже долгое время, видимо, являлось главной причиной того, почему государство столь сильно настаивает на собственном способе обращения с этим предметом. И действительно, если верить речам, которые до сих пор ведутся некоторыми философами, а они умеют увлечь молодежь, нельзя отрицать того, что они удерживают всех своих учеников от гражданской деятельности. Но почему так должно оставаться и зачем приписывать этому преходящему увлечению столь устойчивое влияние? Ведь об этом говорят испокон веков, но и испокон веков эти молодые люди, учась у мудрых учителей, из школ устремлялись непосредственно в залы судов и управляющие палаты для оказания помощи во властных делах. Созерцание и действие, если они и противоречат друг другу, все-таки неизменно действуют рука об руку; отношение между теми, кто посвящает себя чистой науке, и всеми остальными, определяет сама природа, неизменно правильно и соразмерно. Чтобы навсегда успокоится и признать, что государство имеет достаточный задел благодаря всем тем преимуществам, которое лишь оно одно и способно приобрести, а также благодаря той мощи, с которой политический талант, где бы он не находился, всегда сумеет пробиться, достаточно лишь сравнить огромное скопление тех, кто прошел через школы и университеты, с незначительным числом тех, кто, в конечном счете, образует теперь академии того или иного народа, и увидеть, как много из последних стали еще и видными государственными служащими. Если же, однако, ложными опасениями и основанными на них распоряжениями государство питает эти недоразумения в среде ученых мужей, занятых делом распространения науки, то школы теряют свою основательность; в университетах главные предметы оказываются задушенными множеством второстепенных; академии теряют уважение в той мере, в какой они обращаются лишь к непосредственно полезным вещам; государство же само надолго лишает себя существеннейших преимуществ, предоставляемых науками, ведь чем дальше, тем больше будет сказываться отсутствие тех из них, что

способны постигать и осуществлять Великое, цепким взглядом вскрывать корни и взаимосвязь всех заблуждений.

Глава третья

Более узкое рассмотрение университета в целом

Сравнение университета со школами и академиями показало нам его сущностный характер, в силу которого он с необходимостью занимают центральное положение между обеими, что как раз и должно благодаря ему пробудить научный дух в молодежи и поднять его до ясного сознания. И это принимаем без доказательств, – как это есть само по себе в его высшей наглядности, – предполагая, что для этого не достаточно одной лишь формальной спекуляции, которая должна тотчас воплощаться в реальном знании. Не достаточно для этого и некоторого произвольного выбора сведений, как это имеет место в школах – для гимназических упражнений. Ведь научный дух систематичен уже по самой своей природе, и поэтому он не способен дорасти до ясного сознания в отдельном, если ему не дана в созерцании и целостная область знания, по меньшей мере, в ее общих чертах. Еще менее возможно образование в отдельных всеобщего смысла и особого таланта, объединенных в своеобразную интеллектуальную жизнь, если только в университете каждый не найдет того, что сможет возбуждать его особенный талант. Университет должен, следовательно, охватывать всякое знание, и в том, как он заботится о каждой отдельной ветви, он выражает и его естественную внутреннюю отнесенность к целостности знания, его более близкое или более отдаленное отношение к общностному центральному основанию. Здесь, видимо, допустимо лишь *одно* отклонение от этого, состоящее как раз в том, что из этого знания извлекается преимущественно то, на что в общем виде прежде всего направлен талант нации; отклонение, которое может проявляться лишь в виде университетских занятий, приближающихся к академическим.

Так, и должно быть, если лишь одно влечение к науке, без чуждых влияний, организует и упорядочивает университеты. Если же мы их рассматриваем таковыми, каковы они есть, то находим все совсем другим. С точки зрения науки, выглядит в высшей степени несоразмерно, когда незначительному предоставляется много места; когда внешним образом связывается многое из того, что не является связанным само по себе. Важное, напротив, сокращают, или представляют новым, как если бы оно только что было обнаружено; многое же рассматривают так, как если бы оно вовсе и не предназначено для тех, в которых есть желание развить в себе научный дух, а для тех, которым он навеки должен остаться чуждым.

Дух этот, очевидно, раскрывается не во всех тех, кто имеет изрядные способности и склонности к собиранию значительных массивов сведений и в некотором смысле к их переработке. Поэтому уже гимназии (*gelehrte Schulen*) должны охватывать лишь избранные юные натуры, и в свою очередь, лишь некоторых из них посылать в университет; но поскольку они лишь подготовительные учреждения, и не предназначены для того, чтобы выявлять сам этот образ мыслей, то и не способны они судить определенно и достоверно о степени развития способности к науке. Об этом они заключают исходя из желания и легкости, с которой воспринимаются предложенные сведения, из более или менее проклюнувшегося пристрастия к их научному содержанию. Но все это весьма обманчиво, и как раз самое верное из всего этого приводится лишь во внешне значимую форму. Как часто обнаруживаются удивительное прилежание, огромное желание и любовь, отличающиеся чем-то совершенно неосознанно-животным и понятным лишь знатоку, при почти полном отсутствии духа и таланта. И ведь некоторых случаях как раз в это решающее время распускается пустоцвет,

который столь легко принимается за нечто плодоносное. И наоборот: если школа в своем суждении стремилась бы взять за правило максимальную строгость, то многие, развитие которых несколько запаздывает, были бы опрометчиво лишены дальнейшего попечения! Короче говоря, является неизбежным, что в университет попадают многие, кто оказывается собственно непригодным для науки в ее высшем смысле, причем они даже образуют большее множество, ведь и действительно это является гораздо менее вредным, нежели если один единственный великий и решительный талант был бы совсем лишен благотворных воздействий этого учреждения. Мысли же о том, чтобы уже в школе или при ее окончании устанавливать разделение между тем, кто способен к высшему научному образованию, и теми, для кого предназначена некоторая нижестоящая ступень, и учреждать для последних собственные учреждения, где бы без философского руководства университета они точно так же получали бы дальнейшее образование в рамках своего определенного предмета познания, более традиционного и в большей степени направленного на изучения ремесел, - этой мысли страшится и ужасается всякий, то принимает живое участие в образовании молодежи. Не в такое время живет он, когда всякая аристократия должна исчезать по самой природе вещей, но в такое, когда стремятся ее пестовать и расширять. Или же полагают, что те юноши, которые лишь с некоторым успехом закончили образование в гимназиях, ко времени, когда и себе самих они понять пока не в состоянии, должны сами производить суждение о такого рода их умалении и не тянуться более к величию науки? Таковые и действительно полностью заслуживают стать отверженными и обесчещенными. Нет, нужно всем вместе – и наиболее отличающимся и менее светлым умам позволить пройти через решающие испытания, которые и проводятся в университетах, - с тем, чтобы пробудить в юношах их собственную научную жизнь, и лишь в том случае, если они не сумели достичь всех своих высших целей, то словно само собой большинство из них займет место более ответственных и дельных работников на некоторой нижестоящей ступени. И в таковых у научного союза есть большая нужда; ведь даже малое число поистине руководящих и образующих умов способны приводить в действие весьма много органов. Поэтому университеты должны обустроиваться так, чтобы они одновременно являлись и более высокими школами, с тем чтобы способствовать дальнейшему развитию тех, таланты которых, если они сами отказались от высшего достоинства науки, можно было бы все-таки использовать для той же самой науки. Причем это не должно внешним образом отличаться в виде какого-то особого предмета, ведь даже и оба класса обучающихся не различаются между собой внешне, но должны быть отделены друг от друга лишь посредством самих их свершений. В еще большей степени, однако, государство испытывает потребности в таких умах второго класса. Оно с легкостью способно себе уяснить, что в каждой ветви высшие задачи с успехом могут быть доверены только тем, кто проникнут научным духом и будет стремиться к тому, чтобы ему досталась и большая часть тех нижестоящих талантов, каковые, даже и лишённые этого более высокого духа, приобщаются ему своим научным образованием и накоплением сведений. Поэтому по той же самой причине вынуждено оно заботиться о том, чтобы университеты являли собой специальные школы для изучения всех тех – используемых на его службе – сведений, которые прежде всего связаны с собственно научным образованием; и если это и не является необходимым для данной области, все-таки оно достаточно естественно для того, чтобы и здесь избежать внешним образом проводимого различения.

Это до поры является нормальным и должно рассматриваться не как злоупотребление, или как осквернение чистых научных учреждений, а, напротив, как превосходное, поскольку таким образом ведем и в больших массах образованных людей, насколько это каждому по силам, возможно разбудить что-то от смысла истинного познания; поскольку тем, кто прошел такую школу, должно отложиться, по меньшей мере, чувство зависимости накопленных там сведений от более высоких научных устремлений; и поскольку эти образовательные учреждения благодаря их связанности с учреждениями чисто научными должны оставаться более восприимчивыми ко всякому усовершенствованию на службе у государства и сами по

себе более живыми. И в этом и состоит, бесспорно, сущность немецких университетов, каковыми они уже долгое время действительно являются. Если же то там, то тут правительства начинают принимать политическую составляющую этих учреждений за их главную часть, которой-де в каждом спорном случае собственно научное должно уступать, то это является весьма вредным недоразумением; и если они еще и стремятся к тому, чтобы вообще избавиться от формы университета и все всеобщие гимназии непосредственно связывать со специальными школами с различными предметами по государственной службе, тогда это является печальным знаком недооценки значения высшего образования для государства, а также того, что чистый механизм оказывается более предпочтительным, чем сама жизнь. Ведь там, где государство разрушило бы университеты - средоточие и питомник всякого познания, и затем попыталось бы разъединить все единые научные устремления, то можно не сомневаться, что цель или, по меньшей мере, невольный эффект такого опыта является подавление высшего и наиболее свободного образования и всякого научного духа, а неминуемым последствием было бы преобладание ремесленного образования и плачевная ограниченность во всех предметах. Необдуманно действуют или же заражены порочным немецким духом именно те, кто предлагает преобразовать и распылить университеты на специальные школы; так как в каждой стране, где таковая форма отмерла бы сама собой, или же там, где – хотя этому и не препятствовало правительство – еще не возникло подлинных университетов, но все всегда оставалось на уровне простой школы, наука, безусловно, оказалась бы в упадке, а дух бы задремал.

Но как именно, при условии, что государство не преступает границы правомерных воздействий, осуществлять которые позволяет ему наука, должно формироваться обучение в университете, можно легко распознать во всяком таком, даже и посредственно организованном учреждении. Наиболее общее есть как раз то, что является общим для всех, и все начинают с этого, разделяясь лишь позднее в области особенного, после того как в каждом пробуждается его своеобразный талант, а вместе с ним любовь к предмету, в котором он этот талант отличнейшим образом и способен проявить. Все, следовательно, начинается с философии, с чистой спекуляции, что, с пропедевтической точки зрения, относится к переходу от школы к университету. Однако жизнь всего университета, процветание всего его дела, основаны на том, что он как раз и не является пустой формой такой спекуляции, которая насыщает одних лишь юношей, на том, что из непосредственного созерцания разума и его деятельности развивается понимание необходимости и увеличения объема всякого реального знания, с тем чтобы с самого начала уничтожалось бы мнимое противоречие между разумом и опытом, между спекуляцией и эмпирией, и таким образом не только бы стало возможным, но и одновременно порождалось бы – пусть даже еще запеленатое – подлинное знание. Ведь – даже не определяя здесь значение различных философских систем – является все-таки очевидным, что в противном случае не было бы вообще никакой границы между философским и всем остальным обучением, и из обучения философского не вытекало бы совершенно ничего, вроде, скажем, знаний о логических правилах и о – не понятом бы в его значении и происхождении – аппарате понятий и формул. Итак, философия предоставляет перспективы выхода в обе великие области природы и истории, и наиболее общее в них обеих в не меньшей степени должно быть общим и для всех. Главные идеи – высшей филологии, в той степени, в какой в языке получают выражение все теоремы познания и его формы, а также учения о нравственности, в той степени, в которой в нем излагается природа всякого человеческого существования и действия, – должны проникать во всякого, даже если он ищет свое особое образование в большей степени в области естественных наук; так и никакая научная жизнь немыслима для того, кто остается чужд идей природы, знания о ее самых общих процессах и сущностных формах, о противоположности и связи в области органического и неорганического. Поэтому каждый должен понимать сущность математики, землеведения, природоведения и природоописания. Но чем больше каждый погружается в особенное, в историческое исследование, в искусство образования государства и человека, в

геологию и физиологию, тем больше, больше ограничивается он тем отдельным, к которому у него есть призвание; и к этому ограничению и обращается соответственно государство с его особенными институтами для тех, кому надлежит работать над физическим сохранением и усовершенствованием граждан; институтами, которые – если они не окажутся совсем уж чуждыми университету и не будут по отношению к нему бесчинствовать, – должны объявить и своей собственной зависимости от научного исследования природы и истории, а следовательно, и философии, и эту зависимость сохранять.

Но поскольку даже здесь, несмотря на то, что в обучении последнему предмету принимают участие многие, на кого не снизошел подлинный философский дух, все-таки по возможности избегают внешних различий, чтобы и с этой стороны не разрушить единство целого, ведь во всяком обучении, если оно хотя бы некоторым образом сохраняет верность характеру университета, главной задачей является научное изложение, детали же получают значение лишь в качестве дополнения, наглядного руководства, в качестве грубого материала для опытов в их собственной комбинации и изложении: то и способы обучения с незначительными отступлениями остаются повсеместно одинаковыми.

Мало кто понимает значение кафедральных выступлений; но чудесным образом, несмотря на то что большая часть преподавателей неизменно осуществляет его очень плохо, оно все-таки постоянно проводится, что ясно насколько важна, что они принадлежат сущности университета, и то, как важно прилагать усилия к тому, чтобы навсегда сберечь эту форму для тех немногих, кто понимает, как нужно правильно – время от времени – их проводить. Можно было бы даже сказать, что истинную и особенную пользу, которую приносит университет, непременно находится в прямом отношении с его умением обращаться с этим искусством.

Всякое умонастроение, как научное, так и религиозное, образуется и совершенствуется лишь в жизни, в общности многих. Излучаясь из более образованных, более совершенных, сначала оно лишь побуждается в новичках, пробуждается из дремоты; благодаря взаимобразным уведомлениям оно возрастает и укрепляется в тех, кто является равным по отношению друг к другу. Но поскольку университет в целом как раз и представляет таковую общую научную жизнь, то в особенности лекции оказываются ее святилищем. Следует полагать, что именно беседа могла бы лучше всего пробудить дремлющую жизнь и вызывать первые движения, как это еще и сегодня воздействует на нас в достойном удивления древнем искусстве того же рода. Это может происходить и между двумя, или же там, где от целого множества может быть выставлен его надежный представитель, или если отдельные люди наслаждаются чтением превосходных письменных произведений и, как бы повторяя в себе самих, их переживают. Правда, этого, пожалуй, не может происходить среди многих людей и в новое время, ведь, несмотря на столь многие все новые попытки, в области науки беседа так и нигде не развилась во всеобщую форму обучения, но повсеместно утвердилась связная речь. И легко понять – почему. Наше образование является гораздо более индивидуальным, чем образование древнее, и поэтому одновременно и беседа стала гораздо более индивидуальной, так что никакое отдельное лицо не может быть представлено в качестве ведущего беседу от имени всех остальных, и беседа в этом случае превратилась бы исключительно во внешнюю, лишь сбивающую с толку и раздражающую форму. Однако университетское кафедральное выступление, в котором, прежде всего, идеи надлежит доводить до сознания, должно в этом отношении все-таки сохранять природу древнего диалога, пусть даже и не его внешнюю форму; в нем следует стремиться к тому, чтобы, со всей ясностью высвечивать, с одной стороны, общественное внутреннее слушателей: как то, чем они не обладают, так и то, чем они неосознанно владеют; с другой стороны – внутреннее преподавателя: его обладание данной идеей и ее деятельностью в нем. Два элемента поэтому являются необходимыми в данном виде выступления и образуют его собственную сущность. Первый я бы хотел назвать «популярное»: это – изложение предположительного состояния, в котором и находятся

слушатели; искусство указать на недостаточное в данном состоянии, а также – на последнюю причину всего, что отсутствует, составляя незнание. Это есть подлинно диалектическое искусство, и чем строже его диалектичность – тем оно популярнее. Другой элемент я хотел бы назвать «продуктивное». Все произнесенное преподавателем должно возникнуть перед самими слушателями; он не должен рассказывать о том, что он знает, но должен воспроизводить свое собственное познание, само это действие, с тем чтобы слушатели снова и снова накапливали не только сведения, но и могли непосредственно созерцать и деятельность разума в его порождении познания и, созерцая, ей подражать. Главным пристанищем этого искусства читать лекции, правда, является философия, т.е. собственно спекулятивное; но всякое обучение в университете должно быть им проникнуто, ведь повсеместно в этом и состоит собственно искусство университетского преподавателя. В нем должны быть объединены две добродетели: живость и воодушевленность, с одной стороны. Его воспроизведение должно быть не чистой игрой, но истиной; так, всякий раз, когда, читая лекцию, он созерцает свое познание в его происхождении, в его бытии и становлении, всякий раз, когда он описывает путь от средоточия науки до ее пределов, - все это он должен еще и действительно осуществлять. Ни один истинный знаток науки не делает это как-то иначе; ни одно повторение не возможно у него без того, чтобы его не оживляло некоторая новая комбинация, не влекло бы какое-то новое открытие; обучая, он неизменно будет и обучается, будет всегда оживленным и поистине продуктивным, выступая перед его слушателями. Не менее необходимы преподавателю также ясность и вдумчивость, чтобы сделать понятным и успешно усваиваемым то, что порождает воодушевление, чтобы постоянно осознавать свой контакт с новичками, чтобы бы он не говорил как будто бы лишь для себя, но действительно – для них, действительно доводил бы до их понимания свои идеи и комбинации и укреплял бы в них, с тем чтобы у них возникали не только какие-то смутные предвозвестия о величии знания, вместо самого этого знания. Ни один университетский преподаватель не сможет принести подлинной пользы, если он совсем лишен хотя бы одного из этих превосходных свойств; и действительно здоровая полнота учреждения состоит в том, чтобы заменять другим какого-то преподавателя, прекрасно отличающегося с одной стороны, но – как это свойственно человеку – лишенного второй способности. Обе эти добродетели лекционного искусства суть его подлинные опоры, и не являются накоплением литературы, которая полностью бесполезна для начинающего и, напротив, должна представлять в письменном виде, а не сообщаться устно; из этих добродетелей проистекает подлинная ясность, состоящая вовсе не в неустанном пережевывании, но в достойных похвалы остроты и скудости произнесенного; из них проистекает настоящая живость, а не из богатства равнозначимых - безразлично, плохих или хороших, - примеров, сопровождающих озарений и полемических выпадов. Ученость профессора довольно удивительно и уже стала общим местом. И чем больше он владеет, тем, конечно, лучше; но и даже и наибольшая ученость бесполезна без искусства читать лекции. Если преподаватель надлежащим образом упражняет его на своих учениках, то не нанесет много вреда если они иной раз и поймают его на незнание некоторых отдельных моментов в области его науки; они, тем не менее, будут знать, что наука как таковая ему полностью известна. И ведь всегда можно надеяться, что некоторому молодому преподавателю еще достигнет большой учености; если же он не обладает талантом рассказчика в те годы, когда он наиболее близок своим слушателям, то позднее вряд ли ему уже удастся им овладеть. Чем поможет ученость, если вместо настоящей кафедральной лекции в наличии имеется лишь ложная видимость, пустая ее форма! Нельзя и помыслить ничего более жалкого. Профессор, который снова и снова считывает и дает под запись одну раз и навсегда записанную тетрадку, весьма и весьма некстати возвращает нас в эпоху отсутствующих типографий, когда ученый муж диктовал свои рукописи одновременно для многих, и когда устный доклад должен был в то же время служить и для замещения книг. Теперь, однако, уже никто не поймет, почему государство должно платить жалование некоторым людям лишь за полученную ими привилегию игнорировать благотворное воздействие типографии, и почему же собственно такого рода муж призывает к себе людей,

вместо того чтобы просто предложить им свою мудрость, обычными путями записанную черным по белому в его уже и без того наличествующих рукописях. Ведь при наличии книгопечатного дела, пожалуй, было бы смешно говорить о чудесном воздействии живого голоса.

Но если выступление и имеет надлежащий характер, то все-таки собственно такого рода лекции не должны быть единственным видом общения преподавателя с его учениками. Чопорная замкнутость и неспособность явиться чем-то большим для учащейся молодежи вне кафедры связаны, как правило, с уже осужденными выше пороками кафедрального выступления. Для того, чтобы лектор с пользой учитывал уровень познания слушателей; чтобы он мог помочь им избежать отвлечений, к которым они проявляют склонность; чтобы удалось ему в своей работе пройти сквозь преобладающие просчеты в понимании, - должны пригосудиться и иные виды и ступени их совместной жизни, необходимой для поддержания столь необходимого знакомства с постоянно меняющимися поколениями. Не стоит утверждать, что таковое невозможно ввиду их числа. К лекциями примыкает цепь отношений, в которых с ростом их доверительности естественным образом уменьшается и число участников: где в ходе собеседований, уроков на повторения и для подготовки к экзаменам, где рассказывают о собственных трудах и их обсуждают, и вплоть до частных контактов учителя с его учениками, где собственно и получает главенство беседа, и где он, если он умеет завоевать доверие, благодаря высказываниям избранных и наиболее образованных юношей приобретает все те сведения, которые удивительным образом проникают в массы и их движут. Лишь благодаря тому, что преподаватель постепенно приближается и использует эти отношения, он способен объединить замечательную уверенность древних, которые в своих беседах друг с другом непременно попадали в нужную точку, с благородной скромностью современников, которые непременно должны учитывать уже начавшееся и самостоятельно продвигающееся образование всякого отдельного.

Мы видим, что этот дар передавать знания допускает и самые разнообразные отличия. Одному больше удастся усмирение поверхностного знания и побуждение потребности в знании истинном, другому наглядное представление главных черт этого знания; один своей воодушевленностью дает многим первое посвящение, другой укрепляет их своей рассудительностью; один в большей степени, хотя и обращается по видимости к отдельному и многообразному, все-таки больше способен сводить его к глубочайшему и высочайшему единству; талант другого в большей степени принадлежит отдельному, и дает себя увлечь, где более уместным представляется указывать на всеобщее и высочайшее. Всякий, однако, в том случае будет превосходным преподавателем, если – как бы у него ни перевешивало то или другое – он все-таки обнаруживает все необходимое в его живой связи; и университет является таковым только там, где он стремится к объединить в себе все эти различия, с тем чтобы всякий воспитанник был бы в состоянии найти себе такого преподавателя, которая в данных обстоятельствах и при осуществленном им развитии желала бы его природа.

Однако, каким бы живым и счастливым ни являлась бы эта его устремленность, некоторое полное равновесие, где о всякой потребности заботились бы безупречным образом, пожалуй, не никогда не будет достигнуто ни в *одном* из таких учреждений. Каждое в то или иное время склоняется к той или иной стороне. Одно из них выделяется более живым побуждением развивать научный дух в целом, но в большинстве предметов, быть может, отстает в отношении основательности изложения отдельного, другое же, наоборот, имеет больше достижений в последнем, нежели в первом; одно из них превосходит другие в чисто философском отношении, другое – в подготовке к академии или как агрегат специализированных школ; одни подготавливают больше воспитанников и при этом предоставляют им самим составлять более свободную, более высокую комбинацию, другие же в большей степени осуществляют руководство ею, но все, что является делом прилежания, вменяют им самим. Ведь довольно давно университеты зачастую проявляют тот же самый

характер, состоящий в том, что один образует больше спекулятивных умов, которые, однако, принесут больше пользы, если будут искать реальные науки где-нибудь в другом месте, другой же долгое время готовит лишь средничков (roturiers), ведь для развития в университете более высокого научного духа требуется уже настоящий талант, каковой есть объединение обеих – уже и опасных – крайностей односторонности, между которыми колеблются все остальные. Это указывает на то, что и внутри области одного и того же национального образования необходимым образом должно обнаруживаться некоторое множество университетов, и что нельзя избежать насколько это возможно свободного их сообщения между ними и неограниченного использования каждого из них в соответствии с одной из многих потребностей. То, насколько естественной является такая истина, вытекает, безусловно, уже из того, что университеты занимают центральное положение между гимназиями и академией. Обладать тридцатью восемью из них, как это до сих пор терпела немецкая нация, может, правда, показаться большим несчастьем, а о причине того, почему столь мало людей получают достаточные навыки, спросим: как можно здесь найти правильную меру? Сначала следовало бы хотя бы определить правильную меру гимназий, затем привести в немецкую среду объединительный дух о том, что не всякий округ должен и в данном отношении получать для себя нечто особенное, а затем предоставить самому этому предмету большую свободу, не вносить ничего искусственного и не стремиться сохранить свежесть отжившего, – так постепенно и образуется правильная мера. При этом все-таки лучше было бы здесь нарушить надлежащую меру, нежели позволить себе размышлять о создании центрального немецкого университета, или же о некоем сплавлении в целостность древних форм, – две крайности, каждая из которых явилась бы величайшим несчастьем, с которым после всего пережитого еще могут встретиться немцы.

Глава четвертая

О факультетах

Уже сказано достаточно о том, что четыре наших факультета, теологический, юридический, медицинский и философский, – и именно в этом порядке, – придают-де университетам весьма гротескный вид. И этого, безусловно, нельзя отрицать. Если же все-таки важное преимущество усматривают в возможностях преобразований или значительных изменениях подобных учреждений, настолько что при этом можно было бы избавиться от этих форм и ввести вместо них иные, то не следовало бы все-таки с этим спешить, с тем, чтобы учредить нечто весьма произвольное на месте того, что образовалось естественным образом, и именно ввиду этой своей естественности столь долго время сохранялось; но попытаемся же для начала правильно понять значение этих предшествующих форм.

Все сказанное прежде должно значительно облегчить такое понимание и всецело его предварить. Ни от кого, кто исходит из нашей точки зрения, пожалуй, не ускользнет, что эти формы, какими бы они ни были гротескными, по меньшей мере, весьма репрезентативны, и с абсолютной точностью соотносятся установление и теперешнее состояние университетов. И как раз является очевидным, что настоящий университет, так как его образовывал бы научный союз, сохранился единственно лишь в рамках философского факультета, три других же, напротив, суть специализированные школы, которые либо учреждаются государством, либо, по меньшей мере, раньше или позднее – ведь они непосредственно соотносятся с его сущностными потребностями – принимаются под его покровительство. Философский же факультет, наоборот, первоначально является лишь исключительно частным предприятием, подобно тому, как и научный союз вообще является по отношению к государству частным лицом, и лишь благодаря внутренней необходимости и чистому научному духу преподавателей этих университетов он создается как побочный, и поэтому-то

и оказывается последним среди всех. Во всей этой форме, отражена, следовательно, история университетов в ее основных чертах. Факультеты позитивных наук возникли по отдельности в силу потребности надежно обосновывать необходимую практику обращением к теории, к сведениям традиции. Юридический факультет основывается непосредственно на государствообразующем инстинкте, на потребности производить из анархического состояния (анархического – постольку, поскольку законодательство развивается не всегда равномерно относительно культуры) состояние правовое, при ощущении, что это может происходить лишь в тогда, когда стремятся обрести систему полноценных, согласующихся между собой законов, и более высокие принципы, согласно которым следует истолковывать законы в двусмысленных случаях. Теологический образовался в рамках церкви для сохранения мудрости отцов с той целью, чтобы отделять истину от заблуждений, как это уже случалось прежде, и не утратить это в будущем; чтобы можно было придать надежное и определенное направление и общий дух дальнейшему формированию церкви и ее учению; и поскольку государство теснее объединяется с церковью, ему приходится санкционировать данное учреждение и брать его под свое покровительство. Медицинские школы издавна основывались отчасти на потребности познавать и модифицировать состояние тела, отчасти на довольно темных и таинственных исследованиях внутренних отношений всей остальной природы к человеческому телу. Поэтому изначально эти школы отчасти имели отчасти – в преобладающем числе – гимназический, отчасти магический и мистический характер. Благодаря объединению обеих ветвей эти старания постепенно становились более искусными, и по мере того, как они начинали через наблюдения и опыты проникать в различные ветви науки о природе, а следовательно, испытывать и в большую потребность во внешней поддержке, государство было вынуждено вобрать в себя также и их. Так и возникли подобные учреждения. Следующий факультет, наконец, объединяет в *одно* тело глубокое, правильное чувство, все дальше и дальше удаляющееся от всего дурного и одержавшее победу над склонностью к одному лишь ремесленническому и эмпирическому; научный дух, и мы можем сказать: главным образом немецкой нации; все более ясное ощущение внутренней взаимосвязи всякого знания, при этом, естественно, если это происходит благодаря философскому факультету. Лишь в нем *одном* поэтому содержится целая естественная организация науки, чистая трансцендентальная философия и вся естественнонаучная и историческая часть – обе преимущественно с теми дисциплинами, которые более всего приближаются средоточию познания; однако ведь и те, что в большей степени проникающие в особенное, примыкают к философскому факультету постольку, поскольку они не используются прагматически – на потребу некоторой определенной цели. Эти три факультета, однако, обнаруживают свое единство не в познании непосредственно, а в некоторой внешней задаче, и связывают то из различных дисциплин, что необходимо для ее выполнения. Эта *одна* задача, следовательно, представляет собой то, что научный союз учредил бы для себя в качестве университета; те же *три* суть то, что возникает благодаря инородной потребности, причем чисто научное направление оказывается подчиненным внешнему. Тот порядок, который они наблюдают друг в друге, очевидно, доказывает доминирование государства также и в публичных научных учреждениях; говоря точнее, здесь проявляется, отчасти историческое предшествование церкви государству, отчасти же – старая похвальная манера душу предпосылать телу.

То, что несомненно весьма скоро – конечно же, как только благодаря этому сможет установиться от этого подлинная польза – словно само собой будет осуществлено, это преобразование юридического факультета. Одно лишь знакомство с позитивным сводом законов как таковым, который ведь всякий раз неправоммерно рассматривается как стабильный и неизменный, и должен и далее преобразовываться научными мужами, выражает чрезвычайно незначительный научный характер. Здесь, следовательно, должны в большей степени проступить политика и государственная экономика, философское и историческое рассмотрение самого уложения. Но что делать, однако, с другими

изменениями, которые тут и там предлагаются и осуществляются? То, что здесь подразумевается, есть произвол и пустые забавы; а то, что благодаря этому действительно происходит, есть, пожалуй, нечто более дурное; и следует опасаться, что не пройдет безнаказанным уничтожение учреждений, который сами по себе уже суть исторические памятники, и которые - пусть это сразу понимают не многие – выражают дух нации. Если же университет через свободное объединение ученых, тогда то, что теперь объединено в факультете философском, как само собой займет его первое место, в то время как институты, которые поддерживают государство и церковь, тем самым сомкнутся и займут их подчиненное положение. Если же этого не произойдет, лучше пусть обособится философский факультет от всех остальных благодаря тому, что займет последнее место, нежели чем, если бы он поставил себя меж другими и тем самым с ними смешался, или чего доброго, если бы раскололся на разные подразделения, тем самым явился бы не как *единый*, а значит – как нечто меньшее, нежели три остальных, но ведь он есть нечто гораздо большее, нежели они.

Конечно, в этом случае отдельные дисциплины все больше теряли бы их научный характер и приближались бы к прагматическим институтам. И для чистой философии в этом объединении с реальными науками в одно внешнее целое столь прекрасное выражение получает свобода либо в большей степени проступить в виде чего-то отдельного самого по себе, либо в большей степени сближаться с реальными науками, нежели выходить за их пределы, - свобода, без которой философия не способна достичь процветания и показать себя в ее истинном существе, и более не могла бы существовать, если был бы установлен внешний знак подобного разграничения.

Если же в философском факультете сохранится положение, где он соединяет все то, что естественным образом и само собой получает форму науки, то пусть он даже и останется последним. Какой смысл здесь устанавливать очередность? Ведь он все-таки останется первым, поскольку каждый должен осознавать его самостоятельность и признавать то, что он в отличие от остальных факультетов не может распасться и разлагаться на неоднородное многообразие, если его рассматривать исходя из некоторого внешнего ему отношения. Он также и потому является первым и действительно – господином над всеми остальными, поскольку все члены университета, к какому бы факультету они ни принадлежали, должны быть укоренены именно в нем. Это право он распространяет практически повсеместно – на всех начинающих студентов. Они прежде всего остального экзаменуются и принимаются именно этим факультетом, что является весьма похвальными и значимым обычаем. Представляется, однако, что он должен получить еще большую широту, чтобы, наконец, полностью реализовать свое значение. Конечно же, является порочным, когда учащиеся в самом начале передаются какому-нибудь другому факультету. Каждый должен отдавать всего себя прежде всего философии; но каждый именно в первый год своего академического пути не должен быть отдан чему-то другому. Древний порочный обычай, когда детей чуть ли не с колыбели определяли в некоторое ремесло, не искоренено и до сих пор; ведь для научной жизни лишь гимназия является колыбелью. Какие же представления о своей будущей профессии, о ее отношении к целостной великой области наук и к непосредственно оплодотворяемой ими жизни начинающий учащийся может там приобрести? Всеобщие взгляды, теологические, юридические, которые, как правило, передаются выпускникам, суть лишь восхваления, которые порочным образом обязаны этой порочности преждевременного определения, и есть хищение для университетов, которое едва ли может остаться безнаказанным. Конечно, редки случаи, когда некоторое определенное направление таланта раскрывается уже в школе, и по праву можно заявить, что в каждом подобном случае тем настоятельнее сказывалась бы необходимость некоторое время оставить юношу, если его следует развивать для науки, в ее всеобщем, с тем чтобы его чувство всеобщего не был бы полностью подавлен доминирующей властью его особенного таланта. Скоро ведь подойдет время отправления юноши для учебы в университете. Если они могли бы взять себе один год,

чтобы укрепиться в принципах и создать себе общее представление о всех поистине научных дисциплинах, то время это не будет потеряно даром; это самое надежное время для развития их убеждений, любви и таланта; безошибочно откроют они для себя подлинную профессию, приобретая при этом то весомое преимущество, что обнаружили ее самостоятельно.

Не в меньшей степени и все остальные университетские преподаватели должны быть укоренены на философском факультете. В особенности в отношении юридического и теологического факультетов никогда нет достаточной уверенности, что обучение там постепенно не будет все больше и больше приближаться к традиции, подобной ремесленной, или же коснеет в ненаучной поверхностности, если все преподаватели не приобретут собственного имени и значимости одновременно и на поле чистой науки, и этим заслужат себе место преподавателя. Поэтому не только нужно подбирать исключительно таких преподавателей, но и законодательно установить, чтобы каждый преподаватель этих факультетов, если и не являлся бы одновременно членом факультета философского, все-таки как внештатный преподаватель имел бы обязательства перед каким-нибудь его ответвлением, и время от времени читал бы лекции из области чистой науки, которые не находились бы ни в каком непосредственном отношении с его факультетом. Лишь благодаря этому можно было бы получить и формальную уверенность в сохранении живой связи этих доктрин с подлинной наукой, без которой эти факультеты никак не могли бы принадлежать университету. И действительно, пожалуй, всякий преподаватель права или теологии заслуживает осмеяния и исключения из университета, если не чувствует в себе силы и желания достичь каких-то собственных выдающихся успехов в поле чистой философии, или учения о нравственности, философского рассмотрения истории или филологии.

Если же, кстати говоря, уже философскому факультету с успехом удается оставаться *единым*, а если ради известных задач он и распадается на подразделения, то не на строго определенной и постоянной основе, а, говоря коротко, так, чтобы было утеряно это понимание его сущности, – то, конечно же, становится ясно, что и всеобщее стремление университета должно быть направлено на то, чтобы не распадаться на чрезмерно определенные отдельные части, скажем, строго удерживать всякого преподавателя в границах его факультета, или даже полностью ограничивать некоторым предметом. Много, правда, отпадает и само по себе, если каждый преподаватель некоторого факультета одновременно принадлежит – пусть даже и не в строгой форме – философскому факультету, в котором и самой секции не отделены строго друг от друга. Но почему надо чинить препятствия преподавателю, в том чтобы вступить ему в область некоторого другого факультета? Ведь границы их простираются друг подле друга и соприкасаются во многих пунктах, так что нет недостатка в побуждениях переходить из одной области в другую. Если ученый это правильно постигает, и не довольствуется тем, что заимствует там нужное ему лишь для своего собственного предмета, то, безусловно, надлежит ему и в чужой области породить и нечто весьма самобытное и многоумное, если он решается это публично представить. Ревность факультетов по отношению друг к другу касательно их областей по правую считается устаревшей и смехотворной. Кому однажды было публично присвоено звание преподавателя наук и чей талант к ней получил признание, тому позволяется развивать его в той области, в какой он желает. Время, в течение которого ученый распоряжается этим даром читать лекции, сильно ограничено; сам же этот дар чрезвычайно уязвим и с большим трудом может быть полностью подчинен ученому, так что не от всякого времени учебы и не от всего, что в нем было заложено, можно получить полное удовольствие и использовать.

Именно поэтому и истинный дух университета, даже и внутри всякого факультета, есть предоставление высшей свободы. Предписывать порядок, в каком лекции должны следовать друг за другом, распределять исходя из отдельной области целого, суть нелепости; и даже личное соглашение об этом преподавателей между собой было бы нежелательным. Это неизменно способствует стагнации, и напротив – новая жизнь входит во всякую научную

ветвь лишь в том случае, если последняя в свою очередь и по-новому получает разработку в рамках других ответвлений и преимущественно в тех, что и сами больше обращаются к другим ветвям. Поэтому пусть всякий не определяет и не связывает свой талант таким внешним образом, а сам соединяет с чем-то еще. Люди духовные и прилежные, которым важно и дорого их дело, которым заняты они в университете, не нуждаются в этом отношении в каком-то внешнем законе; в них самих содержат они то, что их влечет к совершению всего того, что они только могут совершить, и самим себе должны они быть законом. Последний, конечно, еще и слишком своеобразен, чтобы получать его от кого-то другого или становиться всеобщим, поскольку он в точности зависит от отношения учителя к своим ученикам. Чем крепче они к нему привязаны, тем больше они ощущают в их научном стремлении его всеобщую поддержку, тем обширнее будет та область, куда они устремятся под его руководством; чем больше же, напротив, поразит их в нем лишь его особенная виртуозность, тем меньше будут они желать, чтобы он вознесся выше их области, но, напротив, будут смотреть на подобное с некоторым тихим злорадством.

Поэтому в большей степени отвечает школе, чем истинному духу университета, когда номинальной профессуре придается чересчур большая значимость. Предписывать преподавателю определенный период, когда бы он снова и снова читал одни и те же лекции, означает сделать ему невыносимым его собственное дело и служит виной тем скорейшего истощения его таланта. Является также естественным, что тот, кто работает для науки где-то помимо кафедры, должен так сорганизоваться, чтобы его труды чрезмерно не препятствовали друг другу, когда и что-то иное должен был бы он читать публике с охотой и интересом, и, следовательно, там, где подобные обязанности не могут быть сопряжены друг с другом. Правда, утверждают, что следует-де проявлять заботу о том, чтобы в тот период, когда обычно следует находиться в университете, должно действительно быть представлено все самое существенное, относящееся ко всякой области. Это, безусловно, верно! Но поскольку наличествует лишь надлежащее множество преподавателей нужного вида, и поэтому нет в этой заботе никакой нужды. И так и должно быть: каждому указывают на особенный предмет и вменяют ему в обязанность лишь постольку, поскольку в течении некоторого периода не находится никого, кто бы изложил его в надлежащем объеме. И это указание должно столь мало оговариваться в уставах и получать столь свободную форму, что два преподавателя, избегая пространных объяснений, могли бы взаимно менять тех обязанности, которые они на себя взяли. Так, каждый сохранит свою свободу, а целое благодаря этому не окажется в пренебрежении, а лишь выиграет от этого.

Итак, чем в большей степени всякий преподаватель таким образом сам будет определять собственный круг обязанностей и по желанию сможет его расширять и сужать, тем в большей степени смирится и со столь часто бранимыми гонорами. Также и это пусть и достаточно удивительным образом оказывается все-таки связанным с духом и сущностью наших университетов, ибо это положение, вопреки некоторым комичным случаям недавних преобразований, постоянно сохраняется, и пожалуй, можно утверждать, что наиболее плохие университеты и наиболее плохие подразделения всякого университета суть чаще всего те, где обходят вопрос гонора. Прежде всего, это относится к тем немногим учреждениям, в которых университет предстает как возникший из абсолютно свободного частного объединения ученых. Поскольку это, однако, есть его самая естественная и прекраснейшая сторона, то, конечно, и обстоятельства оплаты его занятий никогда не нанесет урон уважению учеников к преподавателю, который никогда не станет развенчивать это обстоятельства даже и благодаря плохому настроению, да и самому ему не представляется это унижительным, ведь одновременно уменьшается и ощущение его зависимости от государства. Поэтому и государство здесь совсем не может вмешиваться в данное положение; поведение по отношению к более бедным должно определяться хорошим тоном преподавателей. Если же оно пожелает предписать, что или как часто каждый из них должен выступать бесплатно: то это напомнит самое худшее устройство малых школ, где более низкое изучается публично,

тогда как более редкое и более высокое – на частных уроках. Преподаватели сами гораздо лучше решают, что нужно для того, чтобы время от времени устраивать подобное пиршество для избранного числа.

Сюда же относятся и семинары, которые, как правило, связаны с большинством факультетов, с медицинской, теологической и философской секциями философского факультета, и почти повсеместно выглядят как собственные образования, которые с весьма специфическими намерениями были учреждены и получают покровительство со стороны государства. Руководящие ими преподаватели получают за руководство особое жалование, и даже ученики, которые в них участвуют, чаще всего (лишь в клинических учреждениях медиков это не стало обычным) получают значительные преимущества. Уже выше было упомянуто о том, что такие семинары суть то, через что университет сближается с академией, а также и о том, что на этих семинарах следует проводить собственные показательные опыты, штудии, сосредотачивающиеся на отдельном, и исследования учеников. Поэтому наиболее глубокая сфера чистой философии не способна раскрывать здесь ничего из подобного типа, но для нее роль таких занятий должны собственно выполнять упражнения-диспуты, каковые имеют своей целью правильно утвердиться в философских принципах и во всеобщих воззрениях. Семинары, однако, примыкают к дисциплинам, которые в большей степени обращены к особенному, и представляют собой как раз такое сосуществование преподавателей и учащихся, в котором последние уже выступают как производящие, а учителя непосредственно ничего не сообщают, а всего лишь направляют это производство, поддерживают его и выносят суждение. То, что на семинарах следует непосредственно изучать нечто более высокое, чем то, что имеет место в ходе обычных лекций, есть с необходимостью совершенно ложный взгляд. Ведь на всякое непосредственное обучение в университете все имеют одинаковое право. Семинары же по самой своей природе неизменно предназначены для некоторого избранного коллектива. Между ними и лекциями есть еще и собеседования, в ходе которых для преподавателя прежде всего становятся зримыми реакции ученика; он различает то, что в преподавании оказалось менее понятным, и возвращает это обратно учителю для переработки и разъяснения; он выдвигает сомнения и возражения, чтобы дать возможность преподавателю их разрешить. Это почти сущностная форма, правда, достаточно часто отсутствует, но этот пробел, безусловно, должен показаться довольно ощутимым там, где в семинары не являются подобным свободным объединением. Уже это в большей степени обоюдное сообщение, конечно, же осуществляют лишь именно те, в которых действительно живет научный дух. Естественно, достаточно часто отсюда вытекает возможность задавать ученикам работы и требовать от них исследований, благодаря чему привносится больше света в отдельные области их знания, и рассеивается объявший их туман, или могут преодолеваться подавляющая их беспомощность в их духовных деятельности. Лишь те, кто осознает в себе серьезные, достаточные силы, не утрущаются этого полного напряжения пути; и если, следуя ему, они чувствуют в себе потребность и далее сохранять общность со своим преподавателем, в этом случае организуются семинары. Итак, собственно всякий преподавателю, которому удастся ближе привлечь к себе некоторое множество изучающих его предмет, должен передавать руководство их работами им самим, и каждый из них должен сам образовывать свой семинар. На пути этого естественного развития встает государство, если оно для каждого факультета учреждает *один* семинар, и, оказывая особую благосклонность, передают его какому-нибудь *одному* преподавателю. О том, что государство, как правило, назначает его пожизненно, и о том, что даже если оно и впервые учреждает подобную форму, она, ввиду царящего в Германии почтения возраста, передается старейшему, кто при прочих равных условиях, как правило, в наименьшей степени способен к такому более близкому личному общению с молодежью, - о всем этом мы не желаем даже думать; величайшее и очевиднейшее зло состоит в том, что если какой-то *один* преподаватель получает такого рода благосклонности, его участие в собственных трудах учащихся благодаря этому превращается в монополию, и другие оказываются не в состоянии

совершенствовать свои отношения с молодежью, и таким образом использовать многое из того, чтобы они могли бы. Точно так же, когда государство предоставляет определенному числу учащихся привилегию участвовать в семинарах, причем зачастую тотчас после их прибытия в университет: то тем самым не только привязывает оно учеников некоторым нечистым образом исключительно к тому учителю, который должен распределять эти привилегии, но и впадает во всеобщий и всем известный порок раздачи чистых поощрений, которые лишь изредка оказывают действительное поощрение, и вознаграждений еще до того, как что-то имело место. Не должно быть никаких семинаров такого рода, а государству следует отказаться от всякой поддержки, каковую он предназначил каждому факультету ради этой цели, и всякий преподаватель, который желает и может объединять вокруг себя некоторый более тесный круг учеников ради собственных, поистине научных трудов, часть из них должен направлять наиболее дельным из них. Лишь если наступает тот печальный случай, когда ни один из преподавателей сам по себе и безо всякого особенного вознаграждения не чувствует никакого призвания к этому, должны вступить все учреждение в целом или государство. Возможно, существующие семинары отчасти возникли именно таким образом, отчасти же на основе такой предпосылки; во всяком случае, такая монополия должна быть отменена в тот самый момент, как только обнаруживается и некоторый конкурент на такую задачу.

Согласно подобным же принципам, а именно, тому, что государство ни в коем случае не должно распределять поощрений и благодарений, но исключительно вознаграждения и почетные звания, следует судить и о всяком распределении стипендий и возводить их к его первоначальной цели, ведь оно лишь через постепенно укореняющуюся мягкотелость превратилось в распределение бенефиций. Студент не должен получать никакой другой стипендии, кроме той, которую он заслужил уже в школе, и она должна продолжаться лишь до того момента, пока в университете не сможет заслужить новую, и тогда – нежданно-негаданно для него самого он не превратится из отличного ученика в плохого студента. Всякая поддержка должна оказываться лишь проверенным студентам, признанным отличникам, причем знаки отличия должны сопутствовать ей, с тем чтобы богатый стремился к ней так же, как и бедный, и лишь материальную выгоду охотно оставлял бы другим. Лишь так можно достичь первоначальную цель и избежать унижений и различий, которые нигде не были бы более неуместны, чем в университете.

Все это, правда, предполагает, что преподаватели университета являются таковыми, каковыми они быть и должны. И как можно было положить в основание сущностных учреждений какую-то иную предпосылку помимо этой? Возможно, могли бы получить развитие и иные вещи, пусть и такие, что потребовали для своего осуществления внешнего принуждения; но только не этот труд, осуществить который способны лишь желание и любовь, а то, что без них могут совершить даже и отличнейшие внешние указы и статуты неизменно есть одна пустая видимость. Тот, кто ставит себе задачей учреждение университета, так чтобы он начал свой ход и предлагал услуги, хотя преподаватели его едва дотягивают до среднего уровня, и работают не с полной отдачей, - тот предпринимает безрассудное дело. Ведь то, что должно стать духом и его укрепить, то должно и проистекать из силы этого духа.

Поэтому, конечно, первая забота такова: как заполучить преподавателей, знающих толк и весьма умело распоряжающихся всеми необходимыми силами? Мы рассмотрели сущностные ветви университета; но как они наилучшим образом обновляются в каждом наличествующем случае? Опыт, кажется, подсказывает, что именно этот важный пункт еще не урегулирован подобающим идее и сущности целого образом. Повсеместно обнаруживается просчетов больше, чем в этом можно было бы поверить; и нельзя предположить, что количество пригодных к этому делу мужей было бы столь же ничтожным, сколь мы имеем действительно отличных преподавателей; и даже можно различить целые периоды, в которые в

университетах места замещали исключительно превосходные преподаватели, и другие периоды, где работали люди уровня ниже среднего. Это, видимо, имеет свое основание в том, что правительство, как правило, передает заботу о замещении этих постов *одному* важному государственному деятелю. Если тот проявляет надлежащий талант и подлинное усердие к делу, то он и не ошибется, собирая вместе превосходнейших мужей; если же ему наследует другой, неудачно выбранный, то и его плохой выбор приведет к замене тех отличных преподавателей на ряд людей незначительных. И даже следует опасаться, что лишь в небольшом государстве, которое не способно рассматривать университет только как существующий для собственных, государственных, потребностей, этот осуществляющий надзор государственный деятель будет учитывать исключительно научное качество; но чем больше государство, тем больше благодаря господствующему всеобщему воззрению и талантливейшим ученым, для которых, однако, важна лишь наука, будет оно соблазняться возможностью отбирать лишь тех мужей, которые показали себя друзьями и мастерами искусства направлять любознательность учеников лишь на превратно понятое благо государства. И значит, не следует ли попытаться предупредить такое, столь трудно избегаемое, ложное направление и эту изменчивость, столь вредную для расцвета университета, тем что замещение преподавательских мест сделать менее зависимым от *одного* лица. Разве сама природа вещей не свидетельствует в пользу того, что, если наука не должна прийти в упадок, то в выборе самого подходящего ее хранителя и продолжателя должен и научный союз принять значимое участие?

Правда, утверждают, куратором университетов должен-де необходимым образом всегда являться человек с научным образованием, а не те, кто, прежде всего, сюда попадают (*an die Hand gehen*) - как правило, члены высшего церковного или школьного советов; но здесь возникают опасение, что все они, чем дольше, тем больше будут рассматривать себя преимущественно в качестве государственных слуг, и желание, чтобы участие научного союза в этом деле проступало бы определеннее и обособленнее от участия государства. Правда, и на это можно возразить, что всякому университету предоставлена свобода взять этот выбор, в сущности, в его собственные руки и обновлять себя на основе самого себя. Ведь и он мог бы формировать приват-доцентов из своих собственных выпускников, И если они через некоторое время достигли бы успеха и приобрели бы заслуги, то государство, безусловно, не обошло бы их стороной; но даже если бы это и случилось, они бы все-таки были бы более эффективны в университете, нежели преподаватели, принятые на должность государством. Но это, однако, мало соответствует природе вещей. Привет-доцент как таковой никогда не превзойдет общественно санкционированного преподавателя, даже и такого, который далеко уступает ему с точки зрения науки; если он неизменно остается исключенным из участия во внутреннем руководстве целым, то утерит он и силу духа и желание, и или подается куда-нибудь в другое место, или позволит увянуть своему таланту не востребовавшимся. Если же государство не несет обязательств по продвижению и трудоустройству таких мужей, то и такая свобода обучения мало дает для дела науки. С другой стороны, однако, поистине не было бы хорошим делом, если бы университет обновлялся бы исключительно из себя самого, - как и в других случаях, когда не вызревают готовые к прорастанию плоды, если в почву снова и попадает лишь то семя, которое и порождено таким же семенем; или когда в семьях, в которых общаются и женятся лишь между собой, манеры закостеневают и исчезает дух, - так и подобного рода университета приобретает односторонность и черствеет. Каждый из них, напротив, должен любым способом открываться воздействию на себя со стороны другого, и не будет ни у одного из их тогда недостатка в преподавателях, обретающихся и во многих иных научных сообществах, чтобы сообщить воспитывающимся лишь в стенах родного дома о чужих добродетелях и плодах многосторонних отношений.

Правда, и в самом университете должны лучше всего знать его потребности – всякий раз при возникновении недостачи или при получении возможности его расширения; и поскольку

можно предположить наличие у его членов знакомства со всем примечательным, что волнует отечественные науки, то они должны знать также и то, где эту потребность они могут удовлетворить. К сожалению, однако, пожалуй, никто не хочет высказаться за то, чтобы предоставить весь этот выбор одному лишь университету; университеты в целом пользуются такой дурной славой из-за духа мелочных интриг, что, пожалуй, всякий в такого рода учреждении будет опасаться вреднейших последствий партийных пристрастий, страстей, возбуждаемых литературными распрями и личных зависимостей. Напротив, у правительства и его представителей, которым, конечно, таковые искушения остаются совершенно чуждыми, все-таки отсутствует весьма многое из того, что определяет правильность суждения, а если они еще и примеряют масштаб приобретенной университетами славы, они ошибаются еще чаще.

В обоих этих отношениях места преподавателей чистой философии, чаще всего, видимо, вызывают трудности. Ведь эта область далее всего более всего отдалена от государства, и ему самому должно показаться чрезвычайно удивительным то, что оно само должно принимать решения о том, кто же является подлиннейшим философом, и кто более всего заслуживает покровительств и отличий. И нет ничего более ненавистного в этой области, ничего, что бы столь же сильно ослабляло бы доброжелательное внимание и взаимное доверие, чем положение, когда правительство принимает ту или другую сторону в делах философии, тем что исключает ту или другую из соперничающих систем или пренебрегает ею. С другой стороны, однако, и сами университеты являют собой место сражений, - там, где идут ожесточеннейшие и иногда доходящие до уничтожения бои систем, так что если им сами предоставить это решение, надо будет опасаться ожесточенных движений. Здесь, видимо, не найти никакого другого средств, кроме именно этой свободы обучения. Тот, кто прокладывает новый путь, тому и следует предоставлять место; кому удастся, после того, как он надлежащим образом прижился в университете, добиться и сохранить наибольших аплодисментов, и побудить таланты к спекуляциям, за ним и следует признавать характер публичного преподавателя, невзирая на его систему, и даже не страшась тех раздоров, которые при известных условиях могут однажды оказаться в этой области неизбежными. Теперь только, чтобы не было никакого заметного для общественности пятна на его нравственной репутации, и к тому же должно быть известно о том, что он разрабатывает какое-то поле и в области реального знания. Возможно, это есть единственная область, где заявки и ходатайства о месте публичного преподавателя может осуществляться со стороны конкурентов, а решение о выборе среди нескольких почти одинаково квалифицированных конкурентов может быть передано куратором лучше всего тому кругу членов национальной академии, который менее всего вовлечен в распри партий и, как правило, обладает чистейшим чувством ко всякому таланту, а именно – кругу филологов.

Во всякой иной сфере представляется менее трудным определить то, каким наилучшем способом государство и научный союз должны поделить задачу замещения мест. Для мест, в отношении которых непосредственно выражен интерес государства как таковой, куратор мог бы предложить, привлекая тех членов подчиненного ему высшего учебного совета, которые в данной области приобрели самые высокие ученые степени, - а никто другой и не должен получить голоса в университетских делах, - и выбрать тот факультет, на которые следует устроить претендентов на место, с привлечением также и той секции факультета философского, к которой причастны его члены, или же на который претендент желает устроиться. Однако для таких преподавательских мест, которые сильнее всего сохраняют научный характер, самому университету следовало бы предлагать, скажем, трех претендентов, как они следует друг за другом согласно большинству поданных за них голосов, среди которых и должен выбирать куратор, с привлечением тех же самых лиц. Представляется, что через такого рода учреждение, которое для каждого университета получает собственную модификацию, лучше всего может обеспечивать равновесие и противодействовать большинству дурных влияний.

Однако столь же необходимым является вопрос о том, как наилучшим образом и в нужное время освобождать этих превосходных преподавателей от должности? Поистине, никто не играет более грустную роль чем университетский преподаватель, который пережил себя в качестве такового, который это ощущает, и все-таки принужден к тому продолжать свое дело, чтобы не оказаться в состоянии нищеты! Здесь замечаешь, насколько важно государству иметь лишь незначительное число университетов, ибо при этом некоторый преподаватель, и прежде всего наиболее одаренный, еще во время своего наибольшего расцвета может некоторым образом позаботиться и о более позднем времени, так что такое заведение могло бы предоставить каждому заслуженному лицу почетную и приемлемую отставку. Но столь важным в этом отношении является и правильное и дружелюбное отношение между университетами и академией. Дар преподавания, каковым должен обладать университетский учитель, есть нежный талант, который раскрывается лишь самые прекрасные моменты жизни; и если бы философы, как правило, не стыдились определить правильные и естественные начало и конец свой порождающей силы, можно было бы легко и по отношению к этому таланту зафиксировать, что он, как правило, берет начало между двадцать пятым и тридцатым годами жизни, и стремительно достигает своего прекраснейшего расцвета, и что тот, кто достиг своего пятидесятилетия, может столкнуться с быстрым увяданием своего таланта. И не только из повторений проистекающее пресыщение, как полагают, воздействует на такое увядание, ведь опасения о таком воздействии могут появиться у поистине одухотворенного преподавателя хорошо обустроенного университета лишь весьма поздно, - но и чем больше сказывается то, что молодежь принадлежит уже совсем другой эпохе, нежели преподаватель, чем меньше способен он приспособиться к ее мышлению и разделить с нею известные симпатия и радости, тем в большей степени оказываются утерянными его склонность и умение идти на сближение с этой молодежью, и тем недружественнее и неплодотворнее оказывается его деятельность. Но разве кто-то утверждает, что тот, кто потерял такой талант, тот и умер-де для науки? И что академия-де низводится до уровня дома престарелых, если принимает в свои ряды таких людей? Разве не именно в этот период в той же самой степени исчезает из отдельных трудных исследований зачастую вредящая и опрометчивая живость фантазии, на место которой заступает рассудительность во всей ее мощи? Разве не она в эти годы производит еще самые выдающиеся труды? Ведь чаще всего в свои более поздние годы всякий преподаватель наук в университете, - и чем основательнее проводились там занятия, тем ближе были они академическому образцу, - страстно желает спокойного продолжения своих исследований и доведения до зрелости прекраснейших плодов его медитаций. Как правило, нет недостатка и в таких университетских преподавателях, которые ощущают склонность к деловой жизни, как только их преподавательский дар начинает отцветать. Для обоих типов должен наличествовать почетный и определенный законом переход, если хотеть избежать болезни университета - тем более серьезной, чем больше из его членов становятся слишком слабыми для своих задач. И если только желать ему расцвета, то и преподаватель, подобно учащемуся, должен представлять лишь пусть долговременное, но преходящее явление.

Легко увидеть, что естественное движение университетов идет в том направлении, чтобы это постепенно ставшее преобладающим влияние университета вернуть в его естественные границы, и наоборот - дать проступить характеру научного союза в этих принадлежащих университету учреждениях. Это, следовательно, должно иметь отношение и к его общественной деятельности, и к тем формам, в которых университет или его важнейшие члены, факультеты, должны выступить как одно целое. Постепенно все более четко должно выделиться то, что принадлежит к самой внутренней жизни подразделения университета, из всего того, в чем сам университет или его отдельные члены усматривают лишь свою принадлежность к гражданскому обществу. Во всем, что относится к первой указанной области, университет должен иметь возможность свободно и независимо формировать свой внутренний правопорядок, и изменять его в соответствии с обстоятельствами; государство же

не должно позволять себе никакого руководства, но лишь требовать оповещения и осуществлять надзор, с тем чтобы никто не преступал границы этой области. Оно может спрашивать отчета лишь о тех привилегиях и имуществе, которое им было предоставлено, и требовать, чтобы всем этим распоряжались признанные им уполномоченные, из некоторых из числа которых, однако, все-таки и университет должен иметь возможность выбирать. Все остальное есть опека, которая могла бы иметь место лишь в детском возрасте науки, и против которой естественное противодействие проявляется тем сильнее, чем более зрелым чувствует себя университет, чем тверже становятся приобретенные им воззрения и чем основательнее стиль его жизни. Что же касается форм его публичного выступления, образования его прав и порядков: то научный образ мышления нашего времени по своей природе является совершенно демократичным, а сознание настолько живым, что все мужи науки по своему духу подобны друг другу, и задачи каждого из них равно существенным образом принадлежат целому. И чем свободнее, следовательно, может формироваться его устройство, тем демократичнее будет его образование. И пусть даже это общественное тело конституируется некоторой персональной репрезентацией всех действительных членов, или каким-то более узким комитетом: дух будет всегда оставаться тем же самым, и также по форме этот комитет может возникать неизменно через сводный выбор, - с тем, чтобы предоставить возможности более высокой деятельности именно тем, кого считают наиболее способным к тому, чтобы способствовать выявлению и выражению всеобщей воли. Там, где управляющий комитет образуется как составляющийся на основе более определенных качеств, там и в других вещах должно, безусловно, выявиться лежащее в их основании аристократическое умонастроение вместе с многочисленными его пороками – преимущественно через тиранию по отношению к проклевывающимся заслугам, через погоню за внешним почитанием, через странноватый ненаучно-надутый тон. Внутренний демократический образ мыслей не препятствует однако тому, чтобы устройство принимало внешне монархическую форму, как мы ее повсеместно и обнаруживаем – и, безусловно, к большой пользе для университетов. Ведь те, кто постоянно вступает с университетом в отношение, естественным образом обращается к тому, от кого исходит оформление решений – будь оно устное или письменное. Если же это всего лишь подчиненный чиновник, то это чрезвычайно бы облегчило непочтительное обхождение и со всем университетским корпусом. Поэтому весьма полезно, чтобы *единственное* лицо, которое, впрочем, внутри есть лишь первое среди равных, вовне наделялся бы сановным достоинством целого корпуса, репрезентируя его в отношениях с государственными органами, отдельными лицами, но прежде всего – в отношении с учащимися. Это есть подлинная идея ректора университета, который в целях сохранения демократического характера целого должен избираться в соответствии с определенными формами и на определенное время из корпуса, который он репрезентирует. Там же, где он назначается государством, возможно на длительное время или даже пожизненно, и возможно одаряет его и во внутреннем кругу большими прерогативами, чем если бы он был просто первым среди равных, это причиняет ущерб истинной научной свободе, и следует опасаться вреда от широкого распространения таких взглядов, которые бы низводили наука до уровня чистого услужения государству. Такой же демократический характер должно иметь и делопроизводство на всяком отдельном факультете. Там, где наличествует президиум, либо сменяющийся через выборы, либо, что при незначительном числе более естественно, - через чередование, там внутреннее равенство всех нисколько не исчезает. Если же где-нибудь, за каким-то отдельным лицом – ввиду его возраста или выслуги лет – признаются внутренние преимущества: то целое здесь обязательно будет переживать слабости, свойственные для данного возраста и страдать от зависимости от ограниченности отдельного лица.